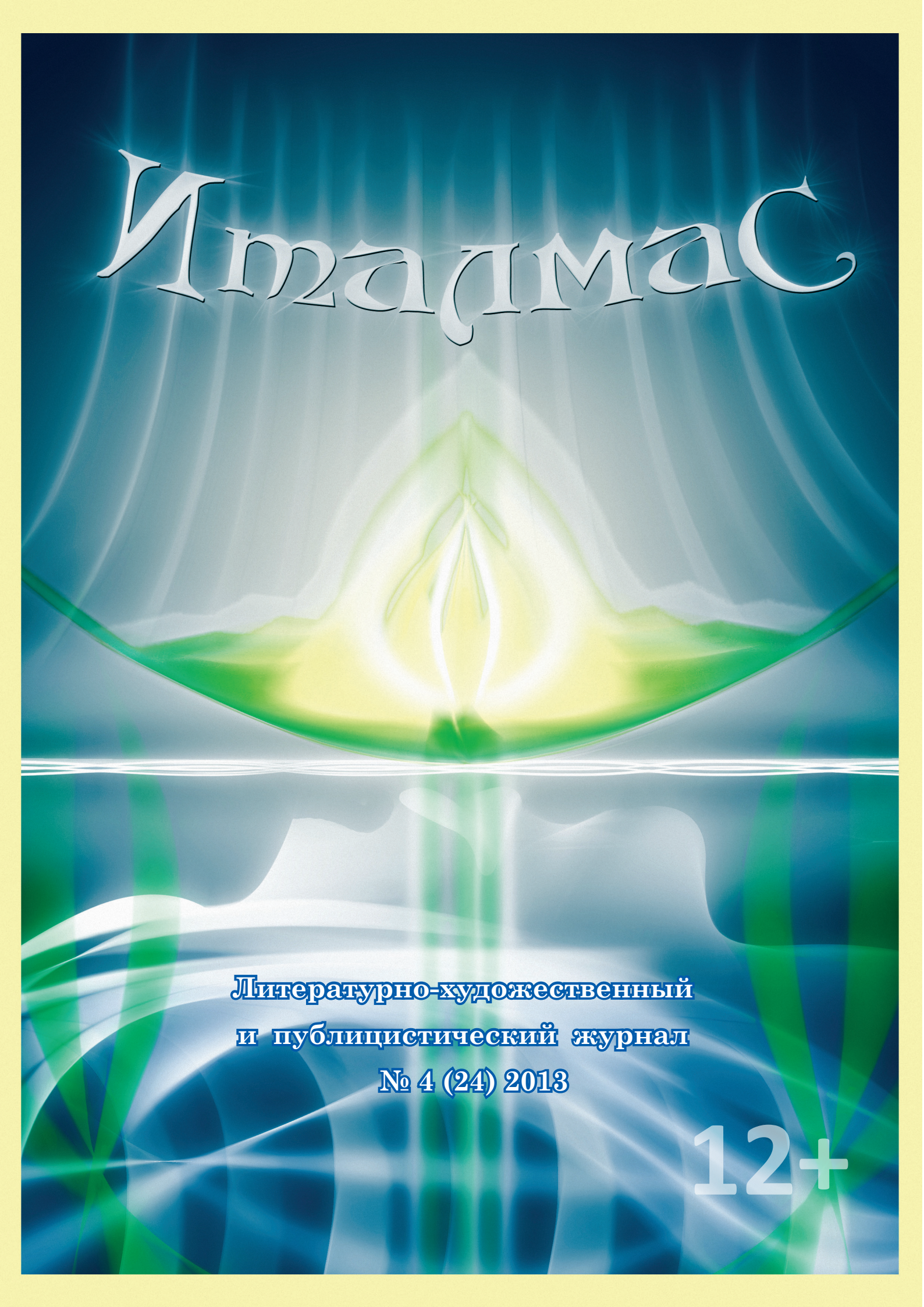

Иматмас

Литературно-художественный
и публицистический журнал

№ 4 (24) 2013

12+

На берегу. Бумага, акварель. Художник Александр Ермаков, г. Ижевск.

ИТАЛМАС

Литературно-художественный и публицистический журнал

№ 4 (24) 2013

Выходит 6 раз в год

Журнал основан в 2007 году

Учредители-издатели:

НОУ ВПО «Камский институт гуманитарных и инженерных технологий»
Благотворительный фонд имени писателя Михаила Петровича Петрова

Редакционный совет:

Валерий Александрович Никулин — председатель
Ольга Александровна Дегтева
Сергей Максимович Решетников
Егор Егорович Загребин
Александр Михайлович Ермаков
Наталья Алексеевна Сударикова
Анна Сергеевна Зуева-Измайлова
Олег Никитич Хлебников
Лев Ильич Роднов
Анатолий Андреевич Строкин
Михаил Николаевич Юхма

Редакционная коллегия:

Валерий Александрович Никулин — главный редактор
Наталья Викторовна Варламова — заместитель главного редактора, выпускающий редактор
Елена Валериевна Никулина — главный художник-дизайнер
Фаина Александровна Бушмакина
Наталья Андреевна Атнабаева
Дмитрий Валерьевич Стрелков

Адрес редакции:

426003, г. Ижевск, ул. В. Сивкова, 12а.
Тел./факс (3412) 501-751, 501-761. E-mail: kigit@bk.ru.
Подписано в печать 27.08.2013. Формат 60х84 1/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Century Schoolbook.
Уч.-изд. л. 16,2. Усл. печ. л. 16,7.
Тираж 500 экз. Заказ №.
Отпечатано в МУП «Сарапульская типография».
427900, г. Сарапул, ул. Раскольников, 152.
Тел./факс (34147) 4-12-83, 4-12-85.

© Камский институт гуманитарных и инженерных технологий, 2013
© Благотворительный фонд имени писателя Михаила Петровича Петрова, 2013
© Авторы, постатейно, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

		ПРОЗА	
	Александр КОРЕНКОВ	Чай с можжевельником <i>Ноктюрн</i>	4
	Антон ЛУКИН	Колька Чижииков <i>Рассказ</i>	10
	Валерий РУМЯНЦЕВ	Пуховый платок <i>Рассказ</i>	14
	Иллирик СОРОКИН	Старый дом <i>Документальная повесть</i>	17
		ПОЭЗИЯ	
	Вячеслав ЗАХАРОВ	«А сердце словно и не радо...» <i>Стихотворения</i>	
	Янтарь		30
	«Я еду в Поляны, родные Поляны...»		30
	Мамин сад		30
	«Бывают женщины: однажды...»		31
	«Есть братья по крови, мы — братья по слову...»		31
	«Сад и ад. Две ипостаси...»		31
	Романс		31
	Твои глаза		31
	Егор РОНЬШИН	«Здесь есть о чем спеть...» <i>Стихотворения</i>	
	«Дорога — как старый нож: сточилась до тонкой полоски...»		32
	«Нас всех в мире нету, но в разные место и время...»		32
	«Играя в игры, у которых нет названий...»		33
	«Про «Не суди»: — Ну хоть не по себе!..»		33
	«Дыши черемухой. Смейся. Лови дожди...»		33
	Пять грехов		33
	«Уже не дом — домовина, взорванный гроб...»		34
	Ольга АРМАТЫНСКАЯ	«И все мы дома, при одной звезде...» <i>Стихотворения</i>	
	«А здесь у нас всюю справляют осенины...»		35
	«Пришла пора бежать? И все пути — открыты...»		35
	Кама. Берег-блюз		36
	«Не повидать мне Иерусалим...»		36
	Подростковый рэп		36
	«Мчится вперед человечества бодрый отряд...»		36
	«Стихи, шивая время и пространство...»		36
	Аркадий ФЛЕЙШЕР	«Сказал известный острослов...» <i>Четверостишия</i>	
	«Сейте разумное, доброе, вечное...»		37
	«Как много в мире дураков...»		37
	«Что я искал на Брайтон-бич?...»		37
	«Зверье затеяло разбор...»		37
	«Для чего распинали Христа...»		37
	«Сказал известный острослов...»		37
	«В конце туннеля виден свет...»		37
	«Возне чужого не мешай...»		37
	«Осел искал чертополох...»		37
	«У каждого поэта...»		37
	Светлана МАЛЬЦЕВА	Сарапул и поэты. Алексей Сомов — уже «был такой поэт...»	38
		ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	
	Наталья ЗАКИРОВА-ГУЩИНА	С любовью к Пушкину	40
	Сергей ФОМИЧЕВ	«...Глаза над буквами скользят...» <i>К проблеме Пушкинской текстологии</i>	43
	Фаина БУШМАКИНА	Два стихотворения Милитины Гавриловой-Решитько	48
		ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ	
	<i>К 160-летию со дня рождения Владимира Галактионовича Короленко</i>		
	Александр ТРУХАНЕНКО	Загадка Тюлина <i>Рассказ В.Г. Короленко «Река играет»</i>	50
	<i>К дню рождения Олега Поскребышева</i>		
	Василий ГЛУШКОВ	Олег Алексеевич	53
	Владимир МИХАЙЛОВ	Поскребышевские чтения	54
		ПЕРЕВОДЫ	
	Ашот САГРАТЯН	«Весна приходит, душу бережит...» <i>Стихотворения</i>	
	Сильвы Капутикян в переводе с армянского		55
	Масис		55
	«Когда бы ты пришел...»		55

	Голос крови	55
	Элегия	55
	«Чем дольше ходишь по земле...»	56
	Департация	56
	«Я ли не возвысила тебя...»	56
	«Удержать меня – не удержал...»	56
	«Народ ты мой, талантливый во всем...»	56
	Пшат сребролистый	56
	«Запал ты в сердце, мой вдох и выдох...»	56
	Примирение	57
	«Здесь весна опаздывать охочая...»	57
	«В этот мир ты женщиной пришла...»	57
	Сыну	57
	«Не перепало мне красы...»	57
	Валерий КИЛЕЕВ «...Где удит звезды молодой бамбук...» <i>Стихотворения</i>	
	<i>Леопольдо Лугонеса в переводе с испанского</i>	58
	Тебе, единственная (квintет луны и моря)	59
	История моей смерти	59
	Двенадцать наслаждений	59
	Дождевой псалом	60
	Елена ЕЛЬЦОВА Мифологемы в интертекстуальном поле перевода	61
	КРАЕВЕДЕНИЕ	
	Ариадна и Ольга ГОЛУБКОВЫ Петр Ильич Чайковский и культура Вятской губернии	65
	Николай ПИСЛЕГИН К истории взаимоотношений народов удмуртского Прикамья в XIX веке	69
	РЕЦЕНЗИИ	
	Надежда ЛЕКОМЦЕВА Панорама литературной жизни района <i>О сборнике «Киясовский ромашковый край»</i>	72
	ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО	
	Наталья СУРНИНА «Нужно сеять очи...» <i>О стихотворении Велимира Хлебникова «Одинокiй лицедей»</i>	77
	ДЕБЮТ	
	Алексей МОРОВ «И вновь стихи о жизни и разлуке...» <i>Стихотворения</i>	
	«У нашей страсти свой характер звука...»	85
	«Бывают встречи вне привычных схем...»	85
	Люшер	85
	«Прошу, не надо песен о любви...»	86
	Полураспад	86
	Терпи	86
	Слово	86
	Уходит лето	86
	Ирина МАКАРЫЧЕВА «Любить зажмурившись, не открывая глаз...» <i>Стихотворения</i>	
	Рифмованное молчание	87
	Рифмованное утро	87
	Театр в стиле нуар	88
	Рифмованный серый дождь	88
	Рифмованный страх	88
	Позови!	88
	Спартак КАЛИНИН «А в душе и любовь, и молитва...» <i>Стихотворения</i>	
	Последнее	89
	«За пару стоящих и вымученных строк...»	89
	А счастье было...	90
	Перезагрузка	90
	Мир таков	90
	Старый Новый год	90
	«Не могло иного приключиться...»	90
	ПУБЛИЦИСТИКА	
	Геннадий ПАВЛИХИН «Это было недавно, это было давно...» <i>Часть III</i>	91
	ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО	
	Алексей ИЛЬИН «Вы, как судьи, нарисуйте наши судьбы...»	105

ПРОЗА

Александр КОРЕНКОВ

оперный певец,
г. Москва

ЧАЙ С МОЖЖЕВЕЛЬНИКОМ

Ноктюрн

Лисица лица меняла,
Смешивая, смеясь...
Пух горлиц голубых
С подшерстком заячьей губы...

Гуси летят

Я живу посередине недлинной, узкой реки, которая начинается непонятно в каких болотах, а заканчивается у верхнего моря – там, где круглый год в порту стоят большие корабли. Они приходят в наш город поздней весной и приносят с собою жизнь. Жизнь – это матросы, офицеры и иностранные туристы. Работы становится хоть отбавляй, так что к концу сезона больше ни о чем не думаешь: только упасть и проспать всю зиму до следующей весны.

Придя в себя где-то к концу марта, обнаруживаешь, что все – как было. Гуси летят. Или просто, делая вид, машут крыльями. Пасмурно. Стул у окна тщетно пытается отбросить тень. Проехал, как будто из другого времени, белый «запорожец». Вообще, когда пасмурно, время быстро старится. Открылась форточка, обнаружив звук пилы из гаражей. От пивного ларька ветер донес запах крепкой, нерушимой дружбы. В

домах напротив стал зажигаться свет, как огоньки на елке: то вспыхивая, то лопаясь, – по очереди.

Выходишь на улицу и идешь, и ноги сами несут тебя к пристани. Садись на скамейку, четвертую слева, и ждешь того, что никогда не случится. Когда совсем стемнеет, встаешь и направляешься к ближайшему кафе. В улыбке бармена – «Ты? Как?». И что-то еще... Протирает бокалы. Посмотришься в зеркало и закажешь что-нибудь выпить. Немного историй. Куришь. Прощаешься и садишься в пустой автобус.

На твоей остановке двери не открываются, автобус медленно поворачивает за угол и, быстро набирая скорость, едет из города. Дождь. Сквозь капли на стеклах фонари проносятся размазанными фейерверками. Вот уже проехали большой светящийся мост, дачные домики с желтеющими верандами по обе стороны от дороги – таки-

ми, как само детство. Куда он меня везет? Скорее любопытство, чем волнение. Остановился. Не выходит. Ждет. Чего? Того, что никогда не случится? Как долго!

Показался наконец. Такой большой, улыбается сквозь усы, неровно дышит. Подходит. Нет, не первый. Руку из кармана – первая прямо в живот. Удивление под бровями. Не ожидал? Да, вот так вот, мон шер, знал бы прикуп... Как тебе – чувствовать, что это конец? А? Ведал бы где, подстелил бы?.. Вторая в лоб...

Где тут эта кнопка? Хорошенький вечер. Жди меня, и я вернусь... В пустом автобусе голос разносится не хуже, чем в филармонии. Только очень жди... Ну, вот и открылась. Какой вкусный, свежий воздух за городом весной! Господи, как хорошо! А звезд-то сколько! Спасибо тебе, водитель. Лети-лети далеко-далеко, за самые дальние звезды. Чтоб мама и папа знали, какой у них замечательный мальчик.

Куда теперь? Дачи остались позади. В город, домой, когда здесь так чудесно, конечно, не хочется. Ни за что! Садись за руль, заводись, оглядываешься. Лежит. Возиться с ним? Только не сейчас. Трогаешься с места. Поехали!

Куда ведет эта дорога? Фары выхватывают из темноты только кусты и голые ветви деревьев. А вот и указатель: порт, сто двадцать километров.

Педадь в пол! Дорога сухая. Дождя здесь не было. Доехать удастся меньше чем за час, встречных машин – три.

Светает. Километров за пять до города река делает крутой поворот, образуя обрыв. Остановившись прямо над ним, кладешь на педадь газа огнетушитель, отпускаешь сцепление и выпрыгиваешь. Автобус медленно подъезжает к краю, переваливается и, быстро набирая скорость, переворачиваясь, падает в реку. Взрыв из брызг – удивительно красиво. «...и черные воды поглотили ея».

Так куда теперь?..

Порт

Дойдя до окраины города и немного замерзнув, видишь конечную остановку автобусов, которые везут прямо к морю. Сев на первый, залазаешь на сиденье с ногами и спокойно спишь до конечной.

...До боли рыжая лисица на ослепительном снегу, катается, смеется, разрывая коготками тишину, – такая хохотушка...

Проснитесь, порт.

Спасибо. Выходишь и видишь большие корабли, которые стоят на фоне розовеющей бесконечности. Закуриваешь. Тихо

как. Еще все спят, только чайки...

Прямо рядом с остановкой живет друг. Неудобно без предупреждения, но в теле уже дрожь от усталости. Докуриваешь и идешь: полквартила наверх, налево в арку, первая дверь, последний этаж. Звонишь, долго звонишь...

Ты?.. Извини, так хочется спать... Заходи. Чаю хочешь?.. Очень.

Чайник медленно закипает, смотрим в окно и, оба сонные, молчим. За окном из-за горизонта нехотя выползает огромное, оранжево-желтое. Пьем.

Вот кровать, плед, подушка. Вернусь поздно, спи сколько влезет. Если захочешь, дождись меня или просто захлопни дверь.

Ушел.

Небольшая квадратная комната, высокий потолок, очень мало вещей. Штор в комнате нет. Ложишься, укрываясь с головой от света, и тут же проваливаешься и летишь.

...Разбуди меня без мыслей ранним вечером в апреле; поворачивая шею, краны низко тарахтели...

Пришла мама, одетая слишком легко для такой погоды, села на край кровати и смотрит прямо в глаза. А ты лежишь, не в силах отвернуться, и моргнуть боишься, чтоб не потекли. Свет тонкими дорогами продлился, зашатался, стал переливаться, сжался и взорвался всеми огоньками, точками, цветами... Линии. Летят.

...Большое море-океан качалось и качанием своим рождало имена. Мужские, женские вначале. Чайки над кормой корабля кричали: Коля, Клава, Катя, Костя, Кай...

...Причаливали не спеша, считали по часам остатки приключений, в трюмах кучи рыб молчали, боцман пьяный за штурвал держался и мычал...

Сильный, свежий ветер паруса раздул, и форточка открылась, стукнула. Лежишь и смотришь.

...Мысли как вода – текут туда-сюда иль просто нет их. Там дальше вечер ранний...

Встаешь и шаркаешь на кухню, на столе печенье, йогурт, шоколадка. Как мило. Это друг, он такой – простой и нужный. Ставишь чайник и идешь умыться. В зеркале твои глаза, и ты – ты это понимаешь оттого, что чувствуешь себя. Расчесываешься и пьешь чай с печеньем, с половиной шоколадки. Хорошо как!

...За окном печально так качается фонарь. Зажегся как-то невзначай. Собаки с лаем пробежали...

В порт, я действительно хочу в порт. Посуду вымыть, посмотреть: все так. Плед сложить и дверь захлопнуть. Пойду по улице вниз до большого камня, можно напевать.

Лодки на берегу. Фоторабота Василия Иванова, г. Санкт-Петербург.

Усталые прохожие будут медленно подниматься навстречу, а я им буду улыбаться в ответ. Уже не так много людей на улице, вечер рабочего четверга.

...Сквозь облака прозрачный месяц народился...

Море, глубокое долгое море. Раскачивается, трется о причал своими гладкими холмами. Темнеющая даль. Плеск и отблеск огней. Присаживаешься, куришь. Это я сижу, смотрю, курю — я. Слева от меня большой корабль замер — стоит, дышит. Оттуда звучит музыка, а я на берегу. Иду ему навстречу, приближаюсь и поднимаюсь по трапу. Повсюду фотографии на стенах: портреты, зонтики на пляже — отметки отчавливших годов. Вот двери в ресторан — ни официантов, ни гостей: пустые скатерти белеют. Где тут туалет? Пойду искать по коридорам.

...Немудрено остаться здесь: как лабиринты на воде...

Вроде тут. И зеркало в наличии. Качает что-то сильно... На палубу скорей! Да где же этот выход?..

Порт тонкой полоской огней неспешно отдаляется. Отплыли! Но куда?..

СНЫ

Заболев в конце осени, я так и не смог поправиться окончательно. Возвращаясь домой после десятичасовой тяжелой физической работы, я соображал прерывисто

и напряженно пытался вспомнить, что такое ждало меня там, отчего я так туда спешил. Зашел и, не увидев никаких перемен, вспомнил. На кухонном столе — стакан с вином. Выпил. Стоять стало тяжелее. Лег, не раздеваясь.

...А осенью бы на меня слетали мысли и покрывали б листьями уставшее нагое тело. Укрывши с головой, застыли б, посмотрели, вздохнули и ушли б походкою враскачку. Уныло-серые дождливые поля. А я под теплым покрывалом уснул бы тотчас, ничего не помня, ничего не зная. Но вот проснулся, листья унесло, я снова гол, но мне не холодно, напротив — теплый воздух с нежностью ласкает и как бы умывает после сна...

Какие длинные, глубокие и темные зимю сны. И был один на протяжении всей ночи сон.

...Мне снился снег, и на снегу до боли рыжая лисица. Хохочет и смеется, снег в воздухе искрится голубом, глубоким. А я стою, босой. И, растерявшись, полетел...

Проснулся. Час не ясен, но еще не утро. Утро — это грузовик, помойка, голуби. Голуби на помойке, голуби на асфальте, голуби на карнизе, гуляющие мне в окно. Утро — это добрая, милая бабушка, готовящая на кухне что-то вкусное, улыбающаяся при виде меня, наверное, оттого, что я еще очень маленький...

Когда становилось холоднее, на меня на-

девали берет. С собой на прогулку я брал самосвальчик, который возил за веревку по разноцветным лужам.

Вначале была одна небольшая лужа. И лужа эта разлилась среди осени. И лужей была вся осень. И сотворила осень серое небо и мокрый асфальт. Асфальт же безвиден и пуст был. И стоял туман над ним. И ветер холодный носился среди крыш. И сказала осень: «Да будут листья». И стали падать листья. И увидела осень, что это хорошо. Я выходил из подъезда, нагружал ими свой самосвальчик и свозил их в одну разноцветную кучу. Но увезти все никак не удавалось. Листьев становилось все больше, они падали и падали. Я останавливался и наблюдал. Наверное, любовался. Вечером, засыпая в темной комнате, я накрывал голову одеялом и думал. О разном: о самосвале, о людях, о цирке, о таинственном отражении себя в мокром асфальте, о луже и о покоящихся в ней мокрых листьях. Мне казалось, что с той стороны воды они все еще летят. Вначале был самосвал. И свозил он все листья в кучу. И куча была огромна и высока. Лужа же под ней раскинулась до бесконечности. И отражались в ней листья. И падали, и, падая и кружась, носились над водой. А я смотрел, держа игрушку за веревку, и, вздохнув, думал, что это хорошо. Потом зажигались фонари, и все глядели на звезды. Пять минут перед сном. А я вспоминал о море. Перед сном. И спал с морем. И с Филей. И с Тузиком. Ночью по улицам ездили машины и светили фарами по потолку.

Этой осенью, надевая на шею корабельный якорь, увидел надпись на каменных берегах: «Якоря не бросать!». И понял: действительно, этого делать не стоит.

...Я не заметил, как ночь наступила и не прошла. Опустилась, присев отдышаться. Окна зажглись. Ты с цветами в одном из таких застоялась, заметив, что ночь наступила. Ребенком еще застоялась. По клюву рукой вороненочка гладишь. По глазам, по перышкам водишь, ребенок. В окне отражаясь насквозь, смотришь дальше. Там, дальше, в окне. От окна отойдешь молдая, красивая, чистая...

Здравствуй, ты зачем? Ты не слишком будь всерьез, пожалуйста, будь утренним туманом уходящим. Вот, хорошо, люблю, когда ты светлее и прозрачней, чем я. Лилейная и длинноногая до среброзвона в вышине.

...Ты чего-то не сказала? Я не знаю, что...

...Те же глаза от зари до зари. Не гляди! Волосы тонкой рукою за уши заправь. Ты не знаешь, не знаю и я...

— Ты здесь живешь?

— Конечно. Да.

— И это все твое?

— Нет. Хочешь, я закрою воду?

— Как?

— Вот так.

— Вот так — и все?

— Да, думаю, что так.

— Здесь что-то изменилось.

— Все. Больше не течет.

— Как тихо...

— Да.

— Налей, пожалуйста, попить.

— Ты хочешь пить?

— Да. Думаю, что да.

— Вода.

— Здесь все течет.

— Да, иногда.

— И капает?

— Бывает.

— Это хорошо.

— Ты хочешь спать?

— Пожалуй.

— Пойдем, я уложу тебя.

— Конечно... Подожди... Сама...

...На трамвайной пустой остановке — единственный в городе спящий фонарь. Другие не спят, когда светят. Ветер, подняв странный лист, перенес его на карниз через восемь уснувших кварталов. Дождь будет позже. Глухой перекресток венчает не покрытый ничем светофор...

...И вышел он, и новая эпоха началась. И в шаге первом он ощутил скольжение под собой. То был не лед последний, а пластинка — пластинка с исцарапанным лицом. Он поднял, разглядел на ней собаку, чей слух пытливый... А еще трубу... Одно мгновение — и услышат оба залитую слезами песнь шута...

...Сменилось время, дверь без скрипа заворачивалась. Не страшно и не холодно ничуть, и кажется, что и тебя здесь нету. Он сделает еще четыре шага без направления и как бы наугад, и вылетит, чернилами испачкан, газетный желтый лист из-за угла. У ног его замрет, остановившись...

Он идет быстрыми, широкими шагами, идет, не шаркая, перешагивая через лужи: руки в карманах. По переулкам, через подворотню — на улицу и снова в арку. Протиснулся между домами, испачкав пиджак. Из-за поворота с шумом и грохотом выехала поливальная машина с оранжевым пузом. Пульсирующая мигалка того же цвета рассыпчатым мягким светом мазала по стенам пролетающих домов.

...Пойду по следу мокрому за ней. Посмотрим, сколько будет километров...

А, может, это он?

...Мостами, через черные поля, по мостовым, по городу с огнями. Дойти неммыс-

лимо и безнадежно, но все ж взбираюсь я на пустыри и все смотрю один в чужие окна. И это море не для нас с тобой, но для меня...

...Троллейбус синий, в сумерках зеленый, неспешно ночью мост переезжая, лучами отражается в воде. Он едет дальше молча, не скрипя, туда, где в гулких подворотнях к стенам, окрашенным во все цвета пустыни, бродяга-ветер прижимает пса. Туда, где круглым матовым пятном, вплетаясь в провода, висит фонарь, светя по сторонам промозглым светом, где эхом многократно отлетев, в углу сидит стук хлопающей двери...

Осветив карманным фонариком подъезд, стал подниматься по лестнице. Еще один пролет, дверь на чердак – и старая железная крыша.

...Голуби спросонья крыльями шумят...

Ветер подул сильнее, небо затянулось тучами, решил пойти дождь, – как видно, долгий, мелкий. Пришлось закрыть форточку. Смотрел вдаль, поверх домов на краешке леса. За лесом было озеро, а на озере – корабль, наказанный теснотой за большие мачты. И лес, и озеро ждали, когда он взлетит. Но когда начнется великое кораблекрушение, никто не помнил. Кто ж упомянет? Некому помнить – некогда вспоминать.

...А когда случается ветер, корабль томится...

Бабушка

Полтора часа электричкой и полчаса на автобусе, если повезет...

– Ой ли! Кого это к нам святые угодники послали? Сам с усам внучек к нам наведаться! Да ты не стой, полно те мокнуть, барин. А я как чувствовала, пироги только что в печь поставила. Радость-то какая! А пока пекутся, ты рассказывай, как сам, как невеста твоя? Э, нет. Ты, я смотрю, устал с дороги-то, бледный весь пуще Раскольников. Это я, старая, от счастья засуетилась, все мне не терпится. Садись как дома, сохни, грейся, а я пока самовар поставлю, как раньше, помнишь? Я ведь, поди, тебя с полгодика не видела. На Покров ведь, вроде, приезжали, а?

– Да, октябрь был. И солнце, помнишь, какое было?

– Чего ж не помнить? Слава богу, помню. Оранжевое было солнце, огромное. Ой! Стучит, что ль, кто? Небось, Софья за здоровье младшенькой просить пришла. И точно, она. Я сейчас, мигом... Софья Петровна, внук приехал ко мне, не сердчай, после, в другой раз с тобой посумерничаем. А Наденьке передай вот это, да скажи, чтоб к ночи растерлась как следует. Ну, бывай.

– Хорошо как у тебя, бабушка... А ты все колдуешь помаленьку?

– Скорее, колядую, не вдаваясь в аллитерацию, милый ты мой. Я ведь как из города-то уехала, так только этим и живу. А что хорошо здесь, так это действительно так.

– А popisываешь?

– Отчего ж не popisывать? Вечера здесь темные, длинные, вот и мараю понемногу блокнотики.

– Почитаешь?

– И почитаю. А пока, смотри, и пироги подошли, и самовар закипел. Какого чайку я тебе заварю! Аки ангел порхать будешь. А заснешь-то как сладко, а sny-то какие пойдут...

– С можжевельником, что ль, или еще с чем?

– И с можжевельником, и еще кое с чем...

Спать действительно захотелось быстро. Бабушка застелила большую перинную постель и накрыла меня верблюжьим пледом.

– Почитай что-нибудь новенькое, родная.

– Ну, хорошо – новенькое так новенькое. Я почитаю, а ты слушай, засыпай.

...В верхнем нагорье жила одна девушка – красивая и умная. Я видела ее с высокими кувшинами у ручья, с цветами за бурной рекой, с тяжелыми виноградными гроздьями в пышно цветущем саду.

Густым, обвивающим дерево месивом к каменистой ограде лип замшелый плющ. Старым был дом, почерневшим, но крепким. Тихим стоял он, и в чистый ухоженный двор между мягкими трелями птиц выходила она вечерами внимать долгим взорам вершинного края.

Там, где зимой облака опускаются ниже ступеней порога, там, где весной между звезд не найти черноты, а под осень они опадают, там за нетронутой башней повешенных молча жила одинокая девушка – тихо, как кошка глядит свои вещи sny...

– А кто принц-то, бабушка?

– А ты и есть! Спи...

Есть также последняя песня сверчка, есть непрерывный треск, хруст неугомонный, звук неумаляемый, но разносимый по ветру, – усиливающийся и ширящийся, развивающийся и сильный. Но можно положить на него сверху ожерелье из красных бус. Мне ближе рябина, но я положила бы гранат цепочкою горной – простором соединенный браслет.

– Положи мне камушек на ушко.

– Зачем?

– Я так привыкла.

– Это была рука.

– Я знаю.

– Почему камушек?

- Так ведь нет руки.
- Есть рука.
- Я так скучала.
- Почему не попросила?
- Чего?
- Положить.
- Положи мне камушек на ушко...

Неумолимо прибавляющиеся альбомы фотокарточек. Не по прожитому тоскующий, но скупое оценочный взгляд на все прошедшее – взгляд, в природе своей не имеющий ни век, ни глазниц, ни умения затуманиваться.

Кукушка ночью не кукует, днем она лучше знает, что, кому и как. Сколько и кому скучать и ждать.

Где-то в этом благополучном захоластье лежит одиноконько ожидающая. А, может, уже не одна? Совсем не одна, и не желает, чтобы это кончилось? А окончание уже тихонько колышется и улыбается по-стариковски. Мол, дойду я, и сама поймешь, как по-дневному лучисты и сонны были встречи твои и расставания, мечты, веранды, балконы и плющ на закате. Там тебя и настигну: будешь еще молода, совсем молода. Вот тогда-то и встречу, а, узнав, обхвачу и прыгну вбок. Этого достаточно, чтоб рассмотреть вдали старость, детство и меж них себя...

– А, проснулся, наконец. Ну и гораздо же спать ты, внучек! Посмотри, кто к нам в гости-то пришел. Помнишь, небось? А подросла-то как, похорошела. И здоровенькая уже совсем. Да и ты, родимый, сегодня куда лучше прежнего выглядишь...

Море

Куда можно плыть на таком большом пустом корабле? Как он вообще управляется, если в рубке никого нет? Или это сон? Где я заснула? У друга? Да, но я же проснулась и пошла в порт! А, может, это сон во сне? Но что мне делать здесь? Бродить по всем этим лабиринтам туда-сюда, занимать себя то тем, то этим? Ждать? Но чего? Вряд ли это кончится так просто: раз, два, три.

...Куда ни глянь – трава как море, и звезды с месяцем так близко...

...Ночные цветы так прекрасны...

Мы подходим к реке и садимся в лодку, плывем, почти не гребя. Ты наклоняешься, трогаешь воду рукой, всматриваешься в отражение, а оно – в тебя. Улыбаешься.

– Я так ждала.

– Чего?

– Наверное, этого.

– Это оно?

– Не знаю...

– А теперь?

– Что теперь?

– Теперь не ждешь?

– Не знаю. А ты ждал?

– Да.

– Чего?

– Наверное, этого.

– Это оно?

– Не знаю...

– А теперь?

– Что теперь?

– Теперь не ждешь?..

Немного нагнувшись, ты достаешь из воды что-то прозрачное, стеклянное, похожее на звезду, но мокрое...

– Вернулись, наконец. Давайте чай пить.

– Бабушка, смотри, что мы нашли. У тебя штопор есть?

– Отчего же не быть? Найдется... А не боитесь?

– Не-а. Оп! Смотри – газета.

– Бумага промокла немного. Солью пахнет.

– Жалко, числа нету...

Нежно-ласкающей ночью сквозь тонкую форточку по рисунку обоев цвета несбывшейся старости теплым пустым поканием я прощуришу в недра задушенных затхло-стью абажуров, мерно скрипя половицей, скользну под кровать, там, среди пружин провинившейся юности, – там я обласкаю вас смятым, затасканным чувством того, что вечеров таких было так мало, а будет все меньше; станет последним тот взгляд на обои, в открытую форточку. В вазе будет непременно завянет и высохнет...

ПРОЗА

Антон ЛУКИН

лауреат литературной премии
имени Дельви́га,
п. Дивеево

КОЛЬКА ЧИЖИКОВ

Рассказ

Колька Чижиков вернулся в родные края. В деревне не был шесть лет. Как уехал в город, женился, так и остался там. Мать с отцом да брат Илюха – все к нему ездили в гости, снабжали картошкой, овощами, мясом.

Жилось Кольке в городе трудновато. На это мать его не раз жаловалась соседям и родне.

– Истощал весь, исхудал, одни глаза и кожа, – сетовала она. – Но возмужал, конечно, серьезнее стал. Мужчина! – старуха улыбалась. – Детишками вот собираются обзаводиться.

– Давно уж пора, – кивали те. – Сколько ему, сорок два?

– В сентябре будет, ага, сорок два.

– А работает-то он у тебя где?

– Ой, – старуха задумывалась ненадолго, терла щеку. – Что-то где-то охраняет, что-то очень важное и секретное, потому и не говорит. Запретили.

– О как! – с усмешкой произносили бабы.

А работал Колька грузчиком на птицефабрике да еще подрабатывал сторожем в библиотеке. С его-то образованием – восемь классов – шибко не брали. Крутился,

как белка в колесе. Даже пить бросил. Ну как бросил? Выпивал, конечно, не без этого, но не так, как у себя в деревне: не отдыхала, не гуляла душа, не пела, а наоборот – куда-то глубоко пряталась в теле, съезжалась и не хотела показываться.

Что ни говори, а все-таки уже семейный он был человек.

Жили они у тещи. Любка, жена его, была на семь лет младше, работала на мебельной фабрике бухгалтером, счет деньгам знала. Да и теща такая же скупая была. Семь раз обдумают, куда деньги пустить, а потом тратят. Для Кольки это было дико, но постепенно привык и сам, как уже заметил, стал экономить на всем. Да и зарплату толком не видел – жена в доме рулила.

Был еще у Кольки тесть, но тот два года назад скончался от белокровия. И остался Колька один в двухкомнатной квартире с двумя злыми бабами. Не то, чтобы они его сильно изводили, но расслабляться все же не давали. Особенно теща – чуть что, сразу напоминала, где его место. Тяжело было Николаю, но уехать в деревню он не мог, понимал, что сопьется. Не те уже годы, чтобы дурью маяться, семья нужна.

Всю жизнь был Колька веселым, дурашливым шутником. Потрепать языком любил. Бывало, выпьет – всю деревню смешил. А иной раз такое отчудит, аж всех в дрожь бросало. И ведь знали, что помело, а все равно верили. А теперь если бы кто из близких и знакомых увидел Кольку, то не поверил бы, что это он, не узнал бы. За шесть лет измучила его городская жизнь, потрепало нервишки семейное счастье.

Сегодня, в пятницу, у Кольки был выходной. Вчера вечером его сильно поругала теща. Поругала и пристыдила. Он получил зарплату, а деньги отдавать не хотел.

– Я ж пальто осеннее собирался взять, – оправдывался он.

– Вот осенью и купишь, – наседала теща. – Телевизор менять нужно, цветной хочется все-таки. Я с пенсии чуть-чуть, ты с зарплаты, Люба добавит – вот и телевизор. Он, хорошенький, будет тут стоять.

Отдал Колька зарплату, сквозь зубы что-то бубня под нос. Но червонец все же успел занюхать. Ночью в спальне жена его приласкала и успокоила. Но все равно было не уснуть: всю душу истыкали.

По пятницам теща уезжала с утра в другой конец города к своей единственной подруге Гальке. Когда-то они вместе работали в гастрономе. Любка тоже была на работе. Очень редко выпадали такие дни, когда выходной приходился на пятницу. Оттого он ее и любил, эту самую «пятницу», и искренне ждал.

– По кой черт тебе телевизор понадобился! Нам-то он с Любкой ни к чему. Ах, да, я же и забыл, что ты у нас из дому не выходишь да с дивана не встаешь, лежебока. Цвета ей, видите ли, понадобились. Ух! – Колька заговорил низким писклявым голосом. – Ну, Коленька, ну, зятек, ну давай возьмем, а в августе обязательно тебе пальтишко купим, я сама тебе на ботинки добавлю, – ерепенился Колька перед зеркалом, грозя отражению пальцем. – Смотри у меня! И полы пропылесось...

Он спустился во двор, взял в магазине бутылку красного и снова поднялся к себе. Пожарил яичницу, налил в хрустальный бокал портвейшка, аккуратно все расставил на столе и затем важно присел.

Колька в выходные пятницы всегда ходил генералом по квартире. Всерьез ругал тещу, учил чему-нибудь жену, расхаживая с газетой по залу. Размахивал руками, выпячивал грудь вперед и важно разгуливал, как воробей перед цыплятами.

– Ну, так-с, приступим, – Николай потер ладони, опрокинул бокал, закинул в рот яичницу и откинулся на спинку стула, чувствуя легкость внутри.

– Повторим, – щелкнул он пальцами и быстро наполнил бокал. – Ну, Надежда Григорьевна, за вас, за ваше драгоценное здоровье, чтобы оно у вас было таким же, как у вашего супруга.

Николаю понравился собственный тост, и он даже погладил себя ладонью по груди. Опрокинул еще, выдохнул носом, закусил. И все же злость, которая копилась у него все это время в душе, давала о себе знать и просилась наружу. Внутри бушевал ураган. Колька выбранил тещу. После портвейна он смелел на глазах, даже матюгнулся, что за ним редко водилось.

– Всего изъездили, поросята. Я вам что, лошадь, сундук бесчувственный?! – Николай ударил кулаком по столу. – Гады.

Запрокинул голову, замолчал. Вспомнилась деревня, дом, мать с отцом, вспомнился прудик, былые веселые дни. Аж ком подкатил к горлу. Сенокос уже прошел. Эх, как Колька любил сенокос! А рыбалку поутру... А песни под гармонь у завалинки, а танцы... Хоть и было ему тогда уже три десятка, а все равно плясал, как молодой...

И такая тоска одолела сразу, так захотелось выть – душа плакала, и по щеке скатилась слеза. Николай долил остатки вина в бокал и выпил залпом.

– Все, хватит! Еду домой, к себе в деревню.

Он убрал все со стола и отправился в зал, громко горланя: «Выплыва-а-аут расписны-ы-ые, Стеньки Ра-а-азина челны-ы-ы...».

Ехать в старых брюках и рубахе не хотелось. Колька открыл шкаф, достал тестя покойного костюм совсем новенький. Примерил – в самый раз, как по нему шит.

– Мне ходить, значит, не в чем, а тут такая красота в шкафу пылится! Дождешься от вас. Сделали из меня оборванца.

И Колька снова озлобился на тещу. Взял маленький чемоданчик и пошел к холодильнику. Очень ему захотелось насолить ей.

– Эх, – махнул Колька рукой, – да гори все синим пламенем, будь что будет! Не съедят же и не выгонят.

Он достал из холодильника две бутылки хорошего дорогого коньяку. В мае тещин племянник приезжал к ним на пару дней из Ленинграда, привез с собой как подарок. Так мамаша даже прочитать этикетку Кольке тогда толком не дала, вырвала из рук и убрала в холодильник. Все берегла для неизвестно какого случая.

– «Рэми-Мартин», – прочитал Колька и аккуратно упаковал обе бутылки в чемодан. – Ой, спасибо, Надежда Григорьевна, что сохранили до отъезда. Вот мы его с ба-тей сегодня и оприходуем.

Он прихватил еще пару банок шпрот,

докторской колбасы и вышел из квартиры, оставив на столе записку: «Уехал к своим в деревню. В воскресенье буду».

Купив по дороге платок для матери, рубаху для отца и пару шоколадок под коньяк, он двинулся в путь.

Николай сошел с автобуса, и тут же кольнуло под сердце: такая волна радости и одновременно печали нахлынула, что он даже остановился. Постоял немного, оглядел родимую улочку, старенькие покосившиеся избенки на ней, сады, полные вишни, березки, тополя и направился к дому.

Он шел в костюме и шляпе, крепко держа в руке чемодан, — шел важно, гордо запрокинув голову. Несколько женщин с интересом оглянулись, но никто не узнал Кольку. А тот громко посвистывал, чтобы привлечь к себе внимание. Ему хотелось, чтобы его узнавали, чтобы видели, каким он стал, — важным, солидным, в пиджаке и брюках, в галстuke. Всего каких-то несколько часов назад душу его терзала тоска по дому, город душил своими крепкими лапами, хотелось что есть сил из него бежать, а теперь...

А теперь Колька важно шел по деревне городской походкой, насвистывая песенку, но никто его не узнавал.

— Чижик, ты что ли? — слышалось вдруг за спиной.

Николай обернулся и увидел своего старого товарища Гришку Бокова.

— А я думаю, ты — не ты, и не признал сразу-то.

— Здорова, Гринь.

И они пожали друг другу руки.

— А ты все в мазуте?

— А я все в мазуте, — улыбнулся приятель.

Гришка работал на тракторе в колхозе, пятна на его зеленой рубашке уже не отстирывались.

— Да ладно, перед кем тут красоваться, — махнул он рукой. — Чай, не в городе.

Уж больно Кольке понравилось, как тот сказал: «Чай, не в городе». Значит, все же понимает по Колькиному виду, что в городе хорошо.

— А я сейчас к Степану иду. Булка тоже должен быть там. Он, кстати, в том году баню новую построил. Помогли, конечно, немного с мужиками. Ну, банька, я тебе скажу, м-м-м... Пойдем, увидишь.

— Да я еще у своих даже не был!

— Да, чай, успеешь, пойдем, по сто грамм накатим.

Степан с Булкой сидели у яблони и дымили табаком. Поначалу они тоже не признали Кольку.

— Да это же Чижик! — первым закричал Булка.

Степан, прищурив левый глаз и узнав в госте старого знакомого, полез обниматься.

— Господи, а ты тут какими судьбами?

— Да вот, — развел тот руками, — работа отпустила, решил своих навестить.

— Это правильно. Ну, присаживайся, давай за встречу. Это надо же, хех, никогда бы не подумал, что снова увижу тебя. Уехал, и с концами, — Степан открыл бутылку.

— Самогон?

— Ну.

— Не, братцы-кролики, я теперь эту дрянь не пью.

— Ты чего? — Булка даже немного обиделся. — Степан никогда бодягу не гонит.

— Я не об этом, — Колька достал из чемодана коньяк и поставил на столик. — Вот, пожалуйста.

— «Ре-ре...

— «Рэми-Мартин», — подсказал Колька. — Двадцать рублей бутылка.

— Да ну?!

— Вот тебе и «ну».

— Шикарно живете...

— А то! Город есть город, там все так живут, — сказал Булка. — Это тут пашешь, как конь, а там, — он показал на Кольку, — уехал босым, ни рубля в кармане, а приехал человеком.

— Двадцать рублей за бутылку! Это надо же...

— Там все так живут, — не унимался Булка.

— А то ты знаешь! — посмотрел на него Степан.

— Знаю-знаю.

Николай слушал друзей, и невидимая сила поднимала его от земли. Последние несколько лет он ни разу не чувствовал себя так высоко и легко. Гордость распирала его вовсю. Слушая сейчас Булку, он и сам поверил, что в городе и впрямь все хорошо живут и сорят деньгами. Поначалу сердце Колькиного радовало, что его никто не узнает, потому как он был в шляпе и при галстuke. Теперь же, когда он достал из чемодана коньячок, гордость так распирала его, что он и сам поверил, что богат.

— Ну, ладно вам, не спорьте, — произнес он важно и разлил по стаканам коньяк. — Закусывайте, — пододвинул шоколад.

Все выпили, непривычно закусили шоколадом.

— Вот это я понимаю, — улыбнулся Колька и щелкнул пальцем по бутылке. В нем снова проснулся прежний пустомеля, и его понесло.

— И часто ты употребляешь такое богатство? — поинтересовался Гриня.

— Да разве это богатство? — махнул рукой Николай. — А употребляю, как и положено,

на завтрак, в обед и на ужин по сто грамм, а где и по сто пятьдесят.

– Это какие же деньги...

– В городе все так живут, – не унимался Булка. Ему почему-то очень хотелось верить, что в городе народ живет без хлопот и забот, что все только и делают, что ходят по ресторанам, театрам и кино и распивают дорогие напитки.

– Мне и Любашка моя все твердит: «Не повредит ли тебе коньячок, мой Косик?». Это она меня так ласково называет...

– Как?

– Косик, – Николай приятно улыбнулся. – А я ей: «Рыбка моя, да я от него только молодею».

– Хех, – хмыкнул Булка. – Это ты верно подметил. Ну, баба есть баба. Моя мне тоже: еще раз, говорит, появишься пьяным, я, говорит, тебе, репей, всю спину скалкой отхожу.

– Здесь у вас – да, – Колька даже как-то печально вздохнул. – Там же у нас все попроще. Все-таки как-никак – культура.

– И не ругается? – спросил Гриша.

– А чего ей ругаться? Я же говорю: культура...

Николай снова разлил по стаканам коньяк, и все дружно выпили, закусив шоколадом.

– Я иной раз с работы-то прихожу и прям с порога ей: зайка моя, что, говорю, будет сегодня кушать твой Косик? А она мне с кухни: картошечку с рыбкой. А я ей: нююю, не хочу рыбки, курочки хочу, – заговорил Колька капризным детским голоском. – Она с кухни подойдет, раздеться поможет, свежий номер газеты подаст и ласково мне так на ушко: подожди немного, сейчас и курочка будет. Я ее ладошечкой – оп! – по одному месту. А она: бегу-бегу-бегу. И – ширк! – на кухню курицу готовить.

– Неужто такие бабы бывают?..

– Это же город, – не унимался Булка.

– А теща как? Ну теща-то все равно еще та ведьма, а? – спросил Степан.

Тут Колька совсем потерял стыд.

– Мамаша? Да ну-у-у! Мухи не обидит. С мамашей мне повезло. Ты у меня, говорит она дочери, его слушайся: где еще такого мужика найдешь? Мол, на ус мотай – не мужик, а золото...

– Чижик, ну а работаешь-то ты где? – любопытствовал Степан.

– А вот этого я вам поведать не могу, братцы-кролики, это военная тайна.

– Военный, что ли?

– Ну почему сразу военный? Работаю на очень сильно засекреченных объектах, – Николай призадумался на пару секунд. – Ну, можно сказать, и военный, для вас так проще будет.

Булка смотрел на Кольку удивленным и даже где-то завистливым взглядом. Николай это заметил и принялся рассказывать про санаторий и море, где они с женой отдыхают каждый год.

Когда бутылка коньяка была допита, Колька приумолк. Вторую доставать было жалко, хотелось выпить ее с батей. Он тяжело вздохнул, поглядывая на яблоню.

– Ну, чего ты призадумался? – спросил его Степан.

– Хорошо у вас тут.

– А то.

– Пойду я, наверное. Своих еще наведать надо.

– Может... – Степан кивнул на самогон.

– Не... Я это не пью, сам понимаешь.

– Понимаю.

Колька попрощался и отправился к родному дому. Мужики проводили его взглядом. Гришка открыл самогонку.

– Хех, каким был, таким и остался, – улыбнулся Степан. – Какой военный?! Маменька его все жалуется, мол, еле концы с концами сводят, а тут... «Рэми...

– ...Мартин», – подсказал Гриня.

– Так ведь город, – печально вздохнул Булка. Ему было жалко, что Николай ушел, хотелось еще послушать о красивой и легкой жизни.

– Да чего там хорошего в городе? – посмотрел на него Степан. – Разливай давай, Гринь, нашу. Чего на нее смотреть...

Колька гордо шел по родной деревне, оглядывая избы и тихонько посвистывая. Рука по-прежнему крепко держала чемодан. На душе было легко и хорошо. Пиджак был расстегнут нараспашку, галстук играл на ветру. Хотелось смеяться и кричать. И, свистнув изо всех сил, Колька запел: «Любо, братцы, любо – любо, братцы, жить!...».

ПРОЗА

Валерий РУМЯНЦЕВ

автор книг «День и ночь»,
«Девятая модель»,
«Машина времени» и других,
г. Сочи

ПУХОВЫЙ ПЛАТОК

Рассказ

Захарову повезло. Он ехал в купе спального вагона один. В дорогу взял «Сумму технологии» Станислава Лема. Эту книгу он купил спустя месяц после окончания института, сразу начал читать, но вскоре бросил. Томик оказался одной из тех книг, в которых содержались настолько глубокие мысли, что страшно было к ним приблизиться. И хотя в последующие годы он живо интересовался философией, знакомился с трудами многих мыслителей, конспектировал, «Сумма технологии» почти четыре десятка лет пылилась в его домашней библиотеке по соседству с наследием мудрецов древности и средневековья. И вот, наконец-то, дошла очередь и до нее. Пища для размышлений имеет неограниченный срок хранения.

Захаров читал с завидным азартом, не обращая внимания на стук колес и бесснежные декабрьские пейзажи за окном. Перечитывал по несколько раз отдельные абзацы, пытаясь понять логику автора, сожалел, что не оценил книгу раньше, и радовался, что никто не лезет с дорожными разговорами и не мешает ему погружаться в мысли знаменитого поляка.

Единственное, что иногда отвлекало Захарова от чтения, – предстоящая остановка на станции Котельниково. Для него это была не обычная станция, это было место, вызывавшее целый шквал воспоминаний. В этом городке он родился, здесь прошло его детство и ранняя юность. Там он начал познавать мир, там в первый раз влюбился... В шестнадцать лет вместе с матерью и отцом он навсегда уехал отсюда в другие края. И так получилось, что за сорок пять лет он ни разу не побывал на своей малой родине, хотя временами ему этого очень хотелось. Может быть, потому, что встреча со своей молодостью всегда делает людей моложе.

В Котельниково поезд должен был стоять аж двадцать минут: именно здесь производилась замена электровоза. Захаров взглянул на часы и, отметив в памяти номер страницы, закрыл книгу. Вот-вот появится родная станция. Скорее всего, подумал он, на платформе по-прежнему продают рыбу, вареную картошку, домашние пирожки...

Он вспомнил девочку Таню, которую любил в четвертом классе и которую любил до самого своего отъезда, случившегося по-

сле окончания девятого класса. За сорок пять лет лица одноклассников стерлись в памяти, но ее лицо он помнил до сих пор. Странно все-таки устроен человек: помнил, хотя ничего между ними не было – ни малейшего намека. Захаров, конечно, оказывал ей знаки внимания, и она, безусловно, замечала их. И жил он тогда совсем как в стихотворении классика:

Мне бы только смотреть на тебя,

Видеть глаз златокарий омут...

Это была платоническая любовь, которая не успела стать чем-то большим, и, видимо, поэтому единственная в его жизни.

«Боже мой! Как давно все это было, – подумал Захаров. – Как сложилась ее судьба? Где она сейчас? Жива ли?..».

Когда за окном медленно проплыло здание вокзала, он, к своему удивлению, почувствовал легкое волнение.

Ему повезло: состав прибыл на первый путь, и можно было выйти на привокзальную площадь, оглядеться по сторонам и увидеть близкие сердцу улицы и дома. Конечно, никого из знакомых уже не встретишь, а если и встретишь, то ни ты их не узнаешь, ни они тебя.

Он вышел из вагона. Холодный ветер кинулся ему на грудь и заставил застегнуть куртку. Целая армия шумных продавцов судорожно металась от одного вагона к другому, надеясь найти покупателя на свой товар. Чего только не было в их руках: копченая рыба на подносах, пиво, консервированные овощи, сухофрукты, домашняя выпечка, рыбные котлеты, пуховые платки, шерстяные носки и варежки. Но, как и раньше, больше всего было копченой и сушеной рыбы – оно и понятно: рыбный край. Высыпавшие из вагонов пассажиры покупали в основном именно рыбу. Разноголосые продавцы расхваливали свой товар: чаще всего доносились слова «сом», «судак», «лещ», «балык».

Пока Захаров шел по перрону к зданию вокзала, по радио объявили, что в связи с опозданием их поезда стоянка будет сокращена. «Вот те на! Значит, далеко отходить нельзя». Захаров развернулся и медленно пошел к своему вагону, теперь уже внимательно вглядываясь в лица продавцов. Одни задорно рекламировали свой товар, другие нерешительно просили купить что-нибудь, и в этой нерешительности было что-то унижительное.

Одно лицо показалось Захарову знакомым. Он подошел поближе и стал пристально рассматривать худощавую женщину примерно своего возраста. В руках она держала поднос, на котором поблескивала копченая рыба. Одета она была бедновато:

старая, выдавшая виды куртка, потрепанная вязаная шапочка, башмаки неопределенного цвета со стоптанными каблуками.

«Не может быть!..».

Но чем дольше Захаров смотрел на это лицо, тем больше убеждался: это его Таня, его Танечка! Вот и та самая, еле заметная родинка на правой щеке...

«С ума сойти! Она!..».

Захаров вплотную подступил к женщине, которая не обращала на него внимания, пересчитывая только что полученные деньги.

Он взял женщину за локоть и, когда та подняла на него глаза, нерешительно сказал:

– Здравствуй, Танечка...

Женщина недоуменно смотрела на него несколько секунд, и вдруг на ее лице вспыхнуло радостное возбуждение:

– Юра! Неужели это ты!? Столько лет...

Захаров неуклюже обнял Татьяну и поцеловал в щеку, чувствуя ее дрожь. Мешал дурацкий, резко пахнувший рыбой поднос, который она держала в руках.

– Да, воды много утекло. А у меня все-таки была, была надежда, правда, очень маленькая, что я здесь увижу кого-нибудь из нашего класса. И вот, видишь, угадал! Ну, расскажи, как ты живешь? Есть ли муж? Дети, внуки?

– Как живу?.. – Татьяна никак не могла справиться с волнением. – Вот, рыбой торгую. На учительскую-то пенсию далеко не уедешь. Надо дочери помочь. Муж ее бросил – с двумя-то детьми. Сбежал. Ни слуху, ни духу, ни алиментов!

– А у тебя, у тебя-то муж есть?

– Был! – И она махнула рукой. – Всю жизнь нервы мне трепал своим пьянством. Умер три года назад. Сын в Волгограде живет, приезжает редко. У него там свои заморочки...

– Давай отойдем куда-нибудь в сторонку, – Захаров взял у Татьяны поднос с рыбой и, сделав несколько шагов, поставил его на большой фанерный ящик.

– А я о тебе много раз вспоминала, по-доброму вспоминала. Как ты-то живешь?

Ложь сглаживает острые углы, и он ответил:

– У меня все хорошо... А как наш класс? Все живы?

– Обо всех не знаю. Встречались как-то лет тридцать назад... Знаю только про тех, кто живет здесь, в Котельниково. Володя Бачалов был у нас председателем районного суда, спился, умер пять лет назад. А жена у него – Любка Житецкая. Помнишь, с тобой когда-то за одной партой сидела? Тоже спилась. Два сына у них, и оба,

я слышала, наркоманы...

– Что у вас тут делается!..

– Да то же, что и по всей России... Лидка Кудышкина до сих пор преподает в нашем техникуме. Мишка Огурцов работает сварщиком. А Сережка Семенов где-то на канале электриком.

Захаров слушал ее, смотрел на глубокие морщины худого лица, на неухоженные руки, подрагивающие от холодного ветра плечи, и жалость к когда-то любимому существу шевелилась в его сердце.

Он купил у проходившей мимо них торговки самый дорогой пуховый платок и накинул его на плечи Татьяны.

– Это тебе на память о нашей встрече.

– Да ты что!? Такая дорогая вещь...

– И не спорь, не обижай меня! Прощу.

– Ну... Спасибо тебе огромное! Я бы сама, конечно, никогда не купила, – и она поцеловала его в щеку.

Объявили посадку. Захватив поднос с рыбой, они пошли к вагону. Захаров очень хотел дать Татьяне денег, чтобы она не стояла тут, не мерзла. «Она, скорее всего, денег моих не возьмет, – думал он. – Обидится еще, пожалуй...».

– А как Раиса Ивановна, наша классная? Жива?

– Жива. Но у нее недавно инсульт был – плохо передвигается. Теперь она в Волгограде у дочери. Как там, что – не знаю...

– Поезд отправляется, заходите в вагон, – заторопил их проводник.

Юрий передал поднос Татьяне и, вздохнув, сказал:

– Увидишь наших – всем от меня привет и наилучшие пожелания...

Подгоняемый проводником, он поцеловал замерзшую руку Татьяны и поднялся в тамбур. Вагон вздрогнул, и сердце Захарова защемило. Его детская любовь стояла со своим неразлучным подносом и тихо всхлипывала. На ее плечах красовался белый пуховый платок.

Вдруг женщина рванулась к закрывающейся двери:

– Юрочка, спасибо тебе за все! Слышишь? Спасибо, что ты есть, что ты был!..

...Не снимая куртки и фуражки, Захаров в одиночестве сидел в своем купе. На столике лежала книга. Читать ее ему не хотелось. Дорога утомляет, особенно если это дорога жизни.

НОВЫЕ КНИГИ

Антон Понизовский. Обращение в слух. Роман. Санкт-Петербург: Лениздат, 2013.

Впервые опубликованный в журнале «Новый мир» дебютный роман сорокапятилетнего журналиста НТВ привлек внимание российского читателя использованием приема, давно освоенного мировым театром. Этот прием носит название вербатим, суть которого

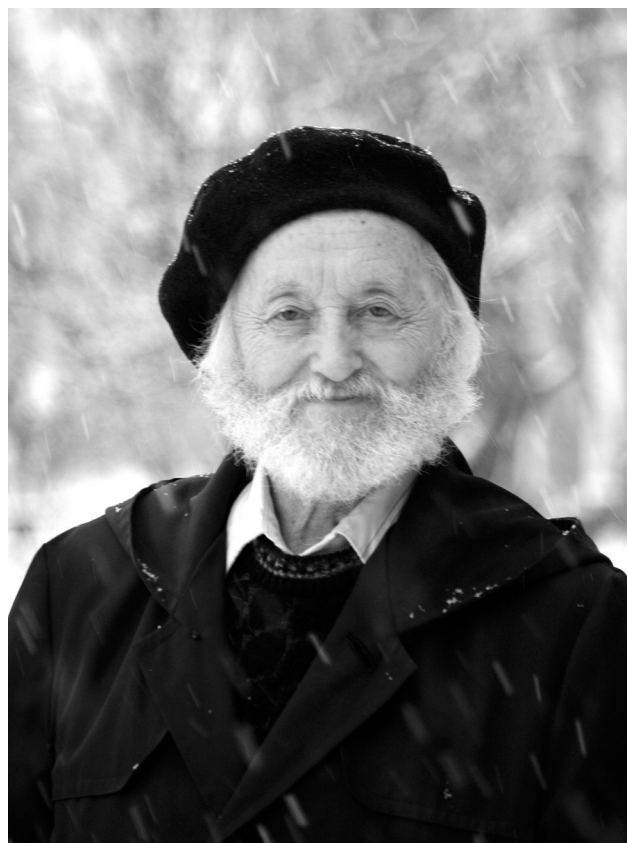

– в использовании живой речи реальных людей с сохранением ее подлинности до последней запятой. В основу романа Понизовского легли тексты историй, рассказанных самыми разными людьми российской глубинки о себе, своей судьбе, о жизни своей и своих близких, и, что очень важно, в большинстве своем записанных автором лично. Романом этот документальный текст делает наличие сквозных героев, которые, слушая записи, комментируют их, рассуждая о времени, истории, судьбе России и русского человека. Литературный критик Лев Данилкин так отзывался об «Обращении в слух»: «Казалось, что время подлинных русских романов прошло, что порода писателей, которые возьмутся рассказывать о смысле страданий, прощении и небесном Иерусалиме, давным-давно вымерла. Жизнь, однако, осталась та же, что была при Достоевском. И вот Антон Понизовский написал настоящий русский роман – классический и новаторский одновременно: такой, каким и должен быть русский роман XXI века».

Иллирик СОРОКИН

ветеран труда,
г. Воткинск

СТАРЫЙ ДОМ

Документальная повесть

Дом стоял среди луговых трав. Здесь знойным летним полднем стрекотали кузнечики, висели в воздухе, трепеща прозрачными крылышками, стрекозы, вечерами верещали лягушки, испуганно кричал коростель. Комариный звон стоял над болотом.

Здесь властвовали природные стихии: летом – грозы с ливнями и высокими радугами, зимой – морозы, от которых среди ночи оглушительно, подобно пушечному выстрелу, лопались бревна в стенах, а днем скрипел снег под ногами. Снег скрипел музыкально. Вьюги заносили дом по самую крышу – во двор спускались, как в колодец...

Было два времени. В доме время струилось тоненькой струйкой – его чайной ложечкой маятника отмеряли настенные

часы с самодельным деревянным циферблатом, на котором одна из римских цифр была нарисована с ошибкой.

Улица была во власти другого времени. Оно, подобно бурной реке, уносило меня прочь от Старого дома, прочь от луговых трав, высоких радуг, бесцумных снегопадов и трескучих морозов. И от коростеля, который прятался в болоте. Мне ни разу не удалось увидеть его.

Пришло время вернуться домой. Только теперь я понял то, о чем только догадывался прежде: Старый дом на лужайке так и остался моим родным домом, все остальные мои жилища были только временными.

Я возвращаюсь. Может быть, мне удастся увидеть коростеля...

Часть 1 Лестница, в которой не все ступеньки

Ступенька 1. Корни

Мы – Щекотевы. По толковому словарю Даля, фамилия наша происходит от прозвища Щекоть, что означает «певец». Помните, в «Слове о полку Игореве»? «О, Бояне, абы ты сии полки ущекотал...».

Предки наши крепостными не были. По семейной версии, прадед моей матери Ефим происходил из сибирских поселенцев, в Воткинском заводе появился не ранее середины XIX века и обосновался в де-

ревне Конанок, ставшей частью завода, а под заводом в то время подразумевали все селение.

Мастеровым Ефим Щекотев был незаурядным: умел конструировать механизмы. Детей выучил грамоте, и сыновья, окончив оружейное училище, подались в Москву: один стал инженером, другой купцом.

О старшем поколении Щекотевых сохранились отрывочные семейные предания.

Ступенька 2. Дед Иванов

Мать моего деда Игнатия Осиповича происходила из семьи воткинских мастеровых Ивановых. Отец ее, «дед Иванов», был силач и забавник. Бывало, принесет с болота змею и устроит бескровный поединок ее с кошкою. При виде гада ползучего кошка не убегала, а наступала, припадая к земле, шажок за шагом. Змея же, напротив, поднимала голову все выше, становясь чуть ли не на хвост. Подобравшись к врагу почти вплотную, кошка в акробатическом прыжке била змею лапой по голове и, задржав хвост, удалялась.

Однажды зимою в лесу на деда Иванова напали волки, стали прыгать ему на спину и рвать ворот тулупа. Дед хватал зверя за передние лапы и швырял через себя в снег. Швырнет одного – а на спине новый, швырнет этого, а на плечах опять волк... Выбил дед из сил, хоть и был крепок. Звери клыками располосовали на нем тулуп и то, что было под ним, до голого тела – того и гляди в шею вцепятся, загрызут до смерти! Да на счастье подоспела почтовая тройка, спугнула волков – разбежалось зверье.

А еще дед Иванов любил рассказывать сказки и знал их великое множество. Грамоты не знал, но брал в руки книжку и рассказывал так, будто читает. Если ему указывали, что книжку он держит вверх ногами, то он обычно отвечал: «Так прислуга подала...».

Ступенька 3. Протрезвел

Один из наших предков, случилось, неделями не вылезал из кабака. Как-то раз вышел и заблудился. Стоит и не знает, в какую сторону идти. Подходит к нему незнакомец и спрашивает:

– Что с тобой, мужик?

А тот, чуть не плача:

– Дом-то мой, дом-то у меня где-ка?

– Ну вот, дом свой потерял. Ладно, пойдем провожу.

И привел:

– Вот дом твой, видишь?

И верно: вот он, дом.

– Спасибо тебе, добрый человек...

– Полезай-ка себе на печь да ладом проспишься, – посоветовал незнакомец и пошел дальше.

Видит предок печку, и приступка-лесенка тут же. Разделся. По доброй привычке, прежде чем спать лечь, перекрестился. И тут же пропала печка, и дом пропал. И стоит он по пояс в воде в одном исподнем белье... В Вотку забрел, и одежду течением унесло.

С тех пор капли вина в рот не брал.

Ступенька 4. Про собаку

У деда моего Игнатия Осиповича был пес-волкодав. Громадный зверь: к столу подойдет – морду на столешницу кладет. Дед любил по грибы ходить, а лес за огородом начинался. Придет с работы домой, молока выпьет, лукошко возьмет – и через огород в лес. Пес всегда его сопровождал. Но как-то раз за какую-то провинность оставил его дед дома и на цепь посадил.

Среди луга возвышались два заросшие кустарником бугра – Малые и Большие тетеревиные токовища. Между ними по кустам вилась Ожерелкова тропка. На ней и встретило деда стадо диких свиней. Окружили: злые, визжат, глаза кровью налились, пена на мордах... И ни одного дерева поблизости. Стал Игнатий в ивовый куст задом затискиваться, лукошком загораживаться. Да только поможет ли берестяная защита? Набросятся, начнут рвать, копытами в болотистую землю втопчут...

И тут из кустов в крутом прыжке вылетел волкодав, обрушился на свиней и разбросал их. Стадо с испуганным уханьем разбежалось, только кусты трещали.

Оказалось, что, оставшись дома, пес вдруг забеспокоился, стал метаться, порвал цепь и перемахнул через забор...

Остальное известно.

Ступенька 5. Тимофей Осипович

Как все гениальные люди, брат моего деда Тимофей Осипович сочетал в себе практический ум с детским простодушием. Семейная легенда и слухи о его занятиях расходятся.

По слухам, он оборудовал в подвале собственного дома какую-то мастерскую, где у него стояла машина, штамповавшая деньги. Пружина машины была соединена тягою с входной дверью. Скажем, заходит кто-нибудь в дом или выходит из него, дверь отворяется, машина «щелк!» – и выскакивает горячий рубль. Кто бы ни побывал в гостях – два рубля оставил...

По семейной легенде, Тимофей Осипович изготовил не рубль, а золотой червонец, ничем не отличавшийся от царского. И – в подпитии! – понес его в полицию, чтобы проверили вес и чистоту золота. Червонец оказался в точности как в царской казне! Проверили. Поверили. И угодил дядя Тима на каторгу как фальшивомонетчик.

Несколько лет спустя племянник его, а для меня дядя Анатолий, как-то влез на березу. За чем? Трудно сказать: ему было тогда пять лет. И услышал он звон поддужного колокольчика. К Старому дому подкатила тройка лошадей, с коляски на траву соскочил усатый барин в шляпе и перчатках. Это был дядя Тима. Он отбыл меньше половины каторжного срока: придумал механизм, удешевлявший добычу угля в шахте. В благодарность исхлопотали изобретателю досрочное освобождение и выплатили хорошие наградные...

Дядя Тима не был бы дядей Тимой, не устроив из своего возвращения маленький спектакль.

Жизнь Тимофея Осиповича оборвалась в 1919 году. К политике он был равнодушен, но его сосед, отступая то ли с белыми, то ли, наоборот, с красными, закопал свое имущество для верности не в своем, а в соседнем огороде. У Тимофея Осиповича. Кто-то подглядел и клад выкопал. Вернувшийся хозяин решил, что это дело рук Щекотева, и написал на него ложный донос. Власти под горячую руку отправили наряд, чтобы арестовать Щекотева. Его дома не оказалось. Взяли жену.

Тимофей Осипович пошел ее выручать и домой уже не вернулся. Расстреляли.

Ступенька 6. «Я сыновьями не торгую»

С моим дедом Игнатием Осиповичем здоровались все встречные. Даже с противоположной стороны улицы возглашали: «Игнатию Осиповичу!». Он брал фуражку двумя пальцами за козырек и молча приподнимал ее над головой, продолжая хмуро глядеть перед собою...

Я не помню его улыбки – в добром расположении духа он только усмешливо щурил глаза. Возможное улыбочивое движение губ скрывали седая окладистая борода и пышные усы.

Но дед вовсе не был угрюмым человеком! Глядя на меня, совсем маленького, он, смеясь глазами, принимался сквозь бороду и усы издавать забавные звуки – то бульканье, то чмоканье, а то уж что-то совершенно неопишное, приводя меня в полный восторг. Для меня у него были припасены прибаутки – иногда веселые, иногда не очень:

– Горе-горе, где живешь?
– В кабаке за бочкой.
– Что ты, горюшко, жуешь?
– Сухари с примочкой...

А то и плясовая:

Там-там, тамо-ка,
Тамо-ка у кабака
Нищие дерутся,
Котомки трясутся,
Сухарики летят –
Подбирают да едят...

Держался он всегда очень прямо, осанка прибавляла ему роста. Было в нем что-то, присущее родовитому дворянству, а был он потомственным рабочим и трудился на фабриках с одиннадцати лет. Руки его, большие и тяжелые, от металла были черны до локтей, словно сами были отлиты из чугуна.

Игнатий Осипович не унаследовал от отца изобретательской жилки, был просто слесарем-сборщиком. С артелью мастеровых, как теперь пишут, «высокого класса» он побывал во многих городах Российской империи. Они собирали и устанавливали оборудование, изготовленное на Воткинском заводе.

В 1915 году их мобилизовали во Владивосток собирать из деталей, полученных из Америки, миноносцы – так тогда называли подводные лодки. Во Владивостоке Игнатий Осипович был замечен представителями судостроительной компании, и ему в числе нескольких человек было предложено место на заводе-изготовителе подводных лодок и американское гражданство. В случае согласия компания обязывалась доставить в Соединенные Штаты не только его, но и всю его семью. Он отказался. А то бы жили мы теперь в Америке!..

Как и все Щекотевы старшего поколения, Игнатий Осипович был грамотен. Выписывал – в числе немногих – журналы «Русский Паломник» и «Душеспасительный собеседник». При советской власти регулярно получал газеты «Правда» и «Известия», реже – «Труд». Это отнюдь не означало, что он сочувствовал строительству социализма. Напротив. В своем неприятии советской власти он был последователен и непримирим: отказался от пенсии, а позже и от государственного пособия за сына, призванного на военную службу, заявив: «Я сыновьями не торгую».

Ступенька 7. Бабушка

Анна Архиповна происходила из большой семьи воткинских мастеровых Бездомниковых и в молодости славилась своей красотой. К ней сватался техник Никита Семенович Евдокимов, впоследствии на-

значенный управителем завода. Ему отказали – уж больно росточком мал и плешив в двадцать лет.

Приснилось Анне Бездомниковой, что в хороводе подбежал к ней незнакомый парень и хлопнул ее по плечу. Лица парня она не запомнила. Когда ее пришли сватать из Конанка, увидела, что на женихе пальто с такой же клетчатой подкладкой, как у парня из ее сна. Тут же и в лицо узнала, вспомнила: этот, этот парень приснился ей! Так и вышла замуж за рабочего паровозного цеха Игнатия Щекотева.

Почему-то молодожены поставили свой дом на одной улице – наискосок, через дорогу – с двухэтажным надменным домом Евдокимовых.

Никита Семенович тоже привел в родительский дом молодую жену – барственную Анну Александровну: он в своей соломенной шляпе едва доставал ей до плеча.

Я помню тихого Никиту Семеновича: при советской власти он служил бухгалтером в заводоуправлении. Всегда с приветливой полуулыбкой, летом в неизменной парусиновой толстовке и с большим портфелем в руках. Зимой я его почему-то не встречал, но думаю, что в холода на нем было пальто с каракулевым воротником и каракулевая же шапка-«пирожок». Портфель, само собой, был тот же самый.

Анна Александровна пережила мужа на четверть века, внешне совершенно не старея, до самой смерти оставаясь прямой и осанисто-барственной. Детей у них, кажется, не было.

Удивительно, как она подходила внешностью к своему, теперь наследственному, дому. Евдокимовский дом тоже, не ветшая, оставался высоким, прямым и осанисто-барственным.

Дом Щекотевых выглядел куда проще, приземистее, но уж несравнимо приветливее. Еще бы мне его не помнить! Это же мой Старый дом...

Стоял он просторно, на лугу – Игнатий Осипович занял двойной участок земли. Предполагалось, что когда вырастет старший сын, он поставит свой дом рядом с отцовским. А рождались дочери: Татьяна, Ольга, Зинаида, Аполлиинария, Лидия, Зоя... И только через три года появился Анатолий, а потом и Александр.

Заботы о семье стали смыслом жизни Анны Архиповны. К этому она была подготовлена неплохо: успешно закончила воткинскую рукодельную школу грамоты Сарапульского уездного отделения Православного вознесенского братства. А там, кроме Закона Божьего, учили еще писать, читать, считать, вязать на спицах, плести

и вышивать, кроить и шить, чинить белье и одежду, ткать ковры и половики. Была Анна Архиповна не только поилицей и кормилицей большой семьи, но и первой наставницей своих детей в началах грамоты и домоводства.

Случилось так, что я, по существу, стал десятым ребенком моей бабушки. Мать моя, став машинистом парового молота в кузнечном цехе, работала по двенадцать часов в сутки «во имя торжества сталинских пятилеток». Отдать меня в детский сад? Эта мысль была пресечена дедом в корне: «Не позволю!». Он и в детском саду видел орган ненавистной ему советской власти.

Ступенька 8. Катастрофа

Заработки в паровозном цехе, щедрые командировочные выплаты позволяли Игнатию Осиповичу не только содержать семью в достатке, но и копить деньги на собственную мастерскую по ремонту сельскохозяйственного инвентаря. С рождением сыновей надежда создать семейную артель окрепла.

Где-то далеко на западных рубежах началась и громыхала война. Пока ее воспринимали здесь как благо: появились дополнительные военные заказы. Но вот сначала строптивая Лидия в шестнадцать лет стала сестрою милосердия полевого лазарета и оказалась там, где, как писали в газетах, земля пропиталась кровью, превратилась в кровавое болото. Потом стали дорожать продукты, исчезать из обихода золотые монеты, а вместо серебрушек появились приравненные к ним почтовые марки.

Но все эти сложности жизни не задевали младших детей. У них от тех лет осталось общее воспоминание: сидят оба на одном подоконнике, свободно на нем уместаясь лицом друг к другу. Одному видна правая часть улицы, другому – левая. Они одни дома и коротают время в игре: кто первый увидит в окошко кого-нибудь из старших – сестер или родителей.

Для Анатолия и Александра безоблачное детство длилось под опекой сестер. Зинаида-затейница служила в типографии и приносила домой ворохи обрезков цветной бумаги, мастерила вместе с младшими игрушки, клеила цепи, вырезала фигурки животных. Не отсюда ли у обоих братьев интерес к изобразительному искусству?..

В доме всегда тепло, светло и весело. Проворные и легкие девичьи пальцы украшают комнаты – летом цветами, зимой гирляндами из хвои, камышовыми букетами, гроздьями рябины и калины: бездна изобретательности и вкуса! Утром пахнет пар-

ным, а вечером – топленым молоком. На горячих – из печки – глиняных крынках запекаются жирные, восхитительно румяные пенки. Они тают во рту!

Семья шутку любила. И обижаться было не принято. Правда, маленький Александр сначала сердился на дразнилку: «Санчик-Санчик, выпей чайку стаканчик!». Но скоро и сам, смеясь, кричал в ответ: «Не хосю: горясё – так сё!».

Охотно и весело брались за общие домашние дела. Обязанности были разграничены: девочкам полагалось обихаживать жилище и помогать матери на кухне. Мальчикам – прибираться во дворе: собирать щепки, дрова в поленницы укладывать. А на прополку в огород выходили всей семьей.

Сделал дело, напился молока «быком», то есть из крынки, не отрываясь, сколько влезет, – и за ворота, в ребячью компанию. Но и на улице действовал домашний закон: «Солнышко домой – и вы домой!».

Казалось, что доброте, сытости и достатку не будет ни конца, ни края. Но вот где-то за тридевять земель случился октябрьский переворот, а следом за ним накатила как болезнь война... Войной заболели – стали в исступлении истреблять друг друга. Дети становились свидетелями истребления.

Восемнадцатый год кое-как перебедровали. Старый дом чем-то нравился командирам, в нем размещали штабы, останавливались на постой начальники. Это спасало хозяйство от разграбления, и в доме сохранялся привычный быт, стесненный присутствием посторонних, но сносный. Даже перепадало кое-что от командирских щедрот...

Но остановился завод, с поразительной быстротой заросли травой железнодорожные пути. Осенью ушли за Каму многие воткинцы, улицы будто вымерли, как в эпидемию чумы, – только одичавшие собаки и кошки рылись в помойных ямах.

Щекотевы остались: куда с маленькими детьми, когда зима на носу! Новый 1919 год встретили в тревогах и сомнениях. В Воткинске с прошедшего года «шуровала» чрезвычайная следственная комиссия. После расстрела Тимофея Осиповича Щекотевы оказались под подозрением: не буржуи ли? Вон новый сруб заготовлен, строиться задумали. Нашлись и завистники, и недоброжелатели... Оставалось одно – уходить, пока не арестовали. Аресты шли повсюду, и главным поводом к ним была конфискация имущества. Уходить, спасать не себя – семью. Расстреляют кормильца – погибнут все. Кому в осатаневшем мире нужны сироты?!

Сруб продали. Окна в доме заколотили досками и всей семьей пустились в долгий

путь на поиски какого-нибудь пропитания.

Остановились в деревне Шиханы. Здесь семью настигла беда: в жаркий полдень старшая из детей Елена умылась ледяной водой из лесного ключа и, проболев несколько дней, умерла.

У Игнатия Осиповича сложился план спасения семьи. Отец его, Осип Ефимович, давно отделился и зарабатывал на жизнь одним из многих ремесел, какими владел, – катал валенки, кочуя из деревни в деревню. Игнатий Осипович разыскал его, привел в Шиханы и стал перенимать ремесло – учиться катать валенки.

Передавая сыну свои инструменты, особую ценность среди которых составляли колодки, вырезанные весьма искусно из какой-то твердой породы дерева, Осип Ефимович понимал, что, оставшись без работы, лишается собственного куса хлеба. Обьедавать голодающую семью старик не захотел и вернулся в Воткинск, где устроился в заводскую богадельню – приют для престарелых рабочих. Там тоже голодали, но, по крайней мере, в тепле. Топил печи. Так с поленом в руках и умер...

Отныне странствующим катавалом стал Игнатий Осипович. Как только подсыхали дороги и рассаживались в огороде овощи, они с Анной Архиповной навьючивались катавальной снастью – в том числе двухметровым бревешком-«лучком» – и отправлялись в странствие по деревням, оставив и дом, и огород на детей. А было им: Зое тринадцать, Анатолию девять, Александру пять лет...

Ступенька 9. Жаркое лето 1921 года

Лето 1921 года настигло гибнущую семью в деревне Гавриловка за пять верст от Старого дома. Сюда, ближе к родным местам, Щекотевы перебрались почти без надежды выжить. Заказов на валенки не было, а идти в дальние деревни не оставалось сил, которые таяли вместе с последним снегом.

Снег сошел, и наступившая жара обратила землю в камень. Даже трава не росла. Такой губительной засухи не помнил никто. Пересохла Сива – от полноводной реки остались только лужицы по овражистому руслу между осыпающихся берегов. По полям столбами вилась пыль, в горле першило, слезились глаза – полыхали лесные пожары. Мудрые люди видели в бедствии божью кару за братоубийственную войну.

Пришло такое время, когда вся семья лежкой лежала по лавкам и даже на полу – берегли остатки сил. Проездом с мужем, партийным работником, наведалься Аполлинария: погоревали, поплакали. Чем по-

можешь? Прощаясь, постояла темным безглазым силуэтом в дверях.

Казалось, хуже быть не может, но стало еще хуже. Жара и голод лишили последних сил, слегла еще державшаяся на ногах Анна Архиповна: стало некому принести воды. Голодная смерть летом 1921 года не была редкостью. В то кошмарное лето моя нищенствовавшая мать вошла в один дом за подаванием и увидела высохшие без погребения трупы. Советские мумии...

Спасение пришло внезапно и показалось чудом. А, может быть, и впрямь случилось чудо? По трудно объяснимому совпадению тоже проездом к новому месту службы мужа-краскома нагрянула еще одна дочь – Лидия Игнатьевна. Воткинские родственники недоумели, где искать семью. Привезла мешок муки. Подумать только – жевали сосновый луб (я тоже знаю его вкус), а тут – мука! Целый мешок! Ожили. Живы остались...

Старый дом встретил хозяев заросшим крапивой в рост человека и смрадом: давно уже стал придорожным отхожим местом. Крыша просела, будто дому переломили хребет. Стояли сиротами перед осиротевшим жилищем и плакали. Громко плакали – «в голос»...

Усадьбу очистили, выгородили пригодную для жилья половину дома, собрали кое-какую мебель – да так и прожили еще четверть века! О строительстве нового жилья нечего было и думать: ни денег, ни сил. Предполагалось, что Анатолий, выучившись на техника, получит казенную квартиру, Александр, вернувшись с военной службы, возьмет полагающуюся ему ссуду и построит себе такой, как надо, дом. Старикам же и младшей дочери с сыном, пока вторично замуж не выйдет, места хватит и в Старом доме. Вот и осталась выгороженная его часть до 1950 года без каких-либо изменений памятником борьбе за выживание.

Ступенька 10. Последнее испытание

Первый после консервации завода его знаменитый гудок – басовитый и раскатистый рев пара в цилиндрическом медном наконечнике, слышимый даже в отдаленных деревнях, – раздался в сентябре 1925 года. Иные, услышав его, крестились: «Наконец-то!». Он означал, что рабочая жизнь возвращается в свое русло не зависимо от того, чья власть на дворе.

Игнатий Осипович в числе многих вернулся в цех сельскохозяйственных орудий – завод передали акционерному обществу «Уралсельмаш». Само по себе событие это могло означать только возвращение к при-

вычной более чем за сорок лет работе. Но для Игнатия Осиповича тут присутствовал особый смысл. Он не только не чаял продолжить заводской путь, но даже просто быть работоспособным...

Народ возвращался в родные места – иные, как Щекотевы, из деревень, где переживали голодный год, иные – из отступления с Воткинской дивизией. Появились заказы на валенки: другой зимней обуви в наших краях не знали. «Щекотевские» пользовались спросом не только потому, что были изящной формы, – вспомним искусно сделанные Осипом Ефимовичем колодки, – но и из-за добротности. Потомственный мастеровой уважал свое ремесло и небрежности не допускал, прокатывая войлок до кровавых мозолей на руках, промывая до чистой воды. А ведь у катавалов свои уловки были, и дед знал их. Достаточно «закислить» шерсть, добавив в нее кислоты, как валенок и без глубокой прокатки «схватывался», затвердевал, но становился ломким, трескался на сгибах и плохо держал тепло.

При обработке грязной шерсти «летнины» – «зимнина» для чистой катки не годилась – занести инфекцию через поврежденную кожу было немудрено. У Игнатия Осиповича разболелась правая рука – ее раздуло до локтя, и она стала как полено: пальцев не видно. Доктор был неумолим: немедленная ампутация, иначе гангрена и смерть. О такой беде даже летом 21-го и помыслить не могли: оставалась надежда. Теперь же надежды не было: без правой руки что за работник?!. Останется одно: всей семье шить котомки и идти собирать подавание.

Знающие люди посоветовали обратиться к железнодорожному фельдшеру. Тот мельком глянул на изуродованную руку и сказал категорически: «К докторам не ходи. Отрежут руку, как семью кормить станешь?». Велел дома согреть воды, опустить в нее больную руку и добавлять в посудину понемногу крутого кипятку. Держать, сколько терпения хватит...

Когда Игнатий Осипович пришел к фельдшеру с «вареной» рукой, тот надрезал на ней кожу у локтя и стащил долой как перчатку. Обнаружив под кожей нарывы, снова отправил Игнатия Осиповича домой повторить прогревание. И снова снял с руки кожу. Эта варварская операция проводилась троекратно. И открылись на ладони и запястье двенадцать гнойных проломов. Их было велено прочищать гусиным пером, смоченным в растворе йода: вводить в один пролом так, чтобы кончик пера высунулся в другом...

Поправилась рука!

Пока длилось лечение, голод подсту-

пил вторично. Когда были съедены остатки овощей, заготовленных на зиму, стали выгребать из помойных ям картофельную шелуху: ее сушили и растирали в муку, из которой пекли почти несъедобные лепешки, похожие на коровий навоз.

И опять крепче всех оказалась Анна Архиповна. У нее хватало силы и отчаяния, чтобы метаться по городу в поисках съестного, даже разгружать вагоны в Кварсе, чтобы получить гнилой кочан капусты или горсть прелых картофелин.

Анна Архиповна знала, что такое хорошо своих детей и внушек. Не вынес второго голодомора самый младший. Увидела сразу: не жилец. Собралась пойти в церковь, чтобы взять свечку и поставить в головах на исход души. Только за ворота вышла, соседка кричит: «Архиповна, беги скорей на почту – там американскую помощь дают!..». Дали рис и порошок какао. Санчика отпоили рисовым отваром.

И снова вопрос: что это? Простое совпадение или чудо? Серьезные исследователи утверждают, что «просто совпадений» не бывает, жизнь человека соткана так, что он постоянно оказывается перед выбором. Сделав правильный выбор, он получает определенную гарантию движения в выбранном направлении, его «охраняют». Это и есть «везение», которое выражается в благоприятных совпадениях. Если угодно, благоприятное совпадение – это аванс, который надо «отработать» добрыми делами, а не можешь творить добро, так хотя бы не делай зла.

С выздоровлением Игнатия Осиповича жизнь стала налаживаться. О прежнем благополучии, разумеется, нечего было и думать, но одеть, накормить семью стало возможным. У изголодавшихся подраставших мальчиков был неутолимый аппетит. На желудках у нас не сэкономили, Анна Архиповна готовила еду сытную и обильную. За общим столом по воскресеньям пельмени поглощались сотнями, пироги – десятками. В будни обычным блюдом была рубленка: густая похлебка из рубленого мяса и овощей, хорошо упревшая в «вольной» – когда дрова прогорели – печи.

Ступенька 11. Личное

На долю моей матери Зои Игнатьевны выпало с восьмилетнего возраста нянчиться с детьми старших сестер: «Полю выдали замуж в шестнадцать лет. Родилась Любочка. В школу схожу, из школы – к Поле, с Любочкой водиться. У нас еще Тая была. Дальше учиться не пришлось: гражданская война началась».

С одиннадцати лет ей пришлось жить не в своей, а в чужой, хоть и родственной семье. С той поры и началось отчуждение: там – не своя и дома – не своя. Остаться у сестры вынудили обстоятельства: по улицам ходить стало опасно. Однажды не успела через улицу перебежать к своим воротам: поднялась стрельба, начался бой. От Казанского вокзала из конца улицы наступали солдаты. Одного из них застрелили прямо под окнами Анны Александровны.

Когда семья ушла в деревню и стала голодать, почувствовала себя лишней и у сестры, и у отца с матерью. Ушла нищенствовать – ела, что дадут, спала, где придется.

Раньше, чем у остальной семьи, наладилась жизнь у Аполлинару: муж партийный, во власти. Спецпакет, но жизнь на колесах: куда пошлют. Передали через знакомых, что им снова понадобилась нянька. Зоя ушла к ним пешком в Дебессы за восьмьюдесятью километрами. И с ними нянькой и домработницей дальше – в Глазов, Ижевск, Мултан.

Везде, благодаря веселости и легкому характеру, находила друзей. В Глазове она сблизилась с семьей ссыльного поляка Вацлава Петровича Кинзерского, сдружившись с его дочерью Аделью, барышней образованной. (Любопытно, что старые подруги возобновили переписку через пятьдесят с лишним лет разлуки).

У Бельтюковых на правах близкого человека, почти члена семьи был принят молодой человек, сослуживец Аполлинару, заведующий мултанским отделом культуры Александр Сорокин. За него в 1930 году Зоя и вышла замуж. Но семейная жизнь не сложилась. Артистическая среда, к которой принадлежал Александр, располагала к беспечной жизни, и семья показалась ему обременительной. Мама о нем говорила: «Хороший был человек, из рабочей семьи, образованный, да рюмка сгубила...».

Расскажу о моей единственной встрече с отцом. Работал он в то время в Воткинске в газете «Ленинский путь». Его в Старом доме ждали. Дед сердился, курил, ехидничал. На стук у ворот ворчал на маму: «Ступай отворяй, твой сахар пришел!». Однако с первым стуком пришел дядя Шура. Но вот стучат снова. Наверное, дядя Толя. На этот раз в избу вошел незнакомый худощавый человек. Помнится, дело было осенью, на чужом дяде было длинное пальто. Когда он разделся, я заметил, что в его одежде, которая была под пальто, сочеталось несочетаемое: сверху пиджак, а снизу галифе пузырями и сапоги как у военного.

Дед демонстративно удалился за печку. Я в своем углу за столом был, как всегда,

занят рисованием. Незнакомец сел рядом со мною на лавку. Я дичился его: ужаслся, не поднимал носа от бумаги. «Ты умеешь рисовать звездочку?» – спросил он меня. Взял мой карандаш и на моем листе бумаги быстро – росчерком – нарисовал косую звездочку. Рядом – другую, третью.

Мне с ним было неуютно. Впрочем, посторонних я дичился всегда и медленно привыкал к незнакомым людям. Я ждал, когда он уйдет. Наконец, поговорив о чем-то с мамой, он встал, оделся и ушел. Мама пошла его проводить.

Первое, что я сделал после его ухода, это попробовал нарисовать звездочку, как он. У меня она вышла ровнее. Теперь, вспоминая эти звездочки, я думаю, что отец мой был человек нервный, беспокойный. Бабушка была чем-то раздосадована и сказала мне: «Это же отец твой был! Отец!..». Я к этому сообщению отнесся равнодушно. Слово «отец» казалось мне всего лишь звуковой оболочкой, лишенной содержания. Я так и не понял, на кого и почему сердится бабушка...

Было еще письмо с фронта. Тоже одно, с фотокарточкой. На ее обороте была дарственная надпись. В ней он переврал мое имя, назвав меня Вилериком. Он, наверное, думал, что так меня называли в честь Ленина: В.И. Ле-рик. Дата – 1942 год. В этом году он пропал без вести. Возможно, только для меня. Как-то раз при мне дядя Шура обмолвился, что встречал его после войны...

Да, еще странный сон. Считается, что сновидения формируются в подсознании из обрывков памяти. А что их, эти обрывки, отбирает и комбинирует именно так, а не иначе? Ясно одно: снится нам то или иное отнюдь не случайно.

После кончины матери мне приснилась наша с ней комнатка на улице Робеспьера. Я, присев на корточки, сметаю веником сор на бумажку. Надо мной стоит мама, а рядом с ней – незнакомый мужчина. Они одеты строго и, пожалуй, торжественно, как будто собираются куда-то идти. Мама – в высоко зашнурованных ботинках, какие носили в начале минувшего века, на незнакомце – длинное осеннее пальто. Я запомнил слова матери, сказанные печально: «Я уже смирилась...».

Ступенька 12. Братья

Братья Александр и Анатолий всегда видятся мне не по отдельности, а купно, рядом, вместе, дополняя друг друга. Невысокие ростом, но замечательно, атлетически сложенные. На них любая одежда сидит ловко, они франтоваты. У Анатолия рубашки, галстук, шарф: модный, узкий и

очень длинный холодноватого серо-голубого цвета. У Александра все то же самое, но теплых коричневатых тонов. Только летом оба в белом с головы до ног, матерчатые свои туфли усердно пудрят мелом. Впрочем, тогда туфли были исключительно женской обувью, сходная с ними мужская обувь называлась баретками. Завязывать галстуки их научили в «машинке» – клубе машиностроителей. Там братья играют в струнном оркестре и выступают скрипичным дуэтом. У нас вся стена занята семейством щипковых: скрипка-прима и альт, мандолина, гитара...

Много позже я узнал, откуда взялся у братьев профессиональный атлетизм. В начале прошлого века в почете были два вида гимнастики: общеоздоровительная по системе Мюллера и «сокольская» атлетическая, которую применяли в военной подготовке и которая была включена в программу спортивных состязаний. В Воткинск «сокольскую» гимнастику завезли в 1914 году военнопленные – чешские и австрийские атлеты. Они нашли применение своим умениям в школах, занимаясь там физическим воспитанием. За культурных европейцев выходили замуж молоденькие учительницы, увеличивая тем самым число иностранных фамилий в городе: Клюдт, Геринг, Кениг, Клинер, Штеле, Шутт...

В школе того времени, где братья приобщились к «сокольской» гимнастике, господствовала идея не трудового обучения, а идея обучения труду в узком, профессиональном смысле. Ее сторонники требовали преобразования «буржуазного» техникума в ремесленное училище. А в Воткинске открыли не просто «трудовую», а образцовую трудовую школу (ныне школа № 3 имени Пушкина). В ней центр тяжести в обучении будущих пролетариев был сильно смещен в сторону обучения ремеслам, а основы наук преподавались в сильно усеченном виде. Конечно, это была тупиковая школа, и требовалось героическое самообразование, чтобы восполнить пробелы в знаниях, ведь «образцовая» не обеспечивала даже простой грамотности.

Зато сбылась сокровенная мечта Игнатия Осиповича о семейной артели: они втроем теперь ремонтировали сельхозинвентарь в окрестных деревнях, зарабатывая деньги на лыжные костюмы, шелковые шарфы и модные штиблеты.

Братья умели делать решительно все. Самостоятельно насажали серпы, разводили пилы, паяли кастрюли, точили топоры, ножи и ножницы. Кроме того, в «образцовой» учили началам агрономии и животноводства. Но главное приобрете-

ние, сделанное ими в школьные годы, — это основательность в любом деле, за которое они брались. И это осталось на всю жизнь: не любительские упражнения, а зрелый профессионализм.

Эта основательность иногда принимала забавные формы. Александр Игнатьевич, например, очень любил распутывать узлы. Вид чрезвычайно запутанного клубка вызывал у него спортивный азарт. Известно, что самые непокорные узлы завязываются на рыболовных лесках: леска — с волосок, узелок на ней — меньше булавочной головки. Он закладывал леску с узелком в складку кожи на ладони у основания одного из пальцев и часами сжимал и разжимал кулак, пока узелок не распускался.

Любознательным по натуре братьям пресная школьная наука не давала достаточной пищи для ума, и в Старом доме появляется и расширяется домашняя библиотека. В ней десятки пестрых книжечек популярной серии «Хочу все знать», солидный том профессора Неймайера «История Земли» и первая, увиденная мною, таинственная «Энциклопедия».

Этой же волною обостренного интереса к жизни занесло братьев в клуб машиностроителей, в котором в те неустроенные годы зарабатывали свой скудный паек профессиональные артисты, музыканты, художники. В горькой самоиронии, в духе модных сокращенных слов они называли себя «ХЛАМ»: «Художники — литераторы — актеры — музыканты». В «машинке» резвились артистично. Никогда еще — ни раньше, ни позже — в рабочем клубе не «светилась» так соблазнительно и весело интеллектуальная элита. Прошедшие эту жизнерадостную школу братья дурачились, импровизируя на ходу забавные интермедии дома, в гостях, а то и просто так, на улице. От избытка чувств. Дурачились талантливо...

Все это у них было общее. А внутренняя их жизнь текла по разным руслам.

Ступенька 13. Анатолий

Катастрофа семьи оставила в душе Анатолия глубокий и болезненный след. В свои десять лет он видел, чувствовал и понимал больше, чем Александр. Внутренний мир его нуждался в защите от разрушительно-вторжения жестокой повседневности. И Анатолий создал эту защиту, заменив реальный враждебный мир вымышленным, празднично расцвеченным фантазией, в которую можно погрузиться на время, чтобы не видеть и не слышать, ощутить себя сильным и благородным среди сильных и благородных.

Несоответствие внутреннего мира миру внешнему не могло пройти безнаказанно, и стоило оно Анатолию длительного нервного расстройства. Иногда оно даже достигало моментов ясновидения. Подростком он безошибочно «узнавал», что происходит, скажем, за углом дома, за поворотом улицы: кто идет, во что одет и так далее. Тогда ему хотелось кричать: «Ребята, я сквозь стены вижу!». Другим следствием невращения стало бурное течение обычных болезней с температурой под сорок, судорогами, беспокойным сном с криками.

Избавиться от последствий внутреннего разлада Анатолию удалось только в зрелые годы благодаря той самой приобретенной в детстве основательности. Он на долгие годы занялся самолечением, используя все доступные средства, — от «сокольской» гимнастики и рационального питания до приемов самовнушения, для чего основательно изучал практику гипноза.

Все это — последствия пережитого в раннем детстве, непонимание окружающими сложности его внутреннего мира, необходимость самому выбираться из лабиринта — привело к тому, что он замкнулся в себе окончательно. Защищаясь, стал придумывать себе маски, за которыми прятал истинные чувства и переживания, иной раз разыгрывал некую пьесу — чаще комедию, — в которой выступал и автором, и режиссером, и актером. Гонял на мотоцикле, стрелял по мишеням, играл в оркестре, ходил на охоту, рыбачил, фотографировал, веселился на дружеских вечеринках, дурачился. Он убедился в том, что ему тесно в отведенных образованием и жизнью рамках, и тогда творческий голод привел его в параллельный мир, который если и не был официально запрещен, то уж никак не одобрялся властью.

Ступенька 14. В двух мирах

Человеком, существовавшим в параллельных мирах и открывшим Анатолию туда дверь, был Григорий Дмитриевич Давыдов. Я не сразу оценил масштаб этой личности. Уж очень заурядная была у него внешность: и ростом мал, и мешковат, лицо малоподвижно, невыразительно — ни «чела», ни «очей». Преподавал он нам в техникуме черчение и ко мне благоволил. С Анатолием Игнатьевичем, думаю, он был знаком с поступлением того в техникум после окончания фабрично-заводского училища.

Необычайно схожими были их судьбы. Оба были техниками, окончив одно и то же учебное заведение с разницей в четверть века, успешными специалистами, рациона-

лизаторами производства, оба преподавали в техникуме (а Давыдов был еще и директором), оба подвергались гонениям за принадлежность к церкви, и, наконец, оба доживали свой век в физической слепоте. Но главное, что объединяло их, составляло основу их неугасавшей дружбы, – это способность обитать в двух параллельных мирах, погружаться в стихию высокого искусства, где нет указов, приказов, постановлений, декретов и прочей арматуры государства.

Григорий Дмитриевич был бессменным регентом знаменитого хора певчих Благовещенского собора, основал при нем первую в Воткинске хоровую школу, которую посещали около сорока детей, получил в узких кругах известность как композитор духовной музыки. Анатолий Игнатьевич под его руководством принял хор певчих Спасо-Преображенского храма, занялся музыкальным самообразованием и, благодаря своей основательности, стал профессиональным музыкантом. В качестве своеобразного экзамена он выполнил оркестровку «Вальса-фантазии» Глинки, получив высокую оценку специалистов.

Обращение к духовному искусству было не мгновенным порывом. Та же основательность побудила Анатолия Игнатьевича в течение сорока лет изучать историю христианства, святоотеческие предания, исследовать взаимоотношения религии и науки. Все это содержится в его многочисленных записях. Он создал и обобщающий труд о христианской жизни – «Умное делание».

Меня давно интересовал вопрос: откуда в нашем маленьком провинциальном городке столь высокая профессиональная культура, имевшая последствием открытие музыкальных школ и училища? Не объяснишь же это одним фактом рождения здесь Чайковского!

В нашем маленьком доверительном кружке техникумовских музыкантов Григорий Дмитриевич рассказал однажды вот что. Служил в Благовещенском соборе диакон отец Максим. Не принято духовных особ величать по отчеству, но его величали как по нотам: «До-ре-ми-до-нтови́ч». При советской власти отец Максим сложил с себя духовный сан и скоро прославился на весь мир своим голосом, стал народным артистом СССР Михайловым. Однажды он посетил с концертом Воткинск. Ради него Григорий Дмитриевич приостановил бойкот городскому театру, открытому в оскверненном соборе, и пришел на концерт с женой Верой Ивановной. Встретились прежние друзья за кулисами, где сквозь побелку просвечивали лики святых. Расцеловались: «Геничка!» – «Максимушка!». Обвел

диакон-расстрига стены с бледными лицами и говорит: «Вот, Геничка, я здесь прежде бога славил, а теперь черта!». И раскатился мефистофельским смехом...

Под влиянием Давыдова, придерживавшегося строгих житейских принципов, Анатолий Игнатьевич вернулся к жене, с которой состоял в разводе, и они обвенчались. Чета Давыдовых была редкостным, а по современным меркам и вовсе неправдоподобным средоточием взаимной любви. Детей у них не было, и поэтому чувство каждого удваивалось: они относились друг к другу еще и как к ребенку. Такое вот соединение супружеской и родительской любви.

Однажды по какому-то делу мы, студенты техникума, ездили под опекой Давыдова в Ижевск. Уехали утренним, вернулись вечерним поездом, все путешествие длилось от силы десять часов. Заметьте, часов, а не дней. И нечаянно стали свидетелями сцены, показавшейся нам забавной. Вера Ивановна в своей темной, почти монашеской одежде – шаль, юбка до пят – ждала за воротами: она всегда выглядела как девочка-подросток, нарядившаяся зачем-то в монашеское платье. С девичьей стремительностью бросилась Вера Ивановна навстречу мужу. Они стали целоваться, приговаривая: «Верочка!..» – «Геничка!..». Было им тогда далеко за сто лет на двоих. Они не принадлежали нашему хамскому веку и уж точно жили в ином измерении.

Григорий Дмитриевич за свою старомодную ласковость в обращении получил среди студентов прозвище Сахар Медович...

У кого-то может сложиться мнение о Давыдовых как о неприспособленных к жизни интеллигентах с признаками маниловщины. Ничуть. Их быт законсервировался на периоде XIX века: большой двухэтажный дом, огород, сад, корова. Я видел, как Сахар Медович, вооружась серпом, жнет траву подле забора, набивая ею мешок: при его скромном росте мешок казался огромным. В ту пору еще была жива его мать, но убирал двор и стайку он сам. Удивительно, как после навозных вил ему удавалось сохранять точность рук чертежника.

Я увидел Давыдовых незадолго до кончины Григория Дмитриевича, когда возвращался домой с Казанского вокзала через гору, мимо церкви, напротив которой – весь в резных наличниках – стоял дом Давыдовых. Была суббота. Давыдовы шли из храма от всенощной. Вера Ивановна, по-прежнему стройная и легкая в своем монашеском одеянии, бережно вела ослепшего мужа под руку, тесно прижавшись к нему. Шли они очень медленно, останавливаясь через каждые три-четыре шага. Тяжелое

лицо Григория Дмитриевича было плохо выбрито и казалось обсыпанным мукою. Я остановился, не смея к ним приблизиться, чувствуя себя существом из чуждого им мира. Стоял долго в ожидании, когда они пройдут мимо. Мне казалось, что мое суетливое желание помочь им преодолеть эти десять шагов, оставшихся до ворот, оскорбительно нарушит их единение. Не посмел подойти к ним. Не посмел...

Ступенька 15. Александр

У него не было потребности выдумывать свой особый мир. Александр был открыт и органичен. Во время катастрофы двадцатых годов он был слишком мал для душевных страданий, а от телесных ран излечиваются скоро. И на характер его в большей степени повлияла улица. В сущности, он оказался беспризорным. Влияние улицы имело и полезную сторону: беспризорники оказывались живучими, предприимчивыми, жизнерадостными. Александр принимал жизнь такой, какая она есть, и умел приспособливаться к меняющимся обстоятельствам: всегда в хорошем настроении и с веселым лукавством.

Окончательно его непростой и противоречивый характер ковали все молоты, молотки и молоточки военной службы – почти одиннадцать лет флотского быта с его жестким, а то и жестоким регламентом: кубрик – боевое дежурство – кубрик – мастерская, кубрик – каптерка. И реже: кубрик – увольнение на берег. Кочевья: Кронштадт, Новороссийск, Северный Кавказ, Дальний Восток. Три войны. Ранение. Контузии. Отсюда и казарменные привычки, которые всю жизнь доставляли Александру Игнатьевичу много неприятностей.

«Матрос как кошка: как его ни брось – всегда оказывается на ногах». Александр Игнатьевич трижды начинал учиться ходить, преодолевая последствия болезни. После излечения от ранения он удивил командование тем, что добрался из Воткинска в Новороссийск всего лишь за неделю. В условиях военного времени на подобный вояж требовалось не меньше месяца. Лукаво ухмыляясь, Александр сослался на «матросскую находчивость».

Дело было так. Любой вокзал в военные годы превращался в стихийный рынок: там можно было купить – и украсть – все, что угодно. Ловкие людишки наживались. Наибольший доход приносила торговля табаком – курящий готов был отдать последнее за щепотку махорки. И на привокзальной площади в Казани самый длинный «хвост» выстроился к владельцу мешка, на-

полненного нарубленным в крупную крошку – чтобы меньше в стакан вошло – самосадом. Большинство в очереди составлял военный люд, иные на костылях. Торговля шла бойко, рядом с табачным мешком на глазах разбухал другой, с деньгами – никакого преувеличения: буханка черного хлеба стоила восемьсот рублей. Александр, честно выстояв очередь, подставил карман шинели: «Сыпь, дядя». На пятом стакане «дядя» забеспокоился: «Эй, служивый, а денег-то у тебя хватит?». «Сыпь давай!». На девятом стакане Александр принялся пожимать руку торговцу и благодарить от имени военно-морского флота. А поблагодарив, пошел прочь. Взбешенный хозяин рванулся за ним да смекнул, что рискует лишиться обоих мешков: народ ушлый, только и ждет момента!..

Махорка была надежней железнодорожного билета, за табачок охрана пускала если не в вагон, то в паровозную будку, в крайнем случае – на крышу вагона.

Он всегда считал себя везунчиком и в молодости бравировал в минуты опасности. Когда-то в раннем детстве, еще в Старом доме, он, оставшись один дома, влез на стул и стал зажигать лампу перед образами. Тут в незапертую дверь ввалилась ватага грязных, оборванных цыганят, а следом за ними – старуха-цыганка в пестром тряпье. Она остановилась на пороге и сказала: «Счастливый мальчик, будешь долго жить...». Повернулась и ушла. Цыганята, толкаясь в дверях, – за нею...

Канонерская лодка, на которой служил Александр, носила близкое сердцу имя «Кама». В первые же дни войны она попала под обстрел с берега. Александр стоял на палубе совершенно открыто. И случилось чудо. Когда он стал рассказывать товарищам о том, что случилось, они, зная его любовь к розыгрышам и мистификации, подняли его на смех. Он тут же прикусил язык, опасаясь получить какое-нибудь обидное прозвище, на какие были горазды обитатели кубриков.

А он вовсе не шутил. Он сам был поражен и озадачен. Александр увидел летящие в него пули. Они походили на ос-шершней, летели медленно, даже порою зависали в воздухе. От них можно было уклоняться, пропускать мимо себя. Он и стал уклоняться, замороженно следя за «осами». И, наконец, избежал бы ранения – лодка, сменив курс, выходила из-под обстрела. Да с мостика стали кричать: «Ложись, Сашка, ложись!». А палуба мокрая, рулевые цепи громыхают рядом – смаху не бросишься. Послушался, стал нагибаться, тут одна из «ос» и ударила...

Много позже, уже взрослым человеком, продолжая мучиться неверием, я нашел в литературе свидетельства очевидцев-фронтовиков о сходных явлениях. Подобное случалось на войне.

Ступенька 16. В поле и в лаборатории

У Александра были мудрые наставники. И первый из них – один из самых необыкновенных людей, которых я когда-либо встречал: брат моей бабушки Дмитрий Архипович Бездомников. Слыл он черно-книжником. И впрямь, интересовался магией, знал хиромантию и предсказывал судьбу по линиям ладони. Мне он предрек нелегкую жизнь, но в конце ее успех. Внешность его тоже была необычной: седую опушку вокруг лысины он брил, в щетинистом седом подбородке выскабливал несколько симметричных проплешинок, а, в общем, голову и лицом, особенно после бани, походил на поседевшего младенца. Так мог выглядеть книжник, не вылезающий из библиотек и книгохранилищ. Но, как и в случае с Давыдовым, такое суждение оказалось бы ошибочным.

Большую часть жизни «дядя Митя» провел на заводе, впрочем, подозреваю, что не рабочим. Он поставил в нашем Витиле домину не хуже, чем у Евдокимовых, некоторое время содержал на первом этаже кабак, был едва ли не трижды женат, замучив жен непосильной домашней работой, но и сам трудился от темна до темна как заведенный механизм. В условиях досоветской России он мог принадлежать к числу наиболее состоятельных горожан: в приданое за своей последней женой он получил знаменитый ботанической коллекцией Богатыревский сад (ныне – Детский парк).

В голодные двадцатые Дмитрий Архипович вернулся к делу своих предков – занялся земледелием, держал, кроме коровы, еще и лошадь. Понятно, что власти выделили ему пахотную землю на неудобье или, как принято говорить в наших краях о таких местах, – «на Пашкином поле». Александр был его любимым племянником, и Дмитрий Архипович охотно брал его с собою в поле и на сенокос. Мальчик крепко сдружился с Карькой – так звали лошадь, – и скоро сам стал его запрягать: наука была приятной. Приятен был запах свежеспанной земли и навоза, шелест ржи и звон спелых колосьев овса радовали слух.

Деревенская работа пошла Александру впрок. Демобилизовался он в полуголодную послевоенную пору и сразу же объединил картофельные участки нашей семьи новой сельскохозяйственной иде-

ей: тогда землю нарезали по месту работы каждого до пяти соток. Он отвел под картофель один надел, а остальные засеял просом и гречихой. Мы своей мускульной силой представляли коллективную лошадь.

Натертыми до крови плечами я запомнил уборку урожая 1947 года, но тяжесть плотных просяных снопов на тачке была радостной. Кому приходилось голодать, тот поймет меня. Наш «поезд» растянулся в сумерках по накатанной тропе вереницею, тачки поскрипывали: дядя Толя, дядя Шура, тетя Галя, мама и я – вся наша «лошадиная сила». Впереди маячили огоньки Воткинска...

Для получения из зерна крупы нужна была крупорушка – род кофейной мельнички, только побольше. Эту машинку сконструировал и сделал на заводе дядя Толя. Но охрана обыскивала на проходной всех, кто выходил с завода, периодически («великий шмон») и выборочно («малый шмон»). В тюрьму уже не сажали: попадешься с краденым – отберут, объявят выговор в приказе по заводу и лишат премиальных доплат. Это непременно. Поэтому вечером, согласно договоренности с дядей Толей, я в условленное время (мне были выданы часы) отправился «гулять» возле заводского забора. Вскоре через колючую проволоку, натянутую по гребню ограды, перелетел увесистый бумажный сверток и глухо стукнулся оземь. Соблюдая данные мне предписания, я не бросился к нему, а еще некоторое время «гулял» поблизости и только потом отправился домой...

Побывав в крупорушке, зернышки проса превратились, как мне казалось, в какой-то мусор. Но мы высыпали его на одеяло, вынесли во двор, и, взявшись за концы одеяла, стали подбрасывать. Легкий ветерок поднялся над ним и унес облачко шелухи: осталась белая, чистая крупа будто бы из магазина. До чего же вкусна была эта каша осени 1947 года!..

Мне повезло дважды: у меня и у дяди Шуры был один и тот же наставник. С промежутком в десять лет. Сергею Николаевичу Ваганову было суждено оставить благодарную память о себе по крайней мере в двух благодарных сердцах. Александра Игнатьевича он не только снабдил профессией, но – что важнее! – обручил с гитарой, как обручают с невестой.

...Бочком-бочком, будто бы с опаской, вдоль стены по техникумовскому коридору пробирается странноватый человек. Он зябко кутается в старенькое пальто, надевшее не в рукава, а просто наброшенное на плечи. Такие пальто с бархатным воротником и так, внакидку, уже давным-давно

не носят. И такие очки – круглые, в тонкой стальной оправе – теперь давно уже не делают. Серые, влажные волосы тщательно расчесаны на косой пробор. Это преподаватель химии Сергей Николаевич Ваганов, жестко пришибленный властью за то, что испуганным гимназистом уходил за Каму с воткинскими повстанцами.

Он, разумеется, по масштабам личности уступал Григорию Дмитриевичу Давыдову, но был проще, добрее, сердечнее. Не было у него калитки в сопредельный мир. Он зябко ютился на пороге, а, лучше сказать, – под порогом здешнего недоброго мира.

Пока Сергей Николаевич мыкался за Камой, его расчетливые родственники прибрали к рукам принадлежащее ему имущество, главное – родительский дом. Вернулся ни с чем – и остался безо всего. Ручаюсь – потому что знаю! – все, что ему принадлежало, это: стопка учебников, стопка нот, одежда, которая на нем, очки, футляр для них, гитара и деревянный радиоприемник образца 30-х годов «Букашка»... Жил на зарплату да еще и «путал свой карман с государственным», покупая за свой счет реактивы для химической лаборатории техникума.

Считал себя никчемным, пропащим человеком, но, взяв в руки гитару, преобразался. Он был истинным музыкантом, учился в Москве на курсах Дома народного творчества имени Крупской и там познакомился со столичными виртуозами-гитаристами, мало в чем уступая им. Александр был удивлен мелодическими и гармоническими возможностями русской семиструнной – «семитрудной» – гитары и решительно отверг и скрипку, и мандолину.

В техникуме знали, как преображался Сергей Николаевич, беря в руки гитару. Если Григорий Дмитриевич, благодумствуя, называл наших девочек шоколадками, то Сергей Николаевич, уступая умильным взглядам довоенных студенток, доставал с лабораторного шкафа гитару. Он бывал непередаваемо изящен в латаных-перелатанных с высокою шнуровкой ботинках, начищенных до влажного блеска, поставив ногу на табурет и положив на нее гитару, в наброшенном на плечи обтрепанном пиджаке, когда перед первым аккордом ненадолго задерживал дыхание.

Замечу, что столь же изящно он курил самокрутки военных лет, стоя у печного душника, чтобы вытягивало табачный дым, в удивлявшей и умилявшей меня свободно-непринужденной позе, держа са-

мокрутку между указательным и средним пальцами руки. Я не шучу: манера курить значит немало. Обратите внимание, как курят, зажав сигарету большим и указательным пальцем – «в кулак». В этом не только военная необходимость прятать огонь, но и признак тюремного быта, когда не курят, а «зобают», торопясь, чтобы не заметил «гражданин начальник». Хочу сказать, что манеры человека изобличают степень внутренней свободы. Затурканный, затюканный, загнанный в угол русский интеллигент Сергей Николаевич Ваганов был внутренне свободен.

Голос его, небольшой, но приятный тенор, как нельзя лучше подходил к его любимому репертуару – классическим романсам. Впрочем, для студенток, учитывая их вкусы, он пел и жестокие романсы:

И на ее, и на моих седилах

Никто следа любви уж не найдет...

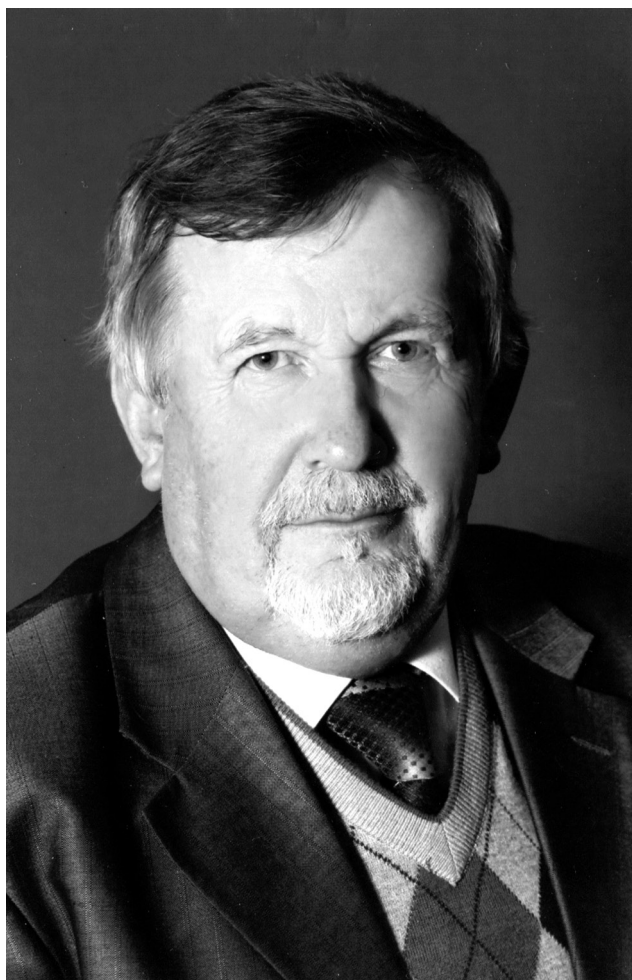
Дяде Шуре он подарил гитару и лабораторию. Мне же он дал больше: осознанную нравственную основу.

Я проводил Сергея Николаевича до могилы. Его доконал костный туберкулез, поразивший правую руку. Недуг, сократив его дни, лишил музыканта единственной отрады – общения с гитарой. Он умер, как и жил, одиноким, в унылой кирпичной коробке общежития...

Отчего так печальна память?..

Старый дом ветшал и разрушался, потолок его держался на кирпичной кладке печи, и в нем стало опасно жить. Семья наша, лишившись стен, объединявших нас, таких разных, но с общей памятью, разбрелась по квартирам, еще не понимая, что нам уже больше никогда не суждено вернуться под общую крышу.

Старый дом, а, точнее, деревянная его оболочка, еще целый год догнивал, заросший, как в двадцатые, крапивой. Смрадно в нем стало: дом лишился души. Я отважился войти внутрь. Оказалось, что я свободно достаю рукою крышу, снимая с нее пушистый мох, похожий на зеленых мышей, а, шагнув через порог, оказываюсь в тесном помещении вроде чулана и едва не касаюсь головою потолка. Да разве можно было тут жить?.. Я вырос из дома, как вырастают из одежды. Стекла в перекосившихся окнах были целы. Повинуясь какому-то порыву, я разбил кулаком одно из стекол в окне, поранившись до крови. Брызги крови на стеклах просвечивали киноварью...

ПОЭЗИЯ

Вячеслав ЗАХАРОВ

критик,
литературовед,
г. Глазов

«А СЕРДЦЕ СЛОВНО И НЕ РАДО...»

Стихотворения

Янтарь

Веками море в берег бьется,
Лохматясь пеною седой,
Чтоб выбросить кусочек солнца,
Отполированный водой.
А сколько надо сил и жажды
Творить, измучившись вконец,
Чтоб выбросить янтарь однажды
На берега людских сердец!

* * *

Я еду в Поляны, родные Поляны,
Где к вечеру зреют седые туманы,
Где ночью мне светит из детства звезда,
Где бьется в логу ключевая вода.

Там детства далекого бьют родники,
Там так хорошо помолчать у реки.
Найду ранним утром родник, что шипуч, –
Земли моей, жизни таинственный ключ.

Мамин сад

Вновь ветра отчальную трубят,
Осень наступает в свой черед.
Яблоки последние висят.
Мама к ним уже не подойдет.
Что ты скажешь мне, осенний сад?
Он в ответ печально зашумит,
Листья, как слова, зашелестят,
И в душе сильнее защежит.
Поздно я вернулся в мамин сад,
У притихших яблонек стою
И все чудится мне ясный взгляд,
Устремленный чутко в жизнь мою.
Под окном скамеечка пуста,
Где любила мама посидеть.
И теперь лишь дальняя звезда
Оставляет на окошке след.
Посадила мама этот сад
И цветы у самых у ворот.
Яблоки последние висят.
Вижу, мама тихо к ним идет...

* * *

Бывают женщины: однажды
Войдя в мечты и сны твои,
Зажгут тебя сердечной жаждой,
Слепым предчувствием любви.

И ты не будешь спать ночами
И торопить часы и дни,
Чтобы увидеть, как плечами
Поводят чувственно они.

А сердце словно и не радо,
Ведь знает, что пройдут года...
Оно особенные взгляды
Забыть не сможет никогда.

* * *

Леониду Смелкову

Есть братья по крови, мы – братья по слову,
Мы чувствуем в слове всей жизни основу.

Мы чувствуем песни, мы слышим дорогу,
Мы знаем, что песни в пути нам помогут.

Есть братья по крови, мы – братья по духу,
Братину поэзии пустим по кругу!

Есть братья по крови, мы – братья по жизни,
Надежно и честно мы служим Отчизне.

И что там года и заботы-печали,
Коль сердце поет, словно в самом начале!

* * *

Сад и ад. Две ипостаси.
Два начала. Два конца.
Сад прекрасен, ад опасен...
Все – в двулкости лица!

Романс

Все стало как-то проще и скупее,
Быть может, так и нужно, но подчас
Мне хочется быть строже, и добрее,
И даже старомоднее для вас.

Я вас не знаю. Это даже лучше,
Ведь только в тайне есть прекрасный миг.
А вдруг соприкоснутся наши души, –
Кто знает, что откроется нам в них?

Давно забыты пышные каноны,
Их, может быть, не стоит возвращать,
Но счастлив я,

что в светлый сан Мадонны
Издавека могу вас посвящать.

Твои глаза

Ты не нравишься мне,
нет, не нравишься,
Только, может, твои глаза...
Если к ним хоть на миг привяжешься,
Позабыть их уже нельзя!

Грустно мне, если их я не вижу,
Из-за них я ночей не сплю.
Я глаза твои ненавижу,
Ненавидя, – как небо люблю.

Если утром я их повстречаю,
Сквозь ресницы блеснет бирюза.
Целый день я потом вспоминаю
Бирюзовые эти глаза.

Ты не нравишься мне,
нет, не нравишься,
Только, может, твои глаза...
Только разве с любовью справишься?
Говорят, что никак нельзя!

НОВЫЕ КНИГИ

Януш Вишневский. На фейсбуке с сыном. Роман. Москва: АСТ, 2013. Кто из нас, сидящих в социальных сетях, не мечтал о переписке с теми, кого уже нет?.. Польский писатель Януш Вишневский, автор нашумевших романов «Одиночество в сети» и «Любовница», реализовал эту идею для героя своей новой книги. «Вчера что-то меня так сильно и ощутимо толкнуло, что решила я «добавиться» к Тебе на фейсбуке. И добавилась. Ну, вернее, Ты меня добавил. Под номером три тысячи каким-то в ленте Твоих «фейсовых» друзей...». Так начинается рассказ умершей матери, обращенный к сыну, – рассказ о жизни, любви, потерях и обретениях, которыми так богата любая человеческая жизнь.

ПОЭЗИЯ

Егор РОНЬЖИН

член поэтического
объединения «Чайка»,
г. Ижевск

«ЗДЕСЬ ЕСТЬ, О ЧЕМ СПЕТЬ...»

Стихотворения

* * *

Дорога – как старый нож: сточилась
до тонкой полоски.
Я сказал себе: «Хватит красть!» –
но не смог перестать писать.
Писать – наука наизусть: крадешь
от ума обноски
И возвращаешь их миру.
На темени кол стесать,
Но так и не стать умнее
за целую четверть века –
Смешная судьба, почти клоунада буфф,
пожалуй что.
В каждом сидит Диоген: «Ищу человека!
Ищу человека!».
Но нынче добавят: «И лучше деньгами,
пожалуйста».

Такие вот пертурбации –
Мир, где равно одиноки:
Клерк из города-миллионника,
Проститутка, к которой он ходит,
Китайский городской из глубинки,
Бушмен из Австралии,
Его духовный брат –
отшельник из русского леса.
Да, все одиноки на сточенной кромке дороги,
К излету зимы, что вновь уберется из мира,
Чтоб скрыться в сердцах,
Закрасив глаза изнутри морозным узором;
И зрение станет лишь точкой
Себя самого – всеобщим позором

Иметь себя мнением: это и есть то, что страх
Все время лепит из нас
с известной долей успешности.
Любовь, что могла поджигать,
сменяли на нежности –
Понятней и проще, когда есть тепло и клозет.
А те, у кого золотые сердца,
Нас в них отливают, увы, незаслуженно.
И, боже спаси, – нет-нет, не читайте газет,
Особенно в интернете,
И после обеда,
И после ужина.
Еще один день – всегда, несомненно, победа;
Но тот ли проснулся,
кто лег вчера вечером спать?

* * *

Нас всех в мире нету,
Но в разные места и время.
И вот оттого-то мы
Не встречаемся с теми,
Кто был бы дорожее всех;
Но ты здесь, сейчас,
А тот или та – Тибет и три века назад.
Неспроста такой вот расклад без прикрас.
Да, время есть змей.
Но без головы.
В два хвоста.

* * *

Играя в игры, у которых нет названий,
И с правилом о вечности всего...
Так получается –
Звезд ничего не скроет.
Держась героев,
Что живут в тебе,
Ты все же можешь –
Против водопада.
Кому-то надо,
Пока еще мы здесь.
Что моя спесь:
Я точка на планете,
Планета – тоже точка.
Но игра, в которой нету правил,
Скучнее смерти.
И тут выходит ночка:
Два марш-броска, три чуда.
И судьба в конверте
Такую выдает тебе зарплату...
Еще заплату
Поставь на сердце,
Чтоб влезли все
(Все-все)
И в золоте, которого достойны.
И пусть сейчас нет ни звезды в оконном
Проеме.
Погоди – найдешь...
Однажды сердце лопнет, не вместив.
И нету смерти слаще.

* * *

Про «Не суди»:
– Ну хоть не по себе!
Точка выхода, точка входа – зима.
Белым, белым по струпьям и гнойникам,
Смертью по жизни.
Жизнь всегда некрасива, с надрывом,
С болью, ознобом, тошнотой и срывом.
Белым! Частит пулеметом. Курком
Будет весеннее утро. Выпись
За час перед смертью, первый росток.

* * *

Дыши черемухой. Смейся. Лови дожди.
Иди вперед себе и ни-че-го не жди –
Мостов не осталось, но броды пока еще целы,
И ноги на месте. И сталкер уходит без цели
Не ради хабара, а лишь потому, что живой.
Паяц, лжец, подлец – таким ты
останешься в памяти,
На всеобщих поминках смоящий
свою папироску –
«Абонент недоступен», выбывший,
проданный, занятый,
Заложенный, точно покойник, для драмы
и пущего лоску.
Поэт – это дерево, брошенное в костер.

Поддайте ногою поленья, прервите горенье –
Увидите – нет ничего, лишь пепел простер
По мокрой траве свои жирные полосы.
Вцепившись мне в волосы,
Мой горб оседлала судьба.
Во славу раба! –
Потерянного, безымянного,
Забитого на галере,
Засыпанного обвалом
Ради секунды свободы,
Но не предавшего в малом –
Воде для больного холерой,
Камне в погонщика,
Сновиденье для странного –
Слава рабу!
Он точно свободней, чем я
И, может быть, люди, которых я знаю.
Он скинул судьбу,
Прошелся по скользкому краю,
Споткнулся
И выпал за рамку холста бытия.
За то Микеланджело в мраморе высек его.
О чем здесь поют?
Безгласна сожженная степь,
И небо над нею серей, чем мышиный табун.
Но силою струн
Спаленных дотла моринхуров
Здесь есть, о чем спеть.

Пять грехов

Всей жизни – на возглас
У борта линкора: «банзай!» –
Секунду сатори,
Горящее море
Внизу. Лети и пронзай
Покинутый космос.
Все кончится просто,
Как просто начало
В рубцах и коростах
На стыках причалов
Земных и небесных портов.
Кишение ртов,
Что жрут мои сны
В метелях весны,
А днем мне поют о былом,
Что вышло на слом.
И что остается?
На донце колодца
Увидеть звезду,
В небесном саду
Привить облака.
Пусть страшно легка
На плечи мои пустота,
Да так, чтобы в землю по пояс, –
С пустого листа
Опять начинается повесть,
Что бабочке снится.
И кружатся, кружатся спицы.

Линии и плоскости. Фоторабота Зои Танаевой, г. Ижевск.

* * *

Уже не дом – домовина, взорванный гроб,
Вставая из праха цветами, чаем ивановым,
Не выйдет уж набело, тем более – наново,
Не лечь у церквушки холста левитанова,
Из горла хрипит ожидание странного,
И слякоть ложится под пятки

болотностью троп.

Куда тебе в Свет, ты видел хоть рожу свою?
Закрутка спирали,

Далекие дали,

Где были, где знали, –

Я был, я любил, выходит, что я ненавидел,

Рвал мясо, последний, в бою, на краю,

Насквозь продымленный, чумная порода,

но жив!

Вокруг все кружит – ножи, этажи, миражи –

Одни витражи –

Разлет разноцветных осколков.

Я изобретаю себя – куда там

всем Сколковам,

Нет, все же не край и точно еще не дно,

Это просто задача, пятый класс «Б»,

итак – дано,

Клади его в блендер, мели и дели на всех,

Этих, не наших, наших, вон тех и вот тех.

Душевно болеешь – так это не грех.

У нас только к мертвым приходит успех,

У нас только мертвый спасает живых,

Живые танцуют для них!

Чего тосковать – уже не сумел, потерял,
Не продал, не сдал, не отрекся,

не снес до меня!

Но в пальцах корявых воде не держаться.

Назад к своей маске паяца –

Чего уж бояться – назад!

В Нижнюю Тундру, во мрак,

Дорогой меж зиккуратов облезлых,

Где тысячу лет не горит священный огонь;

Дурак, ой, дурак, –

Давай, пляши,

Твое место во ржи

Застывшим над бездной,

Туман вместо неба.

Сумей – разговаривай, тронь струну!

Поставь свой цирк-шапито,

Балаган, табор, шабаш –

Аплодисменты на хлеб не намажешь,

А все же приятно, приятно зато.

На пол – живший трупом,

Бегущий по трубам,

Как в детстве мальчишкой,

Сядь с умною книжкой,

Очки нахлобучь поплотней.

Смеется из точек зрачков –

Ржавые зубы, синюшные губы –

Мое

Ледяное

Ничто.

Ольга АРМАТЫНСКАЯ

историк,
журналист,
г. Ижевск

«И ВСЕ МЫ ДОМА, ПРИ ОДНОЙ ЗВЕЗДЕ...»

Стихотворения

* * *

А здесь у нас всюсю
Справляют осенины,
Здесь краток летний срок,
Как быстрый поцелуй.
Хорошая страна
По имени Россия,
Где нам с тобой тепло
Недолго... Ну и пусть!

А что? Хватает всем –
Гуляй любой мессия!
Кому куда – на плаху,
На трон или крыльцо.
Великая страна
По имени Россия,
Им всем твой лик – родной,
Как мамино лицо.

И не надо мне про то,
Что изменить не в силах
Ее дурной судьбы
Ни царь и ни герой.
Нежнейшая страна
По имени Россия,
Ты есть. И весь я – твой.
И мертвый, и живой.

* * *

Пришла пора бежать?
И все пути – открыты,
И тех, кто побежит,
Не ждет заградотряд.
И будет там тепло,
И будут дети сыты,
В конце концов, и там
По-русски говорят.

Один невыездной
Сказал, что счастья нету,
А воля и покой
Известно где нас ждут.
Что боже дал нам днесь?
Чьи будут здесь рассветы?
Как будут плакать здесь
Или смеяться тут?

Ты знаешь все про нас,
Шепни хотя бы слово,
Зачем все мы тебе,
Родная сторона?
Оглянется иной:
«Она зовет!». Но снова
Безмолвствует она.
А дальше – тишина...

Кама. Берег-блюз

На том берегу,
Куда не берут
Лишних вещей,
Но берегут
Скромный уют
И ждут гостей,
Где плохо берет
Мобильная связь,
Но каждому яблоку есть где упасть.

Вы скажете, там
Нечего брать
И приобретать,
Кроме грибов,
Разных стихов
И облаков,
Но там высоко, беда – далеко,
Безбрежен простор!
И не навсегда друг ушел за бугор...

А весь антураж?
Осенний пейзаж
Отчих лесов?
Нехитрая снедь,
Если уметь, –
Пища богов...
И воздух поет, будто в кустах
Спрятан рояль,
И можно смотреть не под ноги, а вдаль!

* * *

Не повидать мне Иерусалим,
Мы друг без друга проживаем с ним.
Париж и Питер без меня,
И я без них,
Со мной в разлуке тысяча других
Любимых городов Земли...
Как они могут жить?
Не понимаю!
Не знаю, как они, а я скучаю
И в утешенье говорю себе:
Земля – одна, и человеку дом – везде,
И все мы дома, при одной звезде...
И если с неба где-то снег идет –
Он шел ко всем, кто ждет или не ждет.

Подростковый рэп

Я не верю в приметы,
В прогнозы погоды,
В психоанализ,
В законы природы,
Верю в окурок, летящий с балкона, –
В спину попали, вот ведь уроды! –
Не верю, не верю:
Мы врем по привычке,
Врет даже расписание электрички,
Книги и фильмы, друзья и газеты –
Все врут друг другу
И особенно часто – про это.
В долгие проводы, в страстные речи,
В первые взгляды и нежные встречи,
В любовь я, реально, не верю.
Мы остаемся ничьим и ничьею,
Держимся за руки, когда идем по улице,
Смотрим в глаза, обнимаемся, целуемся,
Врем. Я не верю, но понимаю
И чьи-то плечи сам обнимаю.
Любовь – только слово,
Я верю иначе –
В черта и в бога,
В расчет и в удачу,
В камни, в троллейбусы,
В окна и двери.
А в это слово не верю,
Не верю, не верю...

* * *

Археологам

Мчится вперед человечества бодрый отряд,
Лихо теряя свои миллиарды солдат,
И только один все оглядывается назад...
Чтобы услышать весь этот смех и плач,
Он видит всех! Пожелаем ему удач!

* * *

Стихи, сшивая время и пространство,
Приумножают новые миры.
Есть среди них такие постоянства,
Где все бессмертны или все добры.

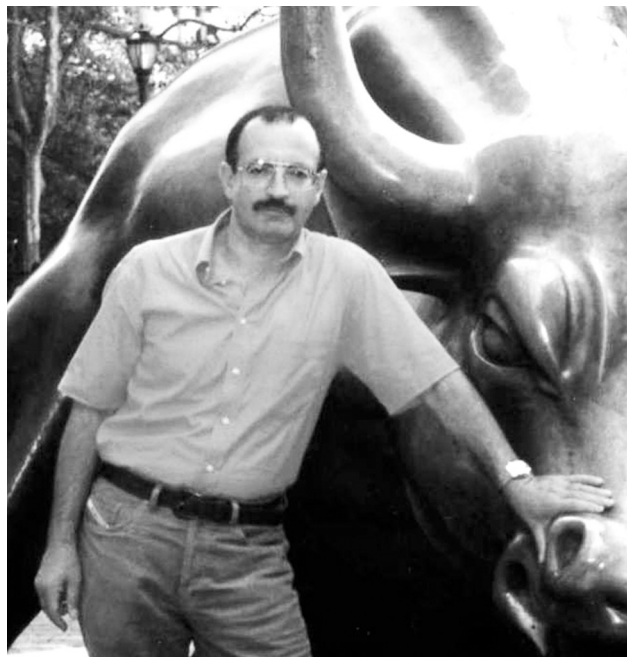
*«Ценность книги определяется не тем, сколько человек ее прочтет.
У величайших книг мало читателей, потому что их чтение требует усилия.
Но именно из-за этого усилия и рождается эстетический эффект.
Литературный фаст-фуд никогда не подарит тебе ничего подобного».*
Виктор Пелевин

ПОЭЗИЯ

Аркадий ФЛЕЙШЕР

автор книги «Агония»,
г. Ришон-ле-Цион, Израиль

«СКАЗАЛ ИЗВЕСТНЫЙ ОСТРОСЛОВ...»

Четверостишия

Сейте разумное, доброе, вечное.
Кто вам сказал, что оно бесконечное?
Детство беспечно, старость сварлива,
Только лишь смерть, как всегда, молчалива.

Как много в мире дураков,
И мудрецов, и простаков,
Но всех их ловит на крючок
Изящный женский каблучок.

Что я искал на Брайтон-бич?
Хотел услышать новый спич.
Увы, от перемены места...
Все байки из того же теста.

Зверье затеяло разбор:
Чей мех ценнее с давних пор?
Сказала мудрая сова:
«Скорняк, он разрешит ваш спор».

Для чего распинали Христа,
А потом заплатили Иуде?
В голове у людей пустота –
Как остатки селедки на блюде.

Сказал известный остролов:
«Не будем мудрствовать лукаво.
В природе много есть ослов.
Без них нам будет скучно, право».

В конце туннеля виден свет,
То фары встречной электрички.
Даю разумный всем совет:
«Внутри темно – возьми хоть спички».

Возне чужого не мешай,
Пока тебя никто не спросит,
Своей дорогой поспешай –
Мешающих поток уносит.

Осел искал чертополох,
Да так в пустыне той и сдох:
Не будь по жизни вечным лохом
И наслаждайся каждым вздохом.

У каждого поэта,
Куда бы он ни лез,
Всегда одна примета –
Свой маленький Дантес.

ПОЭЗИЯ

Светлана МАЛЫЦЕВА

журналист,
г. Ижевск

САРАПУЛ И ПОЭТЫ. АЛЕКСЕЙ СОМОВ – УЖЕ «БЫЛ ТАКОЙ ПОЭТ...»

Сегодня Зина Сарсадских написала у себя в фейсбуке, что несколько дней назад умер Алексей Сомов, поэт родом из Сарапула, посчитала – 38 лет от роду. Подробностей не знаю, даже приблизительных, но предполагаю, что умер трагически. Беда, как я поняла, все та же – алкоголизм. Обычное, впрочем, дело для поэта, и не только в России... И жил он как-то так – ломано, на взлетах-падениях, задира, провокатор, хулиган – то ли злостный, то ли незадачливый...

Водной из уже далеких прошлых жизней лично встречалась с ним раза три-четыре – работая на радио, брала интервью для авторской программы, бывала на местных поэтических тусовках, в том числе и с его участием. И с участием Зины Сарсадских, конечно, – я всегда их воспринимала если не как одно целое, то как «вместе». Даже потом, когда это изменилось, прежде всего помнила это их «вместе», поскольку познакомилась с обоими сразу... Следила какое-то время за творчеством Леши, раннее нравилось больше, позднее – в том числе и прозу – не всегда принимала и понимала. Потом больше доходили слухи о его жизни – как это часто бывает...

В свое время стихи Леши меня покорили – тогда я еще покорялась поэзии... «Что нам звездные войны» знала наизусть... Многое у Алексея Сомова можно найти в инете: все-таки паутина – огромное благо! «Публиковался в журналах «Дети Ра», «Воз-

дух», «Крещатик», «Урал», «Луч», «День и ночь», «Аквилон», «Оберег», «Бельские просторы», «Литературной газете», антологиях «Танкетки. Теперь на бумаге», «И реквиема медь», «Поэзия третьего тысячелетия», «Ижевская тетрадь», сборниках лучших рассказов 2006 и 2007 года серии ФРАМ («Амфора», Санкт-Петербург, составитель Макс Фрай). Один из лауреатов премии «Золотое перо Руси-2007». Третье место в номинации «Поэзия» «Русский Stil-2008». Шорт-лист «Согласования времен-2010», лонг-лист первой Григорьевской премии».

Но я слезила в личный архив, тех радиопередач – да, кое-что сохранилось в расшифрованном виде. Немного, но...

О Сарапуле (из радиointerview 2001 года): «У меня до сих пор такое впечатление, что я здесь проездом нахожусь. Кстати, так проще с Сарапулом контактировать. Сарапул на самом деле – город очень жесткий по тому фону психологическому, который существует, он жестко относится к тем, кто эти правила игры не приемлет по каким-то причинам. Я для себя так прикинул – если ты в Сарапуле не пропал, если ты в провинции не пропал, то уже, видимо, нигде не пропадешь. Я знаю, как с этим бороться, никогда я проблем особых не испытывал с пониманием и непониманием, меня никогда особо не интересовала слава на сарапульском уровне, чтобы хлопотали по плечу, узнавали на улице. Мне

даже противно было бы, если б так было. Но дело-то не в этом. Дело в том, что рано или поздно это начинает в человека впитываться – сквозь поры кожи или еще как... сарапульская такая волчатинка. Тут либо какой-то иммунитет нужно вырабатывать, немножко наращивать какой-то панцирь душевный, какую-то оболочку непроницаемую, либо действительно рвать когти отсюда».

«Жить – это единственная стоящая вещь. А там – для чего, как... Господи, для жизни люди живут».

И пара стихотворений Алексея Сомова.

* * *

Что нам звездные войны и пыльные дразги,
Что нам вечный разлад между ночью и днем.
И в холодной степи, и в автобусной тряске
Мы друг друга на ощупь губами найдем.

Мы умрем. Наяву ты безжалостно гонишь
От себя эту мысль, как назойливый взгляд.
В слишком темной крови тлеет нежная горечь
Поцелуев, касаний, прощений и клятв.

А по мне – так и небо усталое рухни
Всею тяжестью тысячетонною ниц,
Только б в месиве рук отыскать твои руки
И слепыми провалами мертвых глазниц

Увидать, как в спрессованных толщах асфальта
Зреет горькая нежность тугого ростка.
И припомнится все – наша нищая свадьба
И весеннего грома роскошный раскат,

Хрупкий утренний лед, обернувшийся сталью,
Синева над рекою, и там, в синеве –
Нескончаемая журавлиная стая
Уносящихся вдаль сыновей, дочерей.

Только б длились безгрешные наши объятья
Этот день, эту ночь, этот век, этот миг
И не близился срок возвращаться обратно
В пустоту нерождений твоих и моих.

* * *

Когда могильным холодом повеет
впервые, знай – тогда пришла пора
твоих бессонниц алгебру поверить
гармонией пера и топора.

Поэт Алексей Сомов.

Так обязуйся позабыть азы,
прими обет молчания, покуда
не прояснятся мысли и язык,
как голоса пастушеских погуток.

Когда ж, раскрыв бесцветные уста,
сама тоска заговорит по-русски,
тогда и впрямь считай – дошел до ручки.
До ручки и тетрадного листа.

У слов – солоноватый, острый вкус.
Но, как бы ни было порою тошно,
имей же мужество дойти до точки.
И новую начать строку.

Алексей Сомов, Сарапул, Россия, Вселенная. Пусть там ему будет лучше, чем здесь.

*(Живой журнал Светланы Малцевой
«Вокруг да около», 25 августа 2013 года
[http://soffist85.livejournal.com/tag/Алексей Сомов](http://soffist85.livejournal.com/tag/Алексей%20Сомов))*

Наталия ЗАКИРОВА-ГУЩИНА

ученый,
критик,
литературовед,
г. Глазов

С ЛЮБОВЬЮ К ПУШКИНУ

Среди имен выдающихся современных пушкинистов особое место занимает имя Сергея Александровича Фомичева, поддерживающего тесные связи с Глазовом.

С.А. Фомичев родился в 1937 году в Горьком, с десятилетнего возраста вместе с родителями жил и учился в городе Пушкине (Царском Селе). Высшее филологическое образование получил в Ленинградском государственном педагогическом институте имени Герцена (1954–1957) и Глазовском педагогическом институте имени Короленко (1957–1961). Окончив аспирантуру Пушкинского Дома, С.А. Фомичев в 1969 году защитил кандидатскую диссертацию «Проблема национальной самобытности в творчестве А.С. Грибоедова». Его докторская диссертация была посвящена творческой эволюции поэта Александра Сергеевича Пушкина (1984).

Крупнейший из современных исследователей истории русской литературы, пушкиновед, текстолог С.А. Фомичев – автор более трехсот работ. Часть из них носит краеведческий характер: воспоминания о Флоре Васильеве и об учебе в Глазовском государственном педагогическом институте, книга «Грибоедов в Петербурге», статьи

о пушкинских и гоголевских местах.

Во время поездки в Глазов на встречу выпускников филологического факультета в июле 1989 года ленинградский профессор, доктор филологических наук С.А. Фомичев выступал перед глазовскими учителями и студентами. Занимавшаяся со студенческих лет литературным краеведением, я набралась смелости и после встречи в институте подошла к ученому с просьбой об автографе. Сейчас его книга «Комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума»: комментарий» с надписью «Дорогой Наталье Николаевне...», со сложным вензелем подписи Сергея Александровича, с воспоминанием о незабываемой встрече и шуточным замечанием автора о моем «почти пушкинском имени» хранится и «работает» в Глазовском педагогическом.

Полемический дар и убедительность аргументаций оригинальной гипотезы ярко проявлены в статье С.А. Фомичева «О стихотворении А.С. Пушкина «Во глубине сибирских руд...». («Русская литература». 1989, № 2. С. 183-186). В результате тщательного анализа имеющихся данных ученый предполагает следующее.

В мае 1827 года Пушкин пересылает в Сибирь стихотворение «Мой первый друг,

мой друг бесценный!..». Одоевский, ознакомившись с ним, сочиняет стихотворение «Струн вещей пламенные звуки...». Это стихотворение доходит до Пушкина, вероятно, на Кавказе в 1829 году. В 1830-е годы Пушкин в ответ на стихотворение Одоевского, переосмысливая его (сравните: «Мечи скуем мы из цепей...» – «...И братья меч вам отдадут»), пишет свое «Послание в Сибирь». Стихотворение Пушкина какими-то путями доходит до Сибири, до Петровского завода. Но в памяти декабристов закрепляется легенда о том, что в 1827 году было получено не стихотворение «Мой первый друг, мой друг бесценный!..», а стихотворение «Во глубине сибирских руд...». В 1856 году А.И. Герцен публикует стихотворение «Во глубине сибирских руд...» в «Полярной звезде», а годом позже в сборнике «Голоса из России» под заглавием «Ответ на послание Пушкина» как анонимное – стихотворение «Струн вещей пламенные звуки...». Это закрепляет в памяти читателей обратную связь «Послания» и «Ответа».

Корректность этой «сенсационной» гипотезы обосновывается Фомичевым, даются конкретные предложения для ее проверки: подтверждения или опровержения. Приобщение к наследию ученого становится подлинной школой научного поиска.

Ученик и коллега выдающегося русского ученого Д.С. Лихачева, сегодня он и сам имеет множество учеников и последователей в России, Японии, Корее, Вьетнаме, Канаде, Америке и многих других странах. Он читал лекции в Санкт-Петербурге и Новгороде, в Иркутске и Пскове, Оренбурге и Владивостоке, Медисоне и Ювяскюле, не забывает он и Глазов.

С.А. Фомичеву с коллегами удалось собрать все рукописи Пушкина в одном месте – Пушкинском Доме. «Достаточно перелистать страницы «большого» академического издания Пушкина, чтобы убедиться, как еще много до сих пор сохранилось неуверенных чтений его рукописей», – досадует ученый в своей статье с красноречивым названием «...Глаза над буквами скользят...».

Текстологическое комментирование – великое дело, расшифровка пушкинских черновиков и публикация неизданного Пушкина, – по существу, мессианская деятельность ученого, открывающего для всех желающих архивы и хранилища отдела рукописей Пушкинского дома: «Добро пожаловать в святая святых – в мир автографов поэта!». Здесь тексты стихотворений Пушкина, творческие и библиографические пометы в рукописях, шесть редакций поэмы «Домик в Коломне».

Опора на факты и документы, тща-

тельные архивные изыскания, отказ от идеологических догм, обширная источниковедческая база и высочайшая степень компетентности помогают С.А. Фомичеву разгадывать загадки и тайны любимца русской музыки, о которых ученый умеет рассказывать взволнованно и увлекательно. Он, подобно А.С. Грибоедову, может признаться: «Я как живу, так и пишу: свободно и свободно».

Отличаясь независимостью суждений, он обладает обостренным чувством справедливости. Отсюда его уважение к научным достижениям предшественников и современников. По его убеждению, «...каждое поколение исследователей – это ученики и продолжатели дела тех, кто закладывал основы пушкиноведения».

Цикл телепередач ведущего научного сотрудника Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома) С.А. Фомичева, его присутствие в кадрах художественного фильма «Храни меня, мой талисман...» приглашают нас, находящихся на берегах Чепцы вдали от архивов и рукописных подлинников, поразмышлять над пушкинскими строками, приобщают к миру высокой поэзии и подлинной науки.

В октябре 2004 года в Глазовском педагогическом институте профессором Фомичевым был прочитан курс лекций по истории русской литературы, проведен методологический семинар, состоялись его встречи с учителями, сотрудниками библиотечно-информационного центра имени Короленко, сокурсниками, учениками школы № 2, прошла презентация изданной в ГГПИ книги «Профессор С.А. Фомичев. Страницы жизни и творчества». Ученый подарил филологическому факультету института опубликованные работы и рукопись будущей книги о Пушкине. Тогда же и я удостоилась нового подарка: серии работ «Неизданный Пушкин» с дорогим для меня автографом автора.

На занятиях по истории русской литературы и литературному краеведению я с гордостью демонстрирую студентам книги с автографами С.А. Фомичева. Многие поколения студентов филологического факультета ГГПИ изучают со школьниками творчество И.А. Крылова, К.Ф. Рылеева, А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя по работам «нашего Фомичева».

В 2005 году в Глазове в серии «Творческие биографии выпускников ГГПИ» вышло дополненное издание книги о Фомичеве, в 2007 году его имя нашло достойное место в книге «Наше культурное достояние».

Литературовед Лидия Яковлевна Гинзбург говорила: «Любовь к Пушкину, непонятная для иностранцев, – верный при-

знак человека русской культуры... Пушкин – стержень русской культуры. Выньте стержень – связи распадутся».

Восстановлению этих связей и были посвящены лекции Сергея Александровича Фомичева, состоявшиеся во время пушкинской недели в Глазове и вместившие все: от народной сказки до «Мастера и Маргариты» Булгакова, от «Слова о полку Игореве» до «Демона» Лермонтова, от «Повестей временных лет» до Ремизова, от «Повести о Петре и Февронии» до «Чистого понедельника» Бунина, от житийной литературы до поэзии Галича. Связующим звеном между ними, между российской культурой, историей, мифологией, между литературой и музыкой, архитектурой храмов и иконографией, между человеком и природой является Пушкин. Его имя «сроднило», «сблизило» различные виды искусства, седую древность и современность, Россию и Запад...

Уникальность и убедительность аналогий и параллелей Фомичева, чудесным образом сводимых к сравнениям с пушкинской судьбой и творчеством, – поразительный дар ученого, блестяще продемонстрировавшего, что «Пушкин – это наше всё!». Сергей Александрович поведал о напряженных отношениях Пушкина с современной ему литературной средой, об умении поэта излагать сложные вещи просто и ясно, о виртуозности его поэзии, о ее «непереводимости» на другие языки. От басенной традиции в мировой литературе, от Крылова с его «Вороной и Лисицей» профессор перешел к Баратынскому, который, по словам Осипа Мандельштама, «обменивался сигналами с Марсом».

Курс был прочитан «на одном дыхании» и воспринят слушателями с восторгом. Заключительные лекции Фомичев посвятил В. Набокову, В. Брюсову, В. Ходасевичу, анализу «Колымских рассказов» В. Шаламова и «Доктору Живаго» Б. Пастернака, последний из которых признавался: «В моей работе я чувствую влияние Пушкина». С особым чувством ученый поведал о своих коллегах и Пушкинском Доме. Во время заключительной лекции Фомичева, в самом ее конце, вдруг в аудитории взмыла кверху амфитеатра птаха, словно напоминая окуджавские строки: «На фоне Пушкина снимается семейство. Фотограф щелкает, и птичка вылетает...».

Перечитывая конспекты двенадцати лекций Фомичева, поражаешься новизне подходов, оригинальности интерпретаций, дерзости и свежести идей, над которыми хочется продолжать размышлять и работать.

Более чем в трехстах публикациях уче-

ного по истории русской литературы ярко проявляются его пристальное внимание к факту, документу, рукописи, убедительность аргументаций, подлинная научность. Его работы изучаются в Глазовском педагогическом институте в контексте различных дисциплин помимо истории русской литературы, в курсах литературного краеведения, теории литературы, текстологии. Но подлинным открытием для слушателей спецкурса стал лекторский дар профессора – уникальная гармония между информационной насыщенностью, лишенной академического апломба, научностью и тонким ощущением аудитории, восхищавшейся доступностью изложения материала и особой эмоциональностью лектора.

В необычном семействе «Пушкин и другие» благодаря стараниям «нашего Фомичева» оказались не только писатели от Ермолая-Еразма до Варлама Шаламова, рукопись книги о которых любезно подарена профессором родному институту, но и все многочисленные слушатели, их нынешние и будущие ученики.

Сегодня для нового поколения глазовских учителей и студентов категории «время» и «знания» материализовались в свидетельствах о повышении квалификации, отличные оценки за экзаменационные, курсовые и дипломные работы, в автографы ученого и публикации о нем, в фотографии, видеозаписи, рукопожатия и даже в стихотворные строки. Набоковское «Донесем!» было услышано в российской провинции в неподражаемом фомичевском варианте.

В начале 2010 учебного года с автографом «В библиотеку ГГПИ им. В.Г. Короленко от бывшего студента С. Фомичева» из Санкт-Петербурга в Глазов пришла новая монография: «Пушкинская перспектива». В ней ученый со свойственным ему стремлением служить истине выступает гарантом подлинной научности пушкиноведения, подвергаемого сегодня непростым испытаниям.

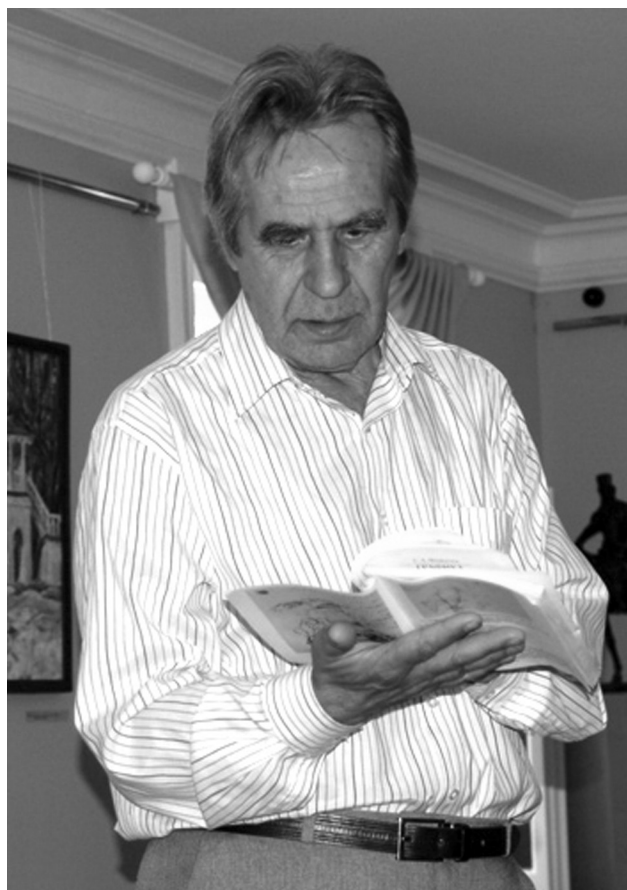
Глазовчане были первыми слушателями этой работы в авторском исполнении.

В судьбе С.А. Фомичева можно увидеть пример сложного и славного пути крупного ученого – от студенческой скамьи в провинциальном вузе до покорения вершин науки и многолетней плодотворной деятельности в одном из центральных институтов мировой литературы – Пушкинском Доме. Небо над Невой оказалось благосклонным для бывшего глазовского студента, хранимого доброй памятью однокурсников, друзей, учителей, нескольких поколений студентов и преподавателей его alma mater.

Сергей ФОМИЧЕВ

ученый,
текстолог,
пушкиновед,
г. Санкт-Петербург

«...ГЛАЗА НАД БУКВАМИ СКОЛЬЗЯТ...»

К проблеме Пушкинской текстологии

Много ли значит в рукописи писателя одна буква?

Иногда она способна коренным образом изменить весь смысл повествования, что отмечено, например, в стихотворном фельетоне Н.А. Некрасова «Газетная»:

...А то раз цензора пропустили
Вместо северный скверный орел!
Только буква... Шутите вы буквой!..

Массу подобных примеров можно увидеть при чтении рукописей Пушкина. Пока ограничимся одним из таковых, проанализированных С.М. Бонди.

«Повести Белкина», — отметил исследователь, — вышли в свет при жизни Пушкина, в 1831 году. В повести «Станционный смотритель» имя героя названо лишь один только раз: «Смотритель спал под тулупом; мой приезд разбудил его, он привстал... Это точно был Симеон Вырин; но как он постарел!». Но в то же время его дочь Дуня дважды называется Авдотьей Самсоновной («Здесь стоит Авдотья Самсоновна?» — спросил он... «Нельзя, нельзя, — закричала ему вслед служанка, — у Авдотьи Самсоновны гости»). В конце книги в списке опечаток

(погрешностей) указано, что в первом случае следует читать не «Симеон Вырин», а «Самсон Вырин»... Между тем, во втором издании «Повестей Белкина» при жизни Пушкина (в составе книги «Повести, изданные Александром Пушкиным», вышедшей в 1834 году) имя смотрителя и отчество его дочери были неожиданно унифицированы (вопреки указанию на опечатку) так: смотритель — Симеон, дочь его — Авдотья Симеоновна. Так и печаталось во всех изданиях на протяжении более ста лет, так и называли станционного смотрителя во всех критических статьях и историко-литературных работах...». (С.М. Бонди. Черновики Пушкина. Москва, 1971. С. 206-207).

К счастью, сохранилась рукопись повести, которая объясняет причину типографской ошибки, закрепленной (и усугубленной!) впоследствии. Дело в том, что при пушкинской скорописи буква «а» в имени героя действительно более похожа на «и», а «с» — на «i» (точка над последней Пушкиным иногда не ставилась).

Казалось бы, речь тут идет лишь о досадной мелочи, — в конце концов, много ли

значит то или иное имя персонажа? Однако дело не только в том, что Симеоном (а не попросту Семеном) мог в пушкинское время называться священнослужитель (это отмечено С.М. Бонди), но и в том, что автором, несомненно, был предусмотрен саркастический штрих: «сущий мученик четырнадцатого класса, огражденный чином токмо от побоев и то не всегда», наделен именем библейского богатыря. Трогательный, жалостливо-иронический штрих!

Достаточно как угодно наскоро перелистать страницы «большого» академического издания Пушкина, чтобы убедиться, как еще много до сих пор сохранилось неуверенных чтений его рукописей, что обозначено редакционным знаком «<?>», означающим, в сущности, редакторскую конъектуру. И не только при воспроизведении черновиков. Подчас мы сталкиваемся с такими случаями и в дефинитивных текстах.

В качестве самостоятельного опуса, например, принято печатать такое стихотворение Пушкина:

Заступники кнута и плети,
[О знаменитые<?>] князь<я>,
[За <все> <?>] жена [моя] [и] дети
[Вам благодарны] как <и я> <?>
За вас молить [я] бога буду
И никогда не позабуду
Когда позовут
Меня на полную <?> расправу,
За ваше здравие и славу
Я <?> дам <?> царю <?> мой первый кнут.
(II, 416)

В сущности, усилиями нескольких поколений текстологов здесь сконструирован предполагаемый текст чрезвычайно резкой политической инвективы, изложенной Пушкиным якобы от себя лично. Обратившись же к автографу (ПД 830, л. 63), мы убеждаемся, что эти строки органично входят в первоначальный черновик исторической элегии «Андрей Шенье в темнице», занимая место внутри следующего пассажа (обозначим курсивом строки, между которыми предполагалась эта вставка):

...Но слушай, знай, безбожный:
Мой крик, мой ярый смех преследует тебя!
Пей нашу кровь, живи, губя:
Ты все пигмей, пигмей ничтожный.
И час придет... и он уж недалек:
Падешь, тиран! <...>
(III, 401)

Это внутренний монолог героя – пророческая его угроза тирану Робеспьеру.

В таком контексте едва ли уместны слова «Я дам царю...». Но ведь они не более чем догадка текстологов, едва ли корректная, – как и многие другие слова в этом тексте, даже в тех случаях, когда при них и не по-

ставлен предупреждающий знак «<?>».

Нередко интерпретация того или иного отрывка зависит от правильного прочтения всего одной-двух букв.

В черновой рукописи незаконченного «Романа в письмах» (ПД 841, л. 105 об.) содержится такой эпизод:

«Намедни сочинил я подпись к портрету княжны Ольги <...>

Глупа как ист<...> скучна как со<...>

Не лучше ли

Скучна <etc>

То и другое похоже на мысль...».

Первое из недописанных слов вообще начертано неясно и может быть прочитано как «нет<...>».

Приступая к осмыслению двух редакций стиха, Б.В. Томашевский исходил из презумпции, что вся строка написана александрийским стихом (нетрудно, перебрав различные варианты, убедиться в том, что здесь возможна именно такая конструкция). Следовательно, первое слово должно быть трехсложным, второе же – или трехсложным, или четырехсложным (в строке могла стоять или мужская, или женская клаузула). Оба же слова должны были составлять оппозицию, действительную при перемене знака. После этих умозаключений «оставалось» только взять в руки словарь и переписать в две параллельные колонки все слова, удовлетворяющие сформулированным требованиям. А потом сравнить их между собой.

Сначала исследователь нашел такую пару: «нетопырь – соловей». И лишь потом, проверив еще одно возможное чтение первого слова, доказал более крепкую связку, а вместе с тем и два парадоксально остроумные варианта стиха, действительно «похожие на мысль»: «Глупа, как истина, скучна, как совершенство» и «Скучна, как истина, глупа, как совершенство».

Осмысление целого фрагмента текста тем самым зависело от корректного прочтения двух букв.

Сходный пример можно привести из истории расшифровки фрагментов десятой главы «Евгения Онегина». (Смотрите: П.О. Морозов. «Шифрованное стихотворение Пушкина». Пушкин и его современники. Санкт-Петербург, 1910. Выпуск 13. С. 1-12; Б.В. Томашевский. «Десятая глава «Евгения Онегина». История разгадки». Литературное наследство. Москва, 1934. Т. 16-18. С. 379-420).

Так, во многих изданиях сочинений Пушкина, включая «большое» академическое, печаталось:

«Я всех уйму с моим народом», –
Наш <царь> в покое говорил.

Слово «покое» прочитал еще П.О. Морозов. На самом деле в автографе начертано «конгр<...>», но уверенно читаются там только буквы «о» и «г», буква же «к» похожа на «п» (это обычно для пушкинского почерка), а «р», в сущности, представляет собою неясный росчерк. Правильное чтение – «в конгрессе» – предложено независимо друг от друга Н.Н. Фаговым и В.А. Мануйловым. Речь у Пушкина шла о Троппаусском конгрессе Священного союза.

Назрели, на наш взгляд, и некоторые другие уточнения зашифрованной пушкинской записи десятой главы.

Так, до сих пор принято читать:

Его мы очень смир<ым> знали,
Когда не наши повара
Орла двуглавого щипали
У Б<онапартова> шатра.

Но ведь в пушкинской записи четко обозначено «У Г- шатра», то есть «У Государева шатра», – смысл пушкинского четверостишия, где речь шла о подготовке позорного Тильзитского мира, в таком виде был куда более язвительным: приглашенный для переговоров с победителем (с императором Наполеоном, а не Бонапартом), Александр I («государь») вынужден был согласиться на все унижительные для России условия.

Неверным представляется и прочтение строки «А про тебя и в ус не дует». Идиоматическое выражение в значении «пребрегает, ставит ни во что» требовало в ту пору не родительного, а дательного падежа – сравните в «Горе от ума»:

А наши старички? Как их возьмет задор,
Засядут о делах, что слово – приговор.

Ведь столбовые все; в ус никому не дуют...

(А.С. Грибоедов. Полное собрание сочинений. В 3-х томах. Санкт-Петербург, 1995. Т. 1. С. 46).

Следовательно, у Пушкина записано: «А кто тебе и в ус не дует»: связка «кт» записана им только похоже на «пр».

Одно из четверостиший десятой онегинской главы печатается ныне так:

Но Бог помог – стал ропот ниже,
И скоро силою вещей
Мы очутились в П<ариже>,
А р<усский царь> главой <царей>.

Чтение первой строки здесь отчасти спровоцировано сохранившимся зачином предыдущей строфы:

Гроза двенадцатого года
Настала – кто тут нам помог?
Остервенение народа,

Б<арклай>, зима иль р<усский> Б<ог>?

Но после этих строк в онегинской строфе следовало еще десять, нам неизвестных, и было бы странно, упомянув Барклая-де-Толли, в рассказе о событиях Отечествен-

ной войны не вспомнить имя Кутузова. «Слава Кутузова, – позже заметит Пушкин, – неразрывно связана со славой России, с памятью о величайшем событии новейшей истории. Его титул: спаситель России; его памятник: скала святой Елены! Имя его не только священно для нас, но не должны ли мы еще радоваться, мы, русские, что оно звучит русским звуком? И мог ли Барклая-де-Толли совершить им начатое поприще? Мог ли он остановиться и предложить сражение у курганов Бородина? Мог ли он после ужасной битвы, где равен был неравный спор, отдать Москву Наполеону и стать в бездействии на равнинах Тарутинских? Нет! (Не говорю уже о превосходстве военного гения). Один Кутузов мог предложить Бородинское сражение; один Кутузов мог отдать Москву неприятелю. Один Кутузов мог оставаться в этом мудром, деятельном бездействии, усыпляя Наполеона на пожарище Москвы и выжидая роковой минуты: ибо Кутузов один обличен был в народную доверенность, которую так чудно оправдал!». (XII, 133).

В строке «И <...?> помог – стал ропот ниже» (В.В. Набоков также отмечал сомнительность расшифровки «Бог». Смотрите: В.В. Набоков. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Санкт-Петербург, 1998. С. 645) Пушкин применил некое сокращение. Может быть – «К–зь»?.. Заглавная первая буква действительно может быть прочитана как «К» (сравним строку «Наш Царь в конгрессе говорил»), букву «з» Пушкин тоже порой писал невнятным росчерком (сравним в словах: «издавна», «грозно», «дерзко», «резким»). Очевидно, конец данной строфы повествовал о назначении Кутузова (Князя Смоленского) главнокомандующим под давлением общественного мнения вопреки желанию царя.

Мы специально подобрали в данном случае примеры вариативного у Пушкина написания буквы «к», которая в скорописи очень часто была похожа на «п».

В сущности, предпринимая расшифровку непонятного в рукописи Пушкина слова, текстолог вынужден перебирать различные принятые у него варианты начертания отдельных вокабул. Положение осложняется в тех случаях, когда мы имеем дело с обычными для пушкинских помет аббревиатурами. Например, в рукописи концовки восьмой онегинской главы (ПД 167) содержится запись, воспроизведенная в книге «Рукою Пушкина» так:

Болдино 1830

сент. 25 3 3/4 часа

Письмо от Н. Кист<еневские> Кр<естьяне> по р, р t, к а.

(Рукою Пушкина. Москва, 1935. С. 282).

Для правильного подхода к расшифровке последних двух строк важно понять прежде всего, что две группы помет в автографе ПД 167 вовсе не синхронны: 25 сентября 1830 года Пушкин отнюдь не получал «письма от Натали».

В Болдино от невесты пришло всего три письма: 9 сентября, 26 октября и 25 ноября. В самом деле, первая помета «Письмо от Nat.» имеется под датой «9 сентября» в черновом автографе «Гробовщика» (ПД 997). В беловом автографе онегинских строф сохранилась память об одном из последующих писем от невесты. Стало быть, законченная в первом варианте 25 сентября (смотрим первую группу помет) глава дорабатывалась позже в Болдине.

Косвенным подтверждением того, что здесь имелось в виду третье письмо от Наталии Николаевны, служит последняя строка помет. Отрывочное (раздельное) написание букв в данном случае позволяет предположить, что перед нами аббревиатура, средняя часть которой обозначена вовсе не французскими буквами (во французском языке слов, начинающихся на «k», — наперечет). Расшифровать же всю надпись помогает автограф ПД 146 (с датой 27 ноября 1830 года) стихотворения «Для берегов отчизны дальной...», посвященного памяти одесской возлюбленной поэта. Нам представляется поэтому, что последнюю строку помет в автографе ПД 167 можно прочитать так:

П<исьмо> о Р<изнич>, Р<изнич> †
(умерла. — С. Ф.), К А<малии>.

То есть следует предположить, что одновременно с письмом от невесты в почтовый день Пушкин получил некое известие об умершей (в 1825 году) Амалии Ризнич, что и вызвало стихотворение «Для берегов отчизны дальной...» («К Амалии»).

Что же касается правильного прочтения пушкинских французских записей, то показательной здесь является трактовка пометы, оставленной поэтом на заднем форзаце (л. 88) Третьей кишиневской тетради (ПД 833), рядом с датой «14 juillet 1826».

М.А. Цявловский прочитал это слово как «Gon<zaga>», то есть как фамилию португальского поэта, чье стихотворение «Там звезда зари взошла...» перевел Пушкин. Впрочем, ученый отметил при этом, что «первую букву можно прочесть и как G, и как Z, и как Q». (Рукою Пушкина. С. 307).

А.Ю. Чернов читает это слово как «Gonar<opulo>», то есть как название острова в устье Невы, где, по его предположению, были захоронены 14 июля 1826 года тела повешенных накануне пяти декабристов.

(А.Ю. Чернов. Симпатическая запись в ПД 833. Временник Пушкинской комиссии. Санкт-Петербург, 1995. Вып. 26. С. 222).

Я.Л. Левкович прочитала запись как «Gu<verneur>», то есть «губернатор», предположив, что именно 14 июля 1826 года Пушкин мог получить от псковского губернатора Б.А. фон Адеракса извещение об осведетельствовании поэта во Врачебной управе по поводу возможной аневризмы. (Я.Л. Левкович. «Гоноропуло» или «Губернатор». Там же. С. 213-214).

Эти варианты были отвергнуты В.Д. Раком, который в результате обследования многочисленных пушкинских рукописей доказал, что первая буква загадочной записи должна трактоваться только как «Z» и никак иначе. (В.Д. Рак. Запись «14 juillet 1826 ZO...<?>». Там же. Выпуск 27. С. 146-147).

Опираясь на исследование В.Д. Рака, А.В. Дубровский расшифровал запись как «Zo<ubkov>», то есть как фамилию пушкинского приятеля В.П. Зубкова, который мог сообщить поэту о дате захоронения декабристов. (А.В. Дубровский. Помета, датированная 14 июля 1826 года. Творческие и биографические пометы в рукописях А.С. Пушкина. Неизданный Пушкин. Выпуск 3. Санкт-Петербург, 1997. С. 51-59).

Данный прецедент свидетельствует о том, как важно нам правильно представлять пушкинские начертания отдельных букв.

Не имеет смысла подробно останавливаться на важности изучения почерка Пушкина для атрибуции его автографов. Приведем на этот счет лишь один пример: почерковедческий анализ записки А.И. Тургенева, ошибочно атрибутированной ранее Пушкину. (С.А. Кибальник. Две записки А.И. Тургенева к Н.И. Гнедичу. Временник Пушкинской комиссии. Ленинград, 1986. Выпуск 20. С. 191-192).

Изложенное выше позволяет сформулировать следующие выводы.

Большинство произведений А.С. Пушкина дошли до нас в черновых рукописях, ныне хранящихся в Рукописном отделе Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Чтение же черновика в ряде случаев затруднительно. Достаточно взглянуть на воспроизведение черновых вариантов пушкинских текстов в «большом» академическом собрании его сочинений в 16 томах (1937–1949), чтобы убедиться в многочисленности помет <?> и <нрзб>, которые свидетельствуют о неуверенности редакторских трактовок автографов. По поводу некоторых из таких случаев ведется многолетняя научная полемика. Текстолог-пушкинист вынужден составлять для себя сводку различных вариантов автор-

ской каллиграфии (начертаний отдельных букв и их связей), чтобы корректно прочесть то или иное невнятно записанное слово. (В сущности, мы пока имеем сводку различных написаний у Пушкина только одной из букв русского алфавита. Смотрим: С.М. Бонди. Буква «с» у Пушкина. С.М. Бонди. Черновики Пушкина. С. 204-210).

Подчас же именно эта деталь текста является смысловой доминантой целого фрагмента. Вообще говоря, почерк Пушкина 1820–1830-х годов достаточно выработан и стабилен, хотя написание отдельных букв у него и варьируется в зависимости

от скорости и орудия записи (гусиное перо, стальное перо, карандаш). В рабочих тетрадях поэта сохранилось немало и зашифрованных помет и аббревиатур, в осмыслении которых прежде всего необходимо определить, русские или французские слова были обозначены им в сокращенном виде. Это ставит задачу создания электронной систематизированной сводки вариантов пушкинского почерка, что может послужить твердой доказательной базой корректной трактовки пушкинских черновиков, а в некоторых случаях производить атрибуционную экспертизу автографов.

НОВЫЕ КНИГИ

Виктория Токарева. Так плохо, как сегодня. Москва: «Азбука», 2013. Эта книга – сборник рассказов московской писательницы, куда вошли «Так плохо, как сегодня», «Механическая птичка», «Чужие проблемы», «Чешская кухня», «Кока и Магомед», «Кирка и офицер», «Дружба превыше всего», «Кино и вокруг». Фрагмент последнего мы и предлагаем вашему вниманию, хотя, честно говоря, представлять читателям Токареву нет никакой необходимости: она давно и нежно любима. И все же: «Состояние творчества – это болезнь. Малая наркомания. С той разницей, что наркотики разрушают, а творчество нет. Но состояние зависимости похоже. Впервые я услышала в себе эту зависимость довольно рано, в пятнадцать лет. У меня была скромная мечта: написать рассказ и напечатать его в журнале. Журнал «Юность» – вот предел мечтаний. Моя мечта сбылась через десять лет. «Юность» напечатала два моих рассказа. В газете «Правда» появилась статья, в которой были такие строчки: «Токарева – умна. Парадоксальна». Я вырезала ножницами эту статью и носила с собой как справку. Если что не так – вытащить из сумки и показать как документ. Токарева – умна. Газета «Правда». Центральный орган. В то время, в двадцать пять лет, я не представляла себе, что у меня в доме появится полка моих книг на разных языках. Сейчас у меня уже две полки. К европейским языкам прибавились азиатские. Время от времени мне звонит китайский переводчик, который хочет со мной встретиться. Он звонит и говорит: «Это ваша пере-вос-сица Андрей...». Я каждый раз не понимаю: зачем я ему нужна? Переводит – и на здоровье. А зачем встречаться? Может быть, ему кажется, что он сможет перевести на китайский не только мой текст, но и все остальное? А что остальное? Мое счастье. Моя женственность. Моя любовь...».

Фаина БУШМАКИНА

автор книг поэзии и прозы,
г. Ижевск

*Памяти Милитины Васильевны
Гавриловой-Решитько*

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ МИЛИТИНЫ ГАВРИЛОВОЙ-РЕШИТЬКО

Материю песни, ее вещество
Не высосет автор из пальца.
Сам Бог не сумел бы создать ничего,
Не будь у него матерьяльца.
Генрих Гейне

Если прозу, на мой взгляд, можно «высосать из пальца», то истинную поэзию — никогда. Она потому и «истинна», что в ней содержится некая истина, обязательно пережитая автором. И эта истина как бы освещена душой поэта и освящена духом поэзии.

В стихотворении важнее всего не то, *что* описывается, а, в первую очередь, *как* описывается. И вот это *как* или, другими словами, тембр авторского голоса, интонационные нюансы и в то же время знакомая читателю или пусть даже незнакомая, но убедительная правда жизни, наверное, в какой-то степени и отражает тот самый неуловимый дух поэзии.

К сожалению, я не могу читать стихи Милитины Васильевны в оригинале, так как не владею удмуртским языком.

В 2007 году Милитина Васильевна подарила мне небольшую подборку своих стихов в переводе на русский язык Юлии Разиной. Юлия Николаевна не втискивала содержание стихов в рамки строгой рифмы и ритма, а постаралась сохранить и своеобразный голос автора, и ту неуловимую ауру стихотворений, которая наиболее сильно трогает душу читателя.

Одно из этих стихотворений — «Любит, полюбит...» — проникнуто элегическим настроением. Голос автора наполнен глубокой грустью. В коротких строчках почти

телеграфного стиля воплощены непосредственный и реальный образ женщины и целая женская история, о которой многие читательницы могут смело сказать: «Это про меня».

Стихотворение содержит два плана: очень краткое описание истории любви и ностальгический взгляд автора на эту историю с высоты уже пережитого и осмысленного. Автор сумела искусно уместить в нескольких строчках длинное и сложное повествование и при этом совершенно не искажила сути.

В стихотворении легкими мазками обозначена линия судьбы, которая начинается тогда, когда в девушке просыпается мечта о прекрасной и таинственной любви. Она с нетерпением и волнением ждет свою любовь, ждет, что кто-то вот-вот объяснится ей в своих чувствах. Ей грустно от того, что этого еще не произошло, ведь, возможно, для ее подруг этот счастливый момент уже настал. Она чувствует некую обделенность, ощущает неуверенность в себе и начинает сомневаться в своей привлекательности.

И вот наступает момент, когда лирическая героиня влюбляется. Она ищет способ сказать ему – своей воплотившейся мечте – о любви и окрылена настолько, что ее покидает даже присущая ей обычная стеснительность. Весь мир полон света и надежд.

Наконец она убеждается, что он тоже любит ее. Но мгновение любви, окрашенное счастьем взаимности, или, как удивительно точно сказал американский поэт Лоуренс, «мгновенье страсти забытья», невыносимо коротко. Лирическая героиня с горечью понимает, что любовь ее избранника прошла. Ее душе становится холодно, еще недавно веселый взгляд потух, и в глазах стоят слезы.

Завершается стихотворение обобщающей философской строкой: «Он полюбит... Он любит... Любил...», в которой заключены и вера, и надежда, и любовь, и осознание того, что все в этой жизни кратко – особенно любовь.

Это стихотворение – короткая и насыщенная смыслом повесть о женской судьбе. Его достоинство в том, что лирическая героиня – обобщенный образ, который отражает мечты и чаяния любой женщины, независимо от того, в каком столетии или тысячелетии она живет. У истинной поэзии не бывает временных границ.

Не могу обойти вниманием и другое стихотворение Милитины Васильевны

– «День пожилых людей». Оно также наполнено элегическими интонациями. Называется оно почти прозаически, но описывает настроение, которое навеивает на автора природа. Хочется процитировать слова Джона Фаулза: «Процесс общения с природой сродни молитве...» и «Единственной поистине гуманитарной наукой о природе... является искусство».

В самом деле, в строчках об осени присутствует неуловимая молитвенная окраска. И мне это особенно близко и дорого. В стихотворении ярко представлена картина осени, и завороченная красотой осеннего леса героиня подмечает взглядом все детали: и «золото берез и лип», и «кленовый лист – каленый уголек».

И снова в стихотворении присутствуют как бы два аспекта: восхищенное описание примет осени и внутренний голос автора. Несмотря на приближение зимы, осень еще «переполняет радостями жизнь», а краски леса «еще тревожат дух» и навеивают новые надежды.

Завершается стихотворение мечтательной фразой: «...Еще и повальсировать бы всласть». Многое заключено в этой фразе: и ощущение сладкого полета вальса, и тоска по романтике юности, и грусть от того, что пришло время «осенних ветров». Под осенними ветрами подразумевается не только время года, но и время жизни, а жизнь – осенний листок, над которым властвует ветер, неся его неведомо куда. И, тем не менее, в итоге возникает чувство, что этот осенний пейзаж примиряет героиню с несовершенством жизни в целом.

На первый взгляд, кажется, что стихотворение повествует только об осени. Однако оно обладает волшебным свойством расширения вложенного в простые слова смысла, навеивает дополнительные ассоциации, тормозит глубоко спрятанные воспоминания, заставляет задуматься о собственных переживаниях. При чтении этих стихов в памяти всплывают строчки Маргариты Зиминной: «Несбывшаяся жизнь в окошко постучалась...».

В обоих стихотворениях – элегическая грусть об ушедшем, романтика юности, не покинувшая героиню, пусть немного робкой, но все же собственный голос поэта.

Внутренний мир лирической героини Милитины Васильевны Гавриловой-Решитько близок и знаком, мне кажется, каждому. Поэтому ее стихи находят отклик в любой, не только женской душе.

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Александр ТРУХАНЕНКО

ученый,
историк и
теоретик литературы,
г. Львов

Исполнилось 160 лет со дня рождения Владимира Галактионовича Короленко – русского писателя, журналиста, публициста, общественного деятеля, снискавшего славу своей правозащитной деятельностью. Максим Горький сказал о нем: «Всю жизнь трудным путем героя он шел навстречу дню, и неисчислимо все, что сделано В.Г. Короленко для того, чтобы ускорить рассвет этого дня».

ЗАГАДКА ТЮЛИНА

Рассказ В.Г. Короленко «Река играет»

Рассказ В.Г. Короленко «Река играет» называли и всё еще называют *знаменитым* (А. Дерман. Жизнь В.Г. Короленко. Москва-Ленинград, 1946, с. 134; К. Чуковский. Современники. ЖЗЛ. Москва, 1962, с. 143; Ф. Бирюков. «Слов – меньше, а мыслей и картин – больше». О рассказе В.Г. Короленко «Река играет». Сборник «Мастерство русских классиков». Москва, 1969, с. 411; Н. Фортунатов. В.Г. Короленко в Нижнем Новгороде. 1885-1896. Горький, 1986, с. 136), считают *одной из вершин* его творчества (А. Котов. Статьи о русских писателях. Москва, 1979, с. 63), признают несомненным *шедевром* (В. Логинов. О Короленко и литературе. Москва, 1994, с. 25).

Иногда рассказ дополнительно характеризуют как в чем-то *загадочное* произведение, которому, якобы, посвящена «обширная научная литература, часто противоречивая в своих выводах». (Н. Фортунатов. В.Г. Короленко в Нижнем Новгороде. 1885-1896. Горький, 1986, с. 136).

Но такой литературы в действительности не существует. Имеется необозримое множество беглых упоминаний о рассказе, тогда как специально он рассмотрен только в нескольких научных работах, и наиболее тонко – в последней из перечисленных, в книге профессора Н. Фортунатова «В.Г. Короленко в Нижнем Новгороде. 1885-1896». Правда, загадочности рассказа, впервые сказав о ней, он не раскрывает, ограничивается репликой: «Автор, как это нередко случается в произведениях реалистического искусства, сказал, по-видимому, больше, чем хотел сказать». (Там же). То же самое предложено затем в общем выводе относительно идеи рассказа: «...Переложить ее содержание на язык однозначных заключений не представляется возможным». (Там же, с. 144).

Главный интерес во всех публикациях о рассказе сосредоточен на фигуре речного перевозчика Тюлина, воссозданного писателем с живой натуры. В. Вересаев, вспоминая о разговорах с Короленко на литера-

турные темы, отметил: «В рассказе «Река играет» сохранена даже фамилия перевозчика – Тюлин». (В. Вересаев. Собрание сочинений в 5-ти томах. Том 5. Москва, 1961, с. 317). Короленко говорил об этом и другим своим собеседникам, например, И. Репину: «Все списано мною с натуры. Перевозчика так и звали: Тюлин». (К. Чуковский. Современники. ЖЗЛ. Москва, 1962, с. 143).

Как ни достоверен, однако, этот портрет, он значительно содержательнее указанной модели. Без духовных очертаний того, кто его создал, читателю он был бы безразличен.

Представишь себе ветлужского перевозчика вне короленковского рассказа, согласишься безоговорочно: *безалаберность и лень*, не исключаяющие *находчивости и крепкой хватки*; привычка *действовать на авось*; *бестолков* и т.п. (Н. Фортунатов. В.Г. Короленко в Нижнем Новгороде. 1885-1896. Горький, 1986, с. 140). На деле, вопреки подобным однозначным заключениям, читатель присоединяется к автору-повествователю, который, не решая вопроса логически, указывает на его источник – настроение, возбужденное встречей с Тюлиным: «И я думал: отчего же это так тяжело было мне там, на озере, среди книжных народных разговоров, среди «умственных» мужиков и начетчиков, и так легко, так свободно на этой тихой реке, с этим стихийным, безалаберным, распущенным и вечно страждущим от похмельного недуга перевозчиком Тюлиным? Откуда это чувство тяготы и разочарования, с одной стороны, и облегчения, – с другой?». (В.Г. Короленко. Собрание сочинений в 10-ти томах. Том 3. Москва, 1954, с. 236). *Облегчение* – хорошее, светлое чувство, какое бестолковый человек вызвать никак не смог бы. Это бесспорная составляющая образа Тюлина. Перед нами художественный факт вполне постигаемый и нисколько не загадочный.

Короленко утверждал, что Гончаров, любивший своего Обломова, следуя правде, был вынужден превратить его в *предостережение и сатиру*. (В.Г. Короленко. О литературе. Москва, 1957, с. 271). Порой и Тюлина сгоряча называли *Обломовым в лаптях* (М. Горький. Из воспоминаний о В.Г. Короленко. С. 115), хотя ни сатиры, ни философской озабоченности автора этот характер в себя не вмещает.

Припомним сюжет. Интеллигентный рассказчик, совершивший раскольничьи керженскими дебрями познавательное паломничество к озеру Светлояру, которое хранит тайну легендарного града Китежа, устав там от религиозных прений, выходит на возвратном пути к реке Ветлуге. Здесь и совершаются основные события повествова-

ния. Неожиданный речной паводок. Знакомство с безвольным от пьянства Тюлиным, в критическую минуту способным, однако, действовать искусно и решительно. Пьяный кураж и слаженная работа коллективного Тюлина – рабочей артели, спасающей товарные бревна от взывавшей реки. Вереницу типичных *ветлугаев* пополняют воришки из деревни Соловьяха, безрассудные собственники песочницы, надменные сектанты из Уреневки, старик из бывших солдат и другие. У некоторых есть какие-то привлекательные особенности, почти все, включая Тюлина, чем-то друг на друга похожи. А все же Тюлин выделяется. Пусть не сразу, но выделяется той своей способностью, которая делает его, по определению Горького, *героем на час*. (М. Горький. В.Г. Короленко. Сборник «В.Г. Короленко в воспоминаниях современников». Москва, 1962, с. 146).

Впрочем, это не очень удачная формула, она сужает мысль Короленко. Ведь не случайно, характеризуя Тюлина устами одного из простонародных персонажей рассказа, он прибегает к выразительной диалектике: «Верно! Подлец мужичок, будь он проклят! А и то надо сказать: дело свое знает. Вот пойдет осень или опять весна: тут он себя покажет... Другому бы ни за что в водополь с перевозом не управиться. Для этого случая больше и держим...». (В.Г. Короленко. Собрание сочинений в 10-ти томах. Том 3. Москва, 1954, с. 228). В конце рассказа автор еще щедрее: «Милый Тюлин, милая, веселая, шаловливая взывавшая Ветлуга!». (Там же, с. 236). Для Короленко тип Тюлина овеян бодрящей свежестью оптимизма. Какие надежды могут породить религиозные начетчики, наивные воришки или прижимистые мастеровые? А по виду ленивый и всегда нетрезвый Тюлин – может.

Этот герой есть факт изображаемой действительности, перенесенный Короленко в литературное произведение, судя по записным книжкам художника, местами даже без обработки рукой мастера. (В.Г. Короленко. Записные книжки. Москва, 1935, с. 147 и следующие).

Здесь сказалось общее поступательное развитие искусства слова. «Первые признаки художественного пробуждения факта, – отмечает П. Палиевский, – стали заметны у нас к концу XIX века. Тогда он впервые сдвинулся со своего места внутри образа...». (П. Палиевский. Литература и теория. Москва, 1979, с. 131).

Вот и Тюлин уже не просто размещается внутри более широкого образа, принудительно вводится в художественную систему, напротив: начинает формировать ее сам. Охватывая разные явления русской жизни,

вся эта система оказывается ориентированной на обрисовку данного героя, портретирует его прямо и косвенно. (А. Труханенко. Стилевая особенность рассказов В.Г. Короленко. Сборник «Вестник Львовского университета». Филологическая серия. Выпуск 14. Львов, 1984, с. 90; детальнее: А. Труханенко. Основы поэтики В.Г. Короленко. Львов, 2006, с. 128-130).

Образная ткань рассказа пропитана Тюлиным насквозь. Чтобы удостовериться в этом, достаточно присмотреться к нескольким деталям созданного писателем полотна. В финале повествования (глава VIII) мы видели уже *милого Тюлина, веселую Ветлугу*. А вот детали экспозиции (глава I): *голубое небо; темная деревянная церковка, наивно глядящая из-за зеленых деревьев; серый столб с просьбой жертвовать на колокол; плещущая у ног река*. (В.Г. Короленко. Собрание сочинений в 10-ти томах. Том 3. Москва, 1954, с. 209).

Тюлин впервые появляется перед читателем (глава III) как неотъемлемая часть этого пейзажа: «Говорит сидящий у шалаша на скамеечке мужик средних лет, и звуки его голоса тоже мне как-то приятно знакомы. Голос басистый, грудной, немного осипший, будто с сильного похмелья, но в нем слышатся ноты такие же непосредственные и наивные, как и эта церковь, и этот столб, и на столбе надпись». (Там же, с. 212). Связаны между собой эти далеко друг от друга отстоящие образы и *повторением в развитии* (Н. Фортунатов. В.Г. Короленко в Нижнем Новгороде. 1885-1896. Горький, 1986, с. 143), и более существенно – господствующей эмоцией повествователя.

Изображенный в рассказе Тюлин не фотографический снимок, а отзвук особого настроения автора, которое по отношению к герою нигде не изменяется. Художник может переводить взгляд на любые другие объекты, окружающие героя, и это помогает разглядеть самого героя. Вставной рассказ *о рабочей артели* – это и о Тюлине тоже; упоминания об особой *ветлужской складке* в облике разных персонажей – это

и о Тюлине тоже; регулярный акцент на *наивности* и даже *юморе* неодушевленных предметов – это и о Тюлине тоже, потому что всё вместе исходит из чувства непобедимой симпатии, возбужденной у наблюдательного рассказчика, казалось бы, весьма непрезентабельным перевозчиком. В чем тут дело? Что за безотчетное расположение, заставляющее автора вопрошать в итоге самого себя: *отчего же, откуда, отчего?* (Там же, с. 236).

Обратимся вновь к Горькому. Если по поводу поверхностной характеристики Тюлина как только *героя на час* можно дискутировать, то более глубоким представляется другое его суждение, к сожалению, исследователями почти забытое, а именно такое: «Короленко смотрит на великорусскую жизнь глазами человека несколько иной культуры, поэтому он и разглядел Тюлина так великолепно верно». (А.М. Горький и В.Г. Короленко. Переписка. Статьи. Высказывания. Москва, 1957, с. 192).

На особые истоки своей культуры Короленко указал однажды в письме к философу В. Соловьеву от 22 октября 1890 года, как раз тогда, когда работал над текстом «Река играет»: «По рассказам моего отца, род наш происходит из Запорожья; и дед, и отец мой всю жизнь служили в Юго-Западном крае, где и я вырос и получил образование». (В.Г. Короленко. Собрание сочинений в 10-ти томах. Том 10. Москва, 1956, с. 148).

По женским линиям Короленко был человеком польской крови, первым его разговорным языком был польский, его русская фонетика сохраняла до конца жизни элементы польского звучания. Долго живя в России, писатель русифицировался, но в истоках оставался как бы наблюдателем со стороны, откуда, по поговорке, виднее. Столкнувшись на Ветлуге с оригинальным речным перевозчиком, Короленко увидел его (и не одного его) явлением пусть не бесспорным, но выражающим обаяние и поразительную силу русского мира, великодушного как сама природа.

Ларчик открывается просто.

«Есть натуры, будто заранее предназначенные для тихого подвига любви, соединенной с печалью и заботой, – натуры, для которых эти заботы о чужом горе составляют как бы атмосферу, органическую потребность. Природа заранее наделила их спокойствием, без которого немислим будничным подвиг жизни, она предусмотрительно смягчила в них личные порывы, запросы личной жизни, подчинив эти порывы и эти запросы господствующей черте характера. Такие натуры кажутся нередко слишком холодными, слишком рассудительными, лишенными чувства. Они глухи на страстные призывы грешной жизни и идут по грустному пути долга так же спокойно, как и по пути самого яркого личного счастья. Они кажутся холодными, как снежные вершины, и так же, как они, величавы. Житейская пошлость стелется у их ног; даже клевета и сплетни скатываются по их белоснежной одежде, точно грязные брызги с крыльев лебедя...»
В. Короленко. «Слепой музыкант»

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Василий ГЛУШКОВ

автор поэтических книг
«Страницы», «Глубинка»,
«Ромашковый снег»,
г. Ижевск

*В эти дни Удмуртия отмечает
83-й день рождения народного
поэта Олега Поскребышева.*

ОЛЕГ АЛЕКСЕЕВИЧ

Осенний полдень 5 октября 1979 года радовал ласковой солнечной теплотой, красивым кружением золотой листвы. Я поторапливался: в час дня мне надо было выступать с известным поэтом Поскребышевым в женском коллективе швей и портних. Олег Алексеевич иногда брал с собой на выступления молодых авторов, близко знакомых ему. Он уже знал мои житейские, семейные дела, но замечал и мои поэтические стремления, читал подборки моих стихов, при случае давал полезные советы.

Перед входом в ателье Олег Алексеевич остановился и как-то по-товарищески, заботливо, придерживав меня за плечо, поправил воротник моей клетчатой рубашки.

— Что-то он у тебя больно выставился.

— Да и пиджачишко еще надел, как видите, будничный, — засмущался я. — В редакцию обычно в нем хожу. (В то время после возвращения из Усть-Илима я работал корреспондентом в многотиражной газете военных строителей).

— Ничего... Вполне даже приличный пиджак, — с подчеркнутой уважительностью сказал мой наставник.

Возможно, тогда Поскребышев сознательно проделал это, чтобы снять у меня излишнее волнение, чтобы не было натянутости, официоза в общении. Это был урок доброты и творческого профессионализма.

Олег Алексеевич был тогда в творческом

и физическом расцвете, в нем была видна мужская стать. Плечи не могучие, но вся его крепко посаженная фигура широкого охвата как-то очень ладно сочеталась с неторопливой, степенной походкой. На нем был темно-серый костюм, из-под которого, охватывая крепкую шею, выставлялся воротник белого свитера.

Запомнилось лицо Поскребышева той поры: скуластое, как бы мужиковатое, но открытое, одухотворенное. Лоб с высокими залысинами, усы без «чапаевской» лихости, но аккуратные и ухоженные. Глаза живые, с темно-коричневыми огоньками зрачков, с хитроватым прищуром, излучающим энергию души. Они то ласкали, то пронизывали, то вспыхивали, — словом, играли всеми оттенками чувств, особенно в моменты, когда поэт был намерен что-то сказать или уже говорил или читал.

Мне уже приходилось до этого раза дважды слышать его публичные выступления. Бравым, с улыбчивым лицом поднимался он на сцену перед слушателями. Не звонким, но уверенным, наполненным большой выразительной силой голосом начинал читать, рассказывать или дискутировать, вкладывая в слова всю мощь души или, что бывало нередко, находил такую ироническую интонацию, такую артистическую позу или жест, что зал взрывался аплодисментами или дружным смехом.

...Олег Алексеевич уважительно представил меня работницам сразу после своего краткого слова о современной поэзии Удмуртии. Я начал читать свои стихи. Сперва он сидел сосредоточенно, слушая, как и что я читаю, но вскоре достал из портфеля, как мне показалось, новые свои стихи: отпечатанные и написанные от руки. Он никогда не боялся спрашивать у людей, а так ли он выразил то, что хотел сказать в стихотворениях, которые еще не публиковались. При этом он и сам прекрасно улавливал реакцию зала и часто «доводил до ума» свои новые стихи после чтения их на публике.

Я уложился в отведенное мне время. Олег Алексеевич, встав, хитровато прищурился, с каким-то озорством глянул в лица сидящих женщин и тут же с добродушной улыбкой, чуть подбоченясь, любезно обратился к ним так, словно сообщал им что-то «на ушко». В цехе ателье сидело немало

молодых девчат, одетых в платица и козыночки. Они сидели за швейными столами рядом со зрелыми женщинами, еще не утратившими своей красоты.

— Как мне показалось, — улыбнулся Олег Алексеевич, — Василий, читая стихи, старался не глядеть никуда, кроме ваших лиц. А я постарше — мне терять нечего. И что же я увидел? А увидел я вашу продукцию. Вот она, изящная, лежит на столах. У меня невольно сочинилось:

Розовые личики
Рядом с Васильком.
Розовые лифчики
На столах рядом...

Женщины засмеялись, раздались аплодисменты.

Этого и добивался Олег Алексеевич, чтобы настроить слушателей на свою, «поскребышевскую» волну и повести по душам разговор о жизни, труде и любви...

ПОСКРЕБЫШЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

В очередной раз в поселке Кез, на родине Олега Алексеевича, состоялись Поскребышевские чтения. В день рождения поэта на улице его имени собрались у родника многочисленные почитатели. Кезыцы облагородили лужайку в конце улицы, поставили беседку, вкопали столы и скамейки, над родником подняли сруб с крышкой, и каждый участник праздника попробовал его живительную, прохладную воду. Скошенная трава, собранная в стожок, напомнила о сельских корнях поэта. Олег Алексеевич, уроженец деревни Бани Кезского района, любил косить, знал и умел выполнять все виды деревенских работ.

На Поскребышевские чтения поделиться воспоминаниями о поэте приехали гости из Ижевска и Глазова. Писательскую делегацию возглавил председатель правления Союза писателей республики Егор Загребин. Поэты Анна Верина, Ада Диева, Галина Еременко, Владимир Мирошниченко и автор статьи рассказали присутствующим о своих встречах с поэтом, о творческом содружестве с ним. Глазовские литераторы Надежда Нелидова, Леонид Смелков и Вячеслав Захаров вспомнили о занятиях литературной студии, которую Олег Алексеевич вел в редакции районной газеты.

После окончания с отличием Глазовского учительского института он двадцать лет проработал учителем русского языка и литературы в сельских школах: сначала в Пужмезской семилетней, затем в Кезской средней. Одновременно учился заочно и получил высшее образование в Глазовском педагогическом институте. Ему было присвоено звание «Отличник народного просвещения», вручен орден «Знак Почета».

Выступила вдова поэта — Зоя Ивановна, коллеги по работе в школе рассказали о годах совместной педагогической деятельности. Но чаще всего звучали стихи Олега Поскребышева. Их читали и школьники, и работники

культуры, и простые сельские труженики. А с портрета, установленного тут же, смотрел на земляков и слушал звучащие строки сам Мастер.

В рамках чтений прямо на поляне была организована выставка фоторабот племянника Олега Алексеевича Владимира Максимова. На фотографиях узнавались банинские пейзажи, к каждому из которых были подобраны строки стихов поэта. Сегодня эта выставка уже экспонируется в районном Доме культуры.

В прошлом году в Кезе прошел теперь уже традиционный международный фестиваль парковой скульптуры. Одна из тем, предложенных мастерам, была связана с литературным творчеством Олега Поскребышева. Многие скульпторы обратились к этой теме и в дереве воплотили образы, навеянные стихами, поэмами автора, а также личностью самого народного поэта. Свои работы участники фестиваля каждый раз оставляли в дар этой земле. Так было и на этот раз. Теперь на площади перед районным Домом культуры стоит деревянная сосновая скульптура «Учителю. Поэту. Человеку» работы Петра Камашева, победившего в номинации «Творчество поэта Поскребышева».

В прошлом году администрация Кезского района учредила премию имени Олега Поскребышева. Ее решили вручать осенью в день работников сельского хозяйства, когда в районный центр съезжаются все передовики производства. Первым лауреатом премии стал ансамбль «Зардон», который принял активное участие и в нынешних чтениях.

Первые стихи народного поэта Удмуртии появились здесь, на кезской земле. О чем бы ни писал Олег Поскребышев, он всегда писал о людях, о своих современниках. Именно они, люди, вдохновляли его на новые поэтические творения, они же теперь вновь и вновь возвращаются к строкам поэта.

Владимир Михайлов

ПЕРЕВОДЫ

Ашот САГРАТЯН

писатель, поэт,
переводчик,
г. Ереван

«ВЕСНА ПРИХОДИТ, ДУШУ БЕРЕДИТ...»

Стихотворения Сильвы Капутикян
в переводе с армянского Ашота Сагратяна

Масис

Масис, сегодня ты прозрачно-чист,
Тобою небеса заголубели,
Ты так воздушен, словно не кремнист
И к нам сошел как будто с акварели.

На этот мир взираешь, ясноок,
Наш плоть от плоти, в думах, душах светел
Так, словно обошел тебя злой рок
И при тебе твои родные дети.

Свиреп реки Аракс водораздел,
Преградой непонятной встав меж нами.
Ведома пульсом, я вступлю в предел
Высот седых – поцеловать твой камень.

* * *

Когда бы ты пришел,
Хотя б в последний раз –
Любви насытить глаз...
Как было б хорошо!

Пришел бы просто так,
Такой, какой ты есть...
Пусть пострадает честь
Печалью на устах.

Ну, причины мне боль,
Яви свой прежний пыл...
В чужих объятьях был? –
И мне нужна любовь!

Голос крови

Вдали от меня, в далекой стране,
Под кровом другим восторгом лучась,
Дитя подрастает, и кажется мне,
Что крепнет меж нами счастливая связь.

Что пара годочков? Лопочет дитя –
Веселое чудо пытливейших глаз,
Со злом и добром обращаясь шутя,
Вобрать в свое сердце готовое нас.

Не спущен ли тот ангелочек с небес?
Молочная кожа – что роз аромат.
То трепетный смех разливает на вес,
То прячет в объятьях застенчивый взгляд.

Как брызги шампанского – слезы из глаз.
Что бродит у этого чада в крови?
Сумбурна ли скорбь опечаленных фраз?
Не мне ль объясняется в вечной любви?..

Элегия

Я город свой родной не узнаю, увы,
И кто меня сюда забросил невзначай?
Чужих планет пейзаж! Не узнаю травы,
Пещерный мрак и холод я чую на плечах.

И я – совсем не я, и нет знакомых лиц,
Лишь призраки кругом. Попала в мир теней.
Бессвязный шепот свеч, и темень без границ.
И скорбь каких утрат живет во чреве дней?

И горести потерь рифмуются уже,
Неслыханной тоской обтягивая плоть,
Кукожа здравый ум, осела гарь в душе,
И жажды кутежа костям не обороть.

Я город свой родной, увы, не узнаю,
Такой он трижды чужд, и он совсем не мой:
И, странницею став, – в каком же я краю? –
В свой Ереван прошусь – туда, к себе, домой!

* * *

Чем дольше ходишь по земле,
Друзей хоронишь чаще.
Перебираю четки лет.
Маячит смерти ящик.
Десятилетий череда
Прошла как будто мимо –
Теперь считаешь не года,
А скоротечность мига.

Департация

Семья за семьей... И – желаем удач!
Ни больше, ни меньше, немеет язык;
Их речь погребальный напомнила плач
В дорожную пыль улетевающей слезы.
А где-то меж скал развеселый родник,
Незримо мелея, исчезнуть готов,
И в чьем-то дому, словно сдавленный крик,
Под ржавую руку умолкнул засов.
Семья за семьей... Да поможет вам Бог!
А где-то в Гюмри покосившийся дом,
Где дух запустения даже оглох,
Без рук без хозяйских пойдет и на слом.
Да только в ближайшем селе Гегасар
Надгробия слишком уж плотно стоят.
Рождаются реже, у смерти коса,
И грустные игры теперь у ребят.
Семья за семьей... Утекаешь, народ?
А нынче у нас запоздает весна.
Холодный, сказали, нам выпадет год.
Согреться? Дровишкам печурка тесна.
И где-то замерзнет солдат на посту,
А смены не будет, не будет чудес...
И каменщик, время беря на простук,
Захочет кому-то доверить отвес.
Семья за семьей... И вам исполать!
Свихнулась наивная чья-то мечта.
Стоит на пороге потерянным мать,
Уже и надежды устала листать.
Семья за семьей... Последний поклон!
Мы вроде в расчете. Счастливы – и в путь!
Гудка корабельного слышится стон:
Куда бы приткнуться и где прикорнуть?..

* * *

Я ли не возвысила тебя,
Возведя на жизни пьедестал,

И собой дополнила, любя,
Окрылив тебя, твои уста?
Я ли не искала смысла слов,
На меня обрушенных тобой, –
Докопаться до твоих основ,
В сердце отыскать твою любовь?
Оправданий почву обрела
И, втянув себя в самообман,
Верую в тебя лишь обросла,
Только был твой образ – что туман.
Я другим тебя хотела знать.
Мне не удалось. Прощай-прости.
Ты вернулся к прежнему опять,
Покатился, глуп и нечестив.
Был тебе и сердца изумруд!
Ты – стекляшка. Был напрасным труд.

* * *

Удержать меня – не удержал,
Над душою хрупкой не дрожал,
Не прикрыл меня в урочный час,
Чтоб желаний светоч не погас.
От меня ты не отвел грозы
И не вытер ни одной слезы.
Что теперь меня напрасно звать?
Мог бы к сердцу лаской привязать.

* * *

Народ ты мой, талантливый во всем,
Вселенский сад собой обогатив,
Мир восхищаешь древнею красой,
Всего лишь пядь землицы прихватив.
Где древа своего ты не ронял плоды?
В спасительную сень свою сзывать любил.
Куда ни глянь, сынов твоих следы
По всем дорогам всех твоих чужбин.

Пшат серебристый

Вдоль армянских дорог
Ты растешь, пшатени,
Дать усталости ног
Отдышаться в тени.
Серебристая пыль
У тебя на плечах.
Ароматная быль –
Судеб наших печать.

* * *

Запал ты в сердце, мой вдох и выдох,
Восторг мой бурный, печали выход:
Ты в каждом слове и в каждой ране,
Искать твой образ глаз не устанет.
Пойду ли в гости, один ты рядом,
Мой свет, мой воздох, исчадь ада...
Бреду по свету –
И спасу нету...

Примирение

Мой каждый день в извилинах морщин
Роднит нас с мамой в бездны годовщин.
Весна приходит, душу бережит.
Мать на меня из всех зеркал глядит.

Сдается мне – теплеют зеркала:
Как-будто вновь кого-то обрела.

Без содроганья бледности налет
Приемлю я, седея что ни год.

Жаль, за плечами жизни окоем,
Печалюсь, мы друг друга узнаем.

Тоску по матери собою утолив,
Я слышу в зеркале души родной мотив.

* * *

Здесь весна опаздывать охочая,
Но довольно пары теплых фраз,
Чтоб рассеялся туман воочию,
Чтоб сосульки вдруг исчезли с глаз.

Пары задушевных... Но со стужей
И ручьям, поди, не совладать,
А придет весна – уже простужена...
То ли наша: звень и благодать.

Под окном то шутят, то печалются,
Речь другая образы ворочает.
Я в себя забила, сердце мается,
И к себе на родину мне хочется.

Дышат на столе в листочках записи –
Магия месроповых писем.
Не глаза ль знакомые тут зарятся?
Зрю родные в перечне имен.

Солнца луч бежит по строкам бисером,
В кровле он пробил для нас ердик.
Пахарь песню из стараний высосал
Или в ней орнамента язык?!

Зов души армянской, ставший песнею,
Временем уложенный в строфу,
Обладает свойствами чудесными:
В нас, армянах, дом он наяву.

* * *

В этот мир ты женщиной пришла
Преданностью сердца отдаваться,
Развести очаг, и дать тепла,
И золою в очаге остаться.

Но себя пустила ты в распыл,
Отдалась ветрам на разоренье:
А могла бы обустроить быт,
Оправдать души своей горенье.

Он не за горами, вечер твой,
Жалким одиночеством убогий,
Необжитой жизни злобный вой
Упадет тебе проклятьем в ноги.

Сыну

Я тебе явлюсь, в мир уйдя иной,
И к тебе приду, посидим рядом,
И узнаешь ты наконец о том,
Как ты в мир пришел и какой ценой.

Нелегко одной было мне растить,
Я смиренья дух в гордость заплела,
Подняла тебя, чтобы отпустить
К той, что божий дар вряд ли поняла.

Я приду времен занавес отвести,
Маску пред тобой ласково сниму,
Седина твоя делает мне честь,
Не скрывая слез, нежно обойму.

Вечер на дворе, стыло, снег идет.
В Ереване ты, я же здесь одна.
Я к тебе приду, мир покинув тот,
И уже на все, сын мой, времена.

* * *

Не перепало мне красы
От века дивных наших дев,
Ни стати, ни тугой косы,
Ни взгляда – обжигать, задев.
Достался мне лишь божий дар –
Глаза, где пепел не остыл:
Всех бед твоих принять удар.
Земля родимая, прости.

ПЕРЕВОДЫ

Валерий КИЛЕЕВ

поэт, переводчик,
г. Ижевск

«...ГДЕ УДИТ ЗВЕЗДЫ МОЛОДОЙ БАМБУК...»

Стихотворения Леопольдо Лугонеса
в переводе с испанского Валерия Килеева

«...и все время чувствуешь в себе сократовское «не знаю». Вне «...измов» ты пуст, гол и спонтанен. Видимо, поэтому иногда и «случается». Как случился Леопольдо Лугонес – невероятно далекий аргентинский поэт 19-20 веков – в этой моей ижевской жизни? Ноосферное явление? Кармическая спираль? «Пепел Клааса стучит в мое сердце»? Парадокс в абсолютном его значении. Но случилось же! Снова и снова снимается шляпа перед Сократом.

Была легкая прогулка по испаноязычной поэзии без биографий, литературных течений, исторических политкорректностей – дионисийская такая внеплановая праздность. И, вдруг, на фоне всегда известных Лорки, Борхеса, Хименеса – некий Лугонес: сразу родной, тактильно ощущаемый сердцем, тонкий, красивый, живой и совершенно неизвестный, практически непереведенный на русский. Это потом, по каплям, – биография, житейская конституция, самоубийство и слова Борхеса: «Сказать, что от нас ушел первый писатель нашей страны, что от нас ушел первый писатель нашего языка, – значит, сказать чистую правду и вместе с тем сказать слишком мало...». Радость чуда заискрилась, искательная жажда корыстного самообогащения получила обоснованную концентрацию, и – первая проба была намыта.

Признаваясь в полной субъективности собственного мироощущения и в тонкости поднятого пласта лугонесовской поэзии, все-таки скажу, что торсионный резонанс двух мужских душ был достигнут; и теперь со всей ответственностью берусь заявить: такого тантрического пантеизма, неумолимо-нежного мужского бриза на женские плодородные почвы, как у Леопольдо Лугонеса, вы, наверняка, больше не встретите ни у кого. Буду рад любому оппоненту.

Что-то совсем не хочется говорить о сложности перевода (Лугонес чувственно-индивидуален), о потраченном времени (поэзия Лугонеса – сокровище для мужчины, чтущего великую женственность); надо обязательно сказать о человеке, с которым мы вместе со-переживали аргентинское путешествие. Это, конечно, сеньорита, поскольку сложно отрицать, что все качественное возникает из соприкосновения мужского и женского. Елена Федорова делала подстрочник, помогала мне с испанским, давала уверенность в том, что «это кому-нибудь нужно», привезла из Испании (найденную с трудом!) книгу избранных стихов поэта, составленную все тем же Борхесом. Огромная ей благодарность от неизвестного нам Лугонеса, от меня и, думаю, от читателей, кого эта маленькая подборка, возможно, наполнит ароматом поэтического танго...».

Валерий Килеев

Т е б е, единственная
(квинтет луны и моря)

Фортепяно

Немного неба, озера не боле,
Где удит звезды молодой бамбук,
И парка глубина – льстит ночь
интимной роли
Твоей, почуяв, как... как видишь ты вокруг.

Цветет ирисами поэзии с тобою
Луна, бесхитростно родив себя из моря;
И плач безумств мелодий с голубою
Тоской любви души твоей не спорит.

И сладких вздохов аромат придуман...
И ты душой восходишь, как луна...
Твои глаза... и ночь... немного – Шуман,
И сердце – вот оно – в моих руках иль на...

Первая скрипка

Задолго до того, как повстречать
Тебя, морская гладь была пустынна.
Из золота, которое остыло,
Луна пьет в небе предзакатный чай.

Во избежанье столкновения с луной
Работает веслом гигант наш коренастый,
И низким голосом он говорит о власти
Тех снов, что в мир приходят за луной.

Чуть позже, в трепетании лазури,
Уже серьезный, в пленном полумраке
Растянет он ковром златую накипь
Своей усталой львиной шевелюры.

Вторая скрипка

Луна тебя оставит всю, с ней лично,
И окунет во всё, чего изволит
Белок яйца, разлитого над морем,
Коснуться, вплоть до точек пограничных.
И в полночь, отдавая плоть историй
Своих волне, ее тоске и столам,
Ты, одинокая, дрожишь в тобой искомом:
Между моей душой и лунным долгим морем.

Контрабас

О, моря сладкая луна! Ты открываешь дверцу
Мечтаний о любви; жемчужина покоя
— всё принять —
В слезе своей скопила столько сердца,
Что плакать ею... жалко — что терять.
Но сердце верное все тяжелей от пробы;
Любовь суровая иль мягкая пророчит
Желанье плакать — плакать чем-то добрым;
И хорошо так... значит, любишь очень.

Виолончель

Божественный покой и море...
Луна дорожкой серебрит
Волны предчувствия нефрит –
Паломничество вскоре.

Как бесконечна чистота...
И небо думает о том –
О, иллюзорен твой платок
Прощаний, слез и воли.
Спокойствие великих снов –
Пока в объятьях, чуть дыша,
Здесь, на груди – твоя душа
Как лютия меланхолий...

История моей смерти

Мечтал о смерти – это было просто.
Нить шелка твоего меня скрутила в кокон.
Твой каждый поцелуй
Все реже отпускал меня в мой мир, и вот он
И я исчезли. Каждый поцелуй
Твой был, как светлый день заботы,
И темнота без этих поцелуев
Была как ночь. Смерть оказалась легкой.
Слабели нити в шелкопрядной туе,
Разматываясь постепенно, так, что смог я
Идти. Но все-таки конец держал я
между пальцев,
Пока не охладела ты внезапно и смогла
Уже не целовать меня, как раньше...
Я отпустил конец, и жизнь моя ушла.

Двенадцать наслаждений

Хосе Хуану Таблада

Искушение

Утихло наконец и море; и — случилось:
С привычно долгим выдохом фиалок
Слабели сумерки, где страсть жила финалом,
Как дряхлость герцога, уснувшего на милость.
И Бог стал тоже тих; уже секретный,
Твой шаг исполнен был растущею тревогой;
Закат бледнел, и золотом несметным
Вел томный силуэт одной прямой дорогой.
И вот посев, где зрелость трав дрожит,
Как спелая жена волнуется в объятьях,
С восторгом грязным взгляд свой положил
На черный низ твой — и, конечно, — нате —
Притихши, ласточка — в лазоревом закате,
Как маленькая мысль, все смутно так кружит.

Победа Венеры

Ты гибели просила у меня; и ожерелья
Свои снимала с радостью трагичной,
И окровился в том речном величии
Пурпуром солнца драгоценный гелий.

На византийской бахrome я наслаждался
Твоей агонией, из вечности возникшей,
И становились сумерки все тише,
Как сад туманов, что за морем появлялся.
Ты вдохновением моим из камня, в срок,
Из ложа мертвых дней была изъята;
Когда же в лоно твое нежное клинок
Вошел с уловкой жесткой в ледяном уколе,
На тонком острие зацвел и твой цветок –
Гвоздика в черном бархатном камзоле.

Знамение звезды

Отрочество, нетронутое, сдавшись,
Твое наивною неряшливостью стало;
И шея, как корсажное лекало,
Богатством страсти становилась краше.
Любовь моя – салон мой одинокий,
Двусмысленной терпимостью твоею
Был принят с домовым семью, с моею
Горячей розой, с горностаем робким.
И я растягивал ее, как ленту фая
На пляже, вечером, чтоб трепеща, не каюсь,
Ты не стыдилась больше никогда.
И мед моих софизмов был коварен,
И с неба братского одна и та же в паре
Двух наших глаз сверкала и жила звезда.

Медлительное наслаждение

Легким мазком свечения
В хризоберилловый тон нашей комнаты
Вечер проник тонкой линией ломаной
Фиолетового украшения.
В кроне деревьев луна
Огромной печатью светила в листьях,
И под гипнозом на ней паук как мистик
Ткал острой нитью узоры руна.
В небо, загнутое, словно ширма китайская,
мыши –
Мыши летучие всем населением вышли;
А на плинте обескровленные твои колени
Демонстрировали инерцию наслаждений –
И к нашим, и в наших ногах река гиацинта
Текла, бесшумная, к смерти. К забвенью.

Дарующие руки

Намекающий мускус сезонов спаривания
Плыл по ветру; и цветущая по этому поводу
Сельва
В тропических сумерках пахла, как правило,
Женщиной. Из панорамы, венчающей край
постели,
Ты возникала в волнующей черной марле,
Исполненной кружевом аргентинской почвы;
Обнаженные руки твои гладили в дар лик
Луны, что опьянял их, как ветви деревьев
ночью.

Эта же ночь смешалась с локонами твоих волос;
Глаза наполнились влагой, и им привелось
Отразить все сверкание нашей священной связи.
Бриз источников, что живут на далеких холмах,
Обернул тебя в свежесть свою, и ароматы –
разом –
Моего уже сада, вдруг – появились
в твоих руках.

Дождевой псалом

Гроза

Пещерная вода в небесной темной плоти;
Гром глубины – со скал, не чтящих склонов;
И бриз волнения далекого в полете
Здесь окислялся тонкой свежестью лимона.
Как горяча пыльца, ваяя сухость сферы,
Так влага клевера рождает ночь и дождь.
Над плотной бахромой плыла, как тень,
галера,
Под нею жизнь цвела, как голубая дрожь.
Вдруг скоротечный прут сломал
воздушный замок,
Вонзился в мир земли – та в страхе
замерла.
И комкал небосвод себя в тот луч, и сам он
На крышу был похож из стали и стекла.

Дождь

И трепет был решен уже хорошим ливнем,
И каплями дрожал, и каплями блестел...
Вода сгущалась в возбуждении в богиню,
И каждый шаг ее, как выстрел, щедро
спел.
Это Она из-за гор выпускала
жить радостный ливень,
Это Она отцепила от крыши звенящей
смешную улитку,
И раздевалась потом вдалеке все Она же,
в белеющих ивах –
Очень прозрачная, светлая очень,
вся в солнечных сливках.

Покой

Наслажденье деревьев,
заботливо вспоенных.
Наслажденье своей болтовнею
бурлящих потоков.
Наслажденье трели щегла,
и кристально-спокойное
Наслажденье счастливого вечера.
Только-то...

Рассвет

Холм голубой укутан ароматом розмарина.
И в глубине полей услышан
куропатки свист.

ПЕРЕВОДЫ

Елена ЕЛЬЦОВА

доцент высшего
института языков
Университета Карфагена,
г. Тунис

МИФОЛОГЕМЫ В ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОМ ПОЛЕ ПЕРЕВОДА (на материале русско-удмуртских соотнесений)

Мифологические категории каждого языка сформировались на том историческом этапе развития народа, когда отсутствовало научное сознание. На этом этапе реальные знания о мире, объяснения окружающего мира компенсировались доступными наивными представлениями. Неразработанность абстрактных понятий в сознании человека приводила к персонифицированию сил природы, выражая универсальное через реальное. Тем самым, неразвитость абстрактного мышления компенсировалась мышлением образно-чувственным, а логический анализ заменялся метафорическим отождествлением непонятных природных феноменов с конкретными образами реально существующих или вымышленных существ. При этом персонификация природных феноменов, лежащих в основе мифологии, осуществлялась каждым этносом в самобытных формах и выражала, тем самым, творческие потенции этноса.

В силу этого мифические категории представляют собой результат деятельности логико-понятийного компонента этнического языкового (обыденного) сознания. (О.А. Корнилов. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. Москва: М. МААЛ, 1999. С. 271). Мифологические категории составляют неотъемлемую часть когнитивной базы любого народа и, соответственно, являются

полноправными составляющими языковой картины мира.

В переводном процессе зона мифических категорий принадлежит практически в полном объеме к безэквивалентной или частично эквивалентной лексике, так как в персонификации природных явлений, прецедентных фольклорных и литературных образов выражается самобытность творческих возможностей каждого этноса. Переводчик, передавая средствами родного языка «чуждые» собственным национальным архетипам мифологические сюжеты, образы исходного текста и культуры, бессознательно «искажает» их, что приводит к смене ассоциативного плана.

Рассмотрим смысловые особенности репрезентаций мифологических категорий *Ангел*, *Дух*, *Рай* и *Ад* на основе соотнесения русских классических произведений А. Пушкина и М. Лермонтова с переводами на удмуртский язык в интерпретации признанных поэтов: Гая Сабитова, Афанасия Лужанина, Михаила Петрова и других.

Ангелы представлены в библейских текстах как «служебные духи» единого бога, вестники бога. Они нематериальны, обладая «духовным телом», однако несовершенны по сравнению с Богом, в силу чего могут «отпасть». (Библейский энциклопедический словарь: Перевод со шведского. Составитель Э. Нюстрем. Под редакцией

И.С. Свенсона. Торонто: Библийская лига, 1979. С. 19-20; Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах. Главный редактор С.А. Токарев. Т. 1. Москва: «Советская энциклопедия», 1987. С. 76).

В собственно удмуртском религиозно-мифологическом пантеоне *ангел* как божественный посланник не представлен. В результате последующего религиозного синкретизма ангелом-хранителем выступает Кылчин, являющийся изначально творцом земли и растительности.

Сравним перевод Г. Сабитовым строк из «Бахчисарайского фонтана» А. Пушкина:

Спорхнувший с неба сын эдема,
Казалось, ангел почивал.
Вылысь инмысь татчы лобем
Кылчин кӧлэ кадъ кожалоод.
(С небес сюда прилетевший
Кылчин, кажется, спит).

(Здесь и далее подстрочный перевод автора статьи. – *Ред.*).

Вместе с тем, в некоторых удмуртских переложениях лексема *ангел* получает индивидуально-авторское толкование. Так, в приведенном ниже примере *ангел* переведен на удмуртский язык как «инмысь лул» (небесная душа). Сравним перевод А. Лужаниным поэмы М. Лермонтова «Мцыри»:

В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полет
Прилежный взор следить бы мог.
Со чук инбам вал сокем дун,
Умой быгатысал адзыны
Инмысь луллэсь лобамзэ.
(Это утреннее небо
Было настолько чистым, –
Хорошо смог бы увидеть
Небесной души полет).

Лексическая замена *ангел* – *инмысь лул* (небесная душа) привела к трансформации народно-христианского образа и несоответствию, противоречию с собственным национально-религиозно-мифологическим представлением о душе. В удмуртском тексте представлен не ангел, вестник Бога, а небесная душа, буквально – «душа с небес».

Небо в представлении удмуртов является местом обитания Инмара – верховного божества. С другой стороны, *лул* является душой живого человека и может покидать его тело. Тем самым, в тексте перевода создан образ души живого человека, покинувшей тело и, в силу этого, – небесной, божественной. Сочетание *инмысь лул* (душа с небес) не употребляется в удмуртской речи, являясь индивидуально-авторским переложением лексемы *ангел*.

Близкой к мифологеме *ангел* выступает лексема *дух*. В эпоху зарождения христианства понятие *души* и *духа* дифференци-

ровалось. Помимо представлений о духе как дыхании и некой единой внутри конкретного человека надындивидуальной субстанции, выделяется и собственно религиозно-мифологическое представление духа. Так, в Библии выделяется несколько значений понятий духа: дыхание, дух жизни от Бога; бессмертный дух человека, понимаемый как внутренняя глубина существа, в которую проникает душа; дух как духовное существо, отделенное от души и тела. В последнем значении мифологема *дух* близка к значению мифологемы *ангел*. При этом духи-ангелы разделяются на добрых и злых. *Дух* в первых двух значениях соотносится с удмуртской лексемой *луб* (душа живого человека), которая представляет собой некую идеальную (нечувствительную) субстанцию жизни, а также дыхание. В текстах Евангелий и Псалтырей на удмуртском языке сочетание *святой дух* переносится без каких-либо изменений, полностью заимствуется.

Зачастую эти невидимые, неосязаемые существа вербализуются в удмуртском варианте лексемой *вужер* (тень, привидение). Сравните перевод Г. Сабитовым строк из поэмы А. Пушкина «Бахчисарайский фонтан»:

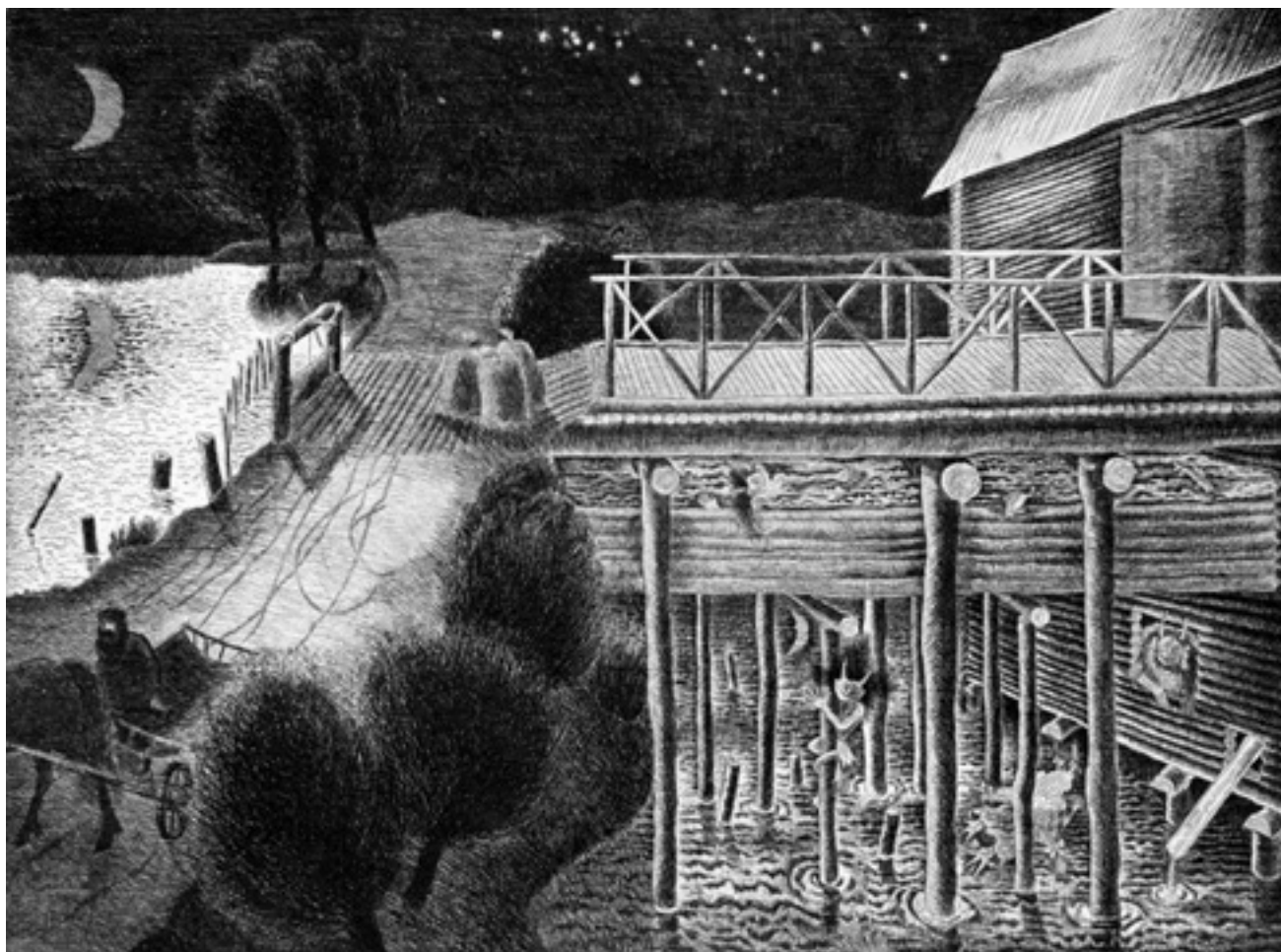
Как дух, она проходит мимо...
Вӧзтиз ортчиз, вужер сямен...
(Прошла мимо, словно привидение...).

Передача лексемы *дух* словом *лул* противоречит не только национальному представлению удмуртов о душе, но и не соответствует дистрибуции и словоупотреблению в удмуртском языке. (Е.Н. Ельцова. Понятие «Душа» и «Сердце» в концептосфере русского и удмуртского видения мира (на материале поэзии). Пермистика XIV: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Сборник научных статей. Кудымкар, 2012. С. 228-231).

Сравните перевод А. Лужаниным лермонтовских строк из поэмы «Мцыри»:

И мне, лишь сумрак настает,
Незримый дух ее поет.
Жыт пал жожмыт гинэ луэ
Адзонтэм лул кырза сое.
(Под вечер, как только наступает сумрак,
Невидимая душа ее поет).

Лул (душа) как чистая субстанция дифференцирована от сердца как локализация чувственной сферы внутреннего мира человека, не персонифицирована, поэтому сочетание «адзонтэм лул кырза» («невидимая душа поет») не соответствует наивной картине мира и противоречит нормам удмуртской дистрибуции. Если в русском узусе адекватно употребимы выражения «душа (сердце) поет», то удмурт может сказать только «сюлэм кырза» («сердце поет»).

Лунная ночь. Художник Менсадык Гарипов.
Из иллюстраций к книге «Мифы, легенды и сказки удмуртского народа».

Таким образом, переводчик, буквально передавая оригинальную строку, не учел специфики расхождений значений лексем *дух*, *лул* и дистрибуцию последней, что привело к асимметрии мифологических категорий. Подобное несоответствие представлено и в следующем примере. Сравните:

Туда вели ступени скал;
Но лишь злой дух по ним шагал,
Когда, низверженный с небес,
В подземной пропасти исчез...

(М. Лермонтов, «Мцыри»)

Отчы изо пад'за ваське,
Соос вылтй кукe лэзькем
Инмысь лек лул гинэ аслаз
Музьем пыдсы усён дыр'яз...

(Перевод А. Лужанина)

(Туда каменная лестница спускается,
По ним когда-то
Спустилась злая душа,
Под землю низвергаясь...).

«Злой дух» в библейском словаре определяется как дух, противоположный духу божьему, проявляющий свою силу над душой и телом человека. В приведенном тексте М. Лермонтов аллегорично выражает дух отрицания – дьявола, низверженного богом с небес.

Христианское представление о злом святом духе исходит из дуализма добра и зла, Бога и Дьявола. В удмуртском варианте буквальный перевод *лек лул* – *злая душа* снимает данный библейский мотив и, с другой стороны, противоречит удмуртскому представлению о нечистой силе.

Средоточием темных, злых и разрушительных сил являются Луд, Керемет, Шайтан, – по существу, разные названия одного и того же злого божества. При этом Керемет (Шайтан) в удмуртской мифологии трактуется как брат Инмара, и лишь после ссоры они становятся антиподами (сравните библейские сюжеты о низвержении дьявола с небес). Злые духи зачастую ассоциируются у удмуртов с различными болезнями: Кыж – нечто грязное, нечистоплотное; Дэй – дух, насылающий грыжу, и так далее. (В.Е. Владыкин. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Опыт реконструкции традиционного мировоззрения дореволюционного удмуртского общества. Ижевск, 1990. 450 с.; Удмурты: историко-этнографические очерки. Научный редактор В.В. Пименов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993. С. 233). Они являются мифологическими существами, персонифицированным образом

непонятных и страшных для человека сил.

Христианский дуализм добра и зла, божественного и нечистой силы,рая и ада восходит к языческому противопоставлению верха и низа, небесного и земного, божественного и царства мертвых (сравните представление о мировом древе, где нижний, подземный мир олицетворяет мир мертвых, средний – человеческий, окультуренный, верхний – божественный).

В удмуртском религиозно-мифологическом мировоззрении присутствует четкая дифференциация загробного мира (*сопал дунне – тот мир*) и мира живых (*та дунне – этот мир*). Как в славянском, так и в удмуртском фольклорном представлении небо ассоциируется с небесными, праведными и божественными силами, а подземный мир, болота, овраги и ямы – с силами нечистыми и темными. Соответственно, христианское представление о рае и аде не противоречило языческим воззрениям.

Лексемы *рай* и *ад* вошли в удмуртский язык с христианизацией. В избранных нами контекстах выделяются следующие фоновые семантические доли: *ад* и *рай* представлены как противоположные ипостаси – ад устрашающ для человека, рай прельщает. Сравните:

Не страшился б муки ада,
Раем не был бы прельщен.

(М. Лермонтов, стихотворение
«Для чего я не родился...»)

Ад шуон кышкыт ой луысал,
Чик ой жутсал рай шуон.

(Перевод А.Багая)

(Так называемый ад был бы не страшен,
Совсем бы не поднял настроение

так называемый рай).

В приведенном фрагменте помимо выделенных фоновых семантических долей репрезентируется основная и внутренняя доминанта христианского представления об аде («муки ада») в рамках русской картины мира, что снято в удмуртском тексте.

В Новом завете ад определяется как «мука вечная», «тьма внешняя», по-церковно-славянски – «тьма крошечная». (Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах. М.: Советская энциклопедия, 1987).

В представлении русских рай локализован на небесах, за облаками, в святом краю, где находит приют безгрешный дух. В удмуртских текстах рай расположен на чистых небесах, где покоится душа. Сравните:

Но что мне в том? – пускай в раю,
В святом, заоблачном краю
Мой дух найдет себе приют...

(М. Лермонтов, «Мцыри»)

Нош мар мыным? – бен мед райын,
Пилем серысь чылкыт инмын,

Инты шедьтоз мынам лулы.

(Перевод А. Лужанина)

(Но что мне? – да пусть в раю,
За тучами в чистом небе
Место найдет моя душа).

В представлении двух рассматриваемых лингвокультур *рай* связан с вечной жизнью в отличие от *ада*, который представлен как мука вечной смерти. Сравните:

Увы! – за несколько минут
Между крутых и темных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял.

(М. Лермонтов, «Мцыри»)

Нош мон – меё гурезьёс куспын,
Кытын келяй пинал дырме,
Ог минутёс понна гинэ
Сётсал раез но даурез.

(Перевод А. Лужанина)

(А я – среди крутых гор,
Где провел детское время,
Лишь за несколько минут
Отдал бы рай и вечность).

Рай как лоно мира на небесах противопоставлен пустыне мира. В удмуртском тексте «этот» мир, мир живых, противопоставлен «тому» миру – миру мертвых, миру тишины. На наш взгляд, это выражение не христианского, а языческого представления. Сравните:

Что делать ей в пустыне мира?

Уж ей пора, Марию ждут.
И в небеса, на лоно мира,
Родной улыбкою зовут.

(А. Пушкин, «Бахчисарайский фонтан»)

Ма карыны та дуннеын?

Я, дыр вуиз, сое вите
Со дуннее, чалмытлыке,
Либыт серекъяса, өте.

(Перевод М. Петрова)

(Что делать ей в этом мире?

Время пришло, ее ждут.

На том свете, в тишине,

Спокойно смеясь, зовут).

Мифологические категории в рамках художественного текста генерируют архетипические смыслы и эксплицируют присутствующие лишь своей картине мира представления, ассоциации.

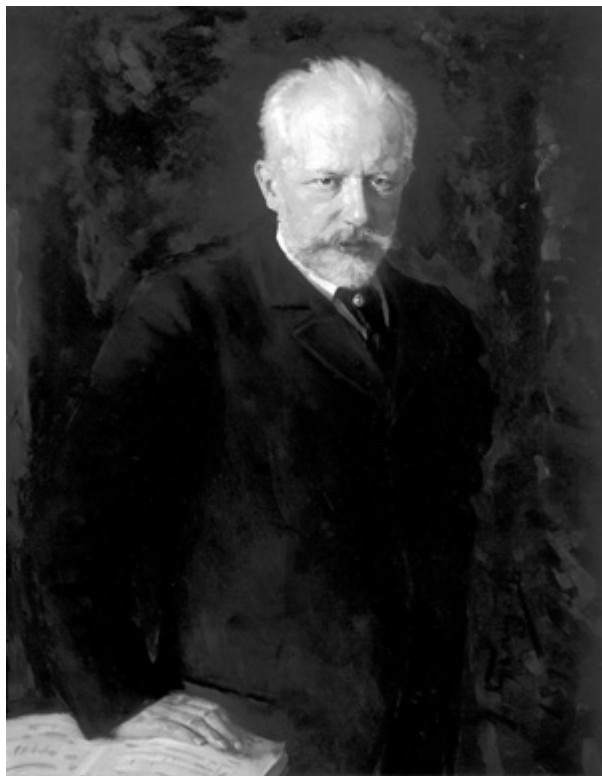
Приведенные в статье соответствия/несоответствия фоновых семантических долей рассмотренных лексем в русском и удмуртском текстах репрезентируют наивно-бытовое и христианское представление русскими мифологических категорий, синтез языческого и христианского в представлении удмуртов. В мировоззрении удмуртов доминирует языческое, природное верование, основанное на обожествлении различных сил природы, что так же повлияло на формирование языковой картины мира.

Ариадна и Ольга ГОЛУБКОВЫ

музыковеды-историки,
г. Ижевск

В мае 2015 года человечество будет отмечать 175-летие со дня рождения Петра Ильича Чайковского. В преддверии этой даты «Италмас» продолжает публикацию серии статей, посвященных русскому гению музыки. (Смотрите статью Сергея Решетникова «Отец великого композитора Илья Петрович Чайковский» в шестом номере нашего журнала за прошлый год).

ПЕТР ИЛЬИЧ ЧАЙКОВСКИЙ И КУЛЬТУРА ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ

Тема «Чайковский и культура Вятской губернии», раскрывающая двухсотлетний период жизни рода Чайковских (семьи деда композитора, семьи отца, где вырос композитор), мало освещается в научной литературе и, к великому сожалению, до сих пор носит полемический оттенок. Биограф Чайковского Модест Ильич утверждает, что стремление к творчеству появилось у Чайковского лишь в Петербурге в начале 60-х годов, что отец был поверхностным человеком и «в сфере наук и искусств далее самого первобытного дилетантизма не заходил». Сам Петр Ильич писал довольно сдержанно: «В точности не знаю, кто были мои предки со стороны отца. Мне известно только, что мой дед был врач и жил в Вятской губернии, а засим мое генеалогическое древо теряется во мраке неизвестности».

Племянник Чайковского Юрий Давыдов в своих воспоминаниях, опубликованных в Ижевске в 1940 году, высказывает другое мнение: «Я расспрашивал близких родных, помнящих детские годы композитора. К этим родным я отношу мою мать Александру Ильиничну – сестру Петра Ильича – и его двоюродных сестер Лидию Владимировну, впоследствии Ольховскую, и Амалию Васильевну Шоберт, впоследствии графиню Литке. Из бесед с ними я составил себе твердое убеждение, что высказывание моего дяди Модеста Ильича не вполне верное. Уже в раннем детстве Петр Ильич проявил исключительную музыкальность и любовь к музыке. Это чувство поддерживалось в семье».

Изучение вятской ветви семьи Чайковских началось в 70-е годы XX века, по пред-

ложению К.Ю. Давыдовой, внештатным сотрудником Дома-музея в городе Воткинске В.И. Пролеевой. Архивные материалы 18–19 столетий, собранные этим светлым человеком в Вятке, Москве, Петербурге, Полтаве, работы историков, этнографов, лингвистов по Вятскому краю дают нам возможность высказать некоторые предположения о культуре края и определить эстетические параметры музыкального искусства Воткинска, Вятки – городов, где протекала жизнь вятской ветви семьи Чайковских и где вырос Петр Ильич.

Дед композитора Петр Федорович Чайковский прибыл в Приуралье в 1776 году. Он родился в 1745 году на Украине, его род имеет казачьи корни. В прошении на имя Екатерины Второй он пишет: «Я по желанию моему находился у обучения латинского языка в Киевской академии, где по науке дошел до школы риторики. А ныне для определения к медико-хирургической науке имею в Санкт-Петербург прошение...». Приглашение к обучению медико-хирургии из Государственной медицинской коллегии поступило в 1769 году. Затем Петр Федорович участвует в русско-турецкой войне, после чего определяется на Пермскую землю и в 1776 году вступает в должность городского лекаря города Кунгура. В Вятке Петр Федорович занимал высокие должности. Он был приписан к дворянскому сословию и занял сначала должность дворянского заседателя в Вятском совестном суде, затем был городничим города Слободского, а в последующие двадцать два года – городничим города Глазова.

Что было характерно для культуры Вятки в 18–19 веках? Провинциальную культуру мы, к сожалению, и сегодня усиленно стараемся не замечать, не включая ее в музыкальный исторический процесс. Ее в свое время недооценивали (и писали об этом) Владимир Набоков и Франц Кафка. Николай Бердяев рассматривал огромные пространства России как «географию русской души», жалея при этом русского человека. По-разному относился к ней Антон Павлович Чехов. Это болезненно переживал Петр Ильич Чайковский: здесь один из парадоксов его биографии.

Культура Вятки имела в 18 веке европейский уклон. Она радовала пришедшими из Польши, Украины и Белоруссии одами и кантами. В городе, в Вятской духовной семинарии, проходили философские диспуты. Здесь находилась уникальная библиотека книг на латинском и польском языках выпускника Киево-Могилянской академии, соратника Феофана Прокоповича, автора драмы «Иосиф патриарх» вла-

дыки Лаврентия Горки. В 1780 году в день открытия наместнического правления город Вятка был иллюминирован, а Вятская семинария преподнесла оды и канты, раскрывающие взгляд современников на формы тогдашнего царствования.

Интересная концертная жизнь с гимназическими балами, концертами, выступлением гастролирующих музыкантов была в городах Вятского края в 19 веке.

Вятский наместник выделяет как «одного из достойнейших и способных» людей Вятки П.Ф. Чайковского, который был знаком с выдающимися личностями своего времени: преосвященным Вениамином (В. Пуцек-Григоровичем), основателем Ижевского оружейного завода, директором Горного департамента, директором Горного кадетского корпуса А.Ф. Дерябиным, священником Вятского Богоявленского собора Е.М. Блиновым. Родственные связи сблизили его с педагогом Вятского духовного училища В. Рапинковым, управителем Ижевской конторы Камских заводов В. Широкиным, заседателем Слободского земского суда В. Поповым. (В.И. Пролеева. Чайковские на Урале. Илья Петрович Чайковский. Жизнь и деятельность. Ижевск, 1979).

Следующее поколение семьи Чайковских – дети городничего – тоже жили в Вятской губернии. Среди них судьи, видные чиновники, в том числе – и отец будущего композитора Илья Петрович Чайковский.

В 1808 году Илья Петрович окончил Вятское народное училище, в 1817-м – Петербургский горный корпус с серебряной медалью, несколько лет был преподавателем этого учебного заведения и занимался научной работой в составе Ученого комитета Горного корпуса. Затем был произведен в подполковники Корпуса горных инженеров и в 1837 году назначен горным начальником Камско-Воткинского завода. За службу был награжден орденом Станислава второй степени, орденом Анны второй степени и орденом Владимира третьей степени.

Деловые качества И.П. Чайковского были хорошо известны в технических кругах и правительстве. С именем Ильи Петровича связана знаменательная страница в истории Воткинского завода, который до 40-х годов был металлургическим предприятием, производившим железо и якоря. При Илье Петровиче в Воткинске зарождается машиностроение и пароходостроение.

Любовь сослуживцев Ильи Петровича завоевали независимостью суждений. Он был далек от корыстолюбия, тщеславия, был внимателен к людям. Каждого, кто строил в поселке дом, он вызывал к себе и уговаривал строить первый этаж из кирпича, чтобы

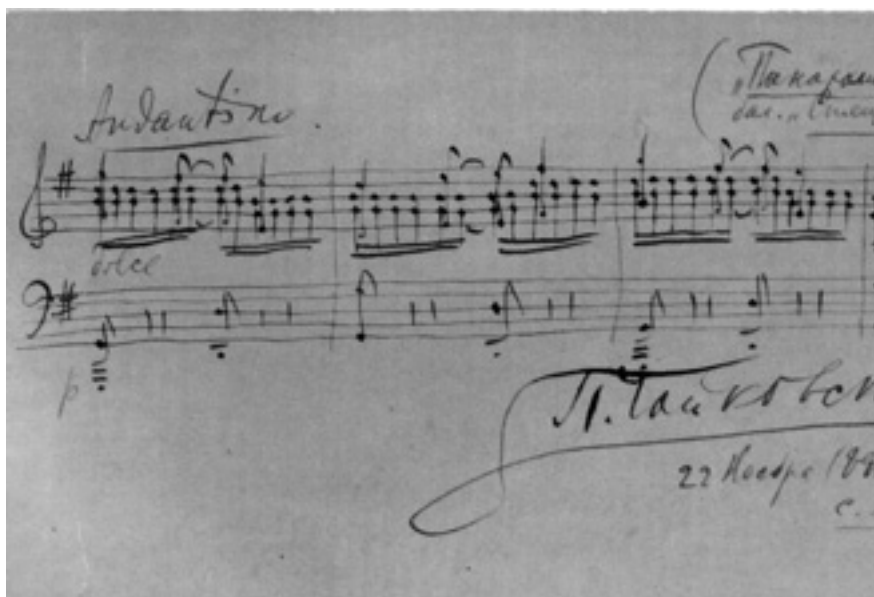
Дом-музей Чайковских в городе Воткинске.

не изводить понапрасну лес: вероятно, он любил природу. Илья Петрович имел много друзей, его любили за приветливость обращения и постоянную готовность войти в положение каждого. «Признаюсь, не люблю суету, я привык жить в небольшом кругу добрых людей и совершенно следую правилам Цезаря: лучше в деревне быть первым, чем в Риме последним».

Свой долг Илья Петрович видел также и в создании культурных традиций в Воткинске. Он немало заботился о благоустройстве заводского поселка, о просвещении детей мастеровых (в период его управления было открыто Окружное училище), о пополнении библиотеки завода литературой по различным отраслям знаний, особое внимание уделял музыке. Выпускник Горного корпуса Н.С. Шарин пишет: «В Горном корпусе преподавались музыка и танцы, фехтование, английский, немецкий и латинский языки. Чайковский с большим удовольствием занимался изящными искусствами. В корпусе можно было обучаться игре на скрипке, виолончели, контрабасе, флейте, кларнете и других инструментах. Чайковский выбрал флейту».

Илья Петрович собирал у себя дома исполнителей, живо интересовался событиями театральной музыкальной жизни столицы, о чем говорят получаемые им журналы и страницы его писем к жене, в которых он просит «прислать ноты», «послушать оркестр Германа в Павловске», «побывать в Дворянском собрании». Характерной чертой культурных интересов семьи было стремление к новинкам литературы, музыкального искусства. Поскольку нас особо интересует личность Петра Ильича, то необходимо отметить, что Илья Петрович был русским дворянином и считал культурные традиции провинциальной дворянской культуры важным моментом в воспитании детей.

Не случайны воспоминания будущего композитора о восприятии исполнения романсов А.А. Алябьева. Бельгийский композитор Эжен Изаи как-то заметил: «Судьба музыкального произведения – в руках исполнителя». Мы редко говорим об этом, а между тем, известно, что исполнить произведение можно холодно и отчужденно, а можно мягко и тепло. То же относится и к педагогическому процессу. Петя Чайковский с теплотой вспоминал уроки гувер-

Фрагмент партитуры к балету «Спящая красавица» П.И. Чайковского. Автограф.

нантки Фанни Дюрбах, педагога музыки М. Пальчиковой.

А.А. Орлова вспоминает: «Дети жили от взрослых самостоятельной жизнью (в комнатах мезонина), бывать в гостиной им разрешалось только по праздникам. Много времени они уделяли прогулкам. Дом начальника завода был расположен недалеко от большого парка. До сих пор сохранился огромный пруд с живописными берегами. Это были обычные места для далеких прогулок: летом купание, катание на лодках, пешеходные экскурсии, а зимой поездки в лес на санях. Навсегда остался в памяти Петра Ильича этот прекрасный и суровый край». (А.А. Орлова. Петр Ильич Чайковский. Краткий очерк жизни и творчества. Ленинград, 1955. С. 5).

Неравнодушие Ильи Петровича к событиям музыкальной жизни способствовало выявлению ранней музыкальности Петра Ильича. Снова вернемся к воспоминаниям Юрия Давыдова, который особенно выделял умение маленького Пети «очень точно подбирать аккомпанемент к любой услышанной им песне», удивлялся его импровизациям, когда шестилетний Петя «садился за рояль и рассказывал сказки, тут же им придуманные, иллюстрируя их игрой на рояле. Появление грозы, какого-нибудь сказочного духа всегда изображалось им в басах... А когда появлялась весна-красна или добрая фея, то это сопровождалось лирическими звуками в верхних регистрах.

Когда оставался один, он любил импровизировать более серьезные вещи... Раз услышанную во время прогулки песню он сразу запоминал и сейчас же подбирал ее на рояле всегда очень верно».

Юрий Давыдов замечает, что любовь к природе, к строгому распорядку дня, которого Чайковский придерживался всю свою жизнь, тоже родились в городе Воткинске. «Петр Ильич всегда с сильным волнением говорил о своих детских годах как о самом радужном периоде своей

жизни. Мне много раз приходилось слышать восторженное описание красот природы, рассказы о людях, его окружающих, и все эти люди были какими-то совершенными, чуждыми людских недостатков. Слушая его, можно подумать, что в Воткинске все было особенное, все было красочно-красивое и жители его были тоже какими-то особенными».

Думаю, что сегодня, располагая новыми архивными данными и новыми работами наших удмуртских историков, можно высказать предположение, что Воткинск явился для Петра Ильича Чайковского основой эстетических взглядов на поэтическое и музыкальное творчество. Воткинск «заставил» будущего композитора полюбить северную природу, северную созерцательность, вдумчивость, особую душевность, полюбить северную народную песню.

Философские основы сочинений композитора, их глубоко северорусский характер в начале 20 века были близки широкому кругу композиторов и художников, их интересу к экзотическому северу, к творчеству Г. Ибсена, Э. Грига, Я. Сибелиуса. Финская и скандинавская живопись экспонировалась на вернисажах Дягилева; «Калевала» восхищала М.М. Ипполитова-Иванова, А.К. Глазунова, А.К. Лядова; восторженных похвал удостаивались сказочные полотна выросшего в Вятке В.М. Васнецова. Но П.И. Чайковский в Москве и Петербурге, опасаясь чужого снобизма и боясь, что «могут не понять», избегает разговоров о своем счастливом детстве в провинциальной дворянской усадьбе...

Николай ПИСЛЕГИН

ученый,
историк,
г. Ижевск

К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ НАРОДОВ УДМУРТСКОГО ПРИКАМЬЯ В XIX ВЕКЕ

Советской этнографической наукой в относительно недавнее время при всемерной поддержке «партии и правительства» создавался конструкт «советский народ». В 1980-е годы он ушел в прошлое, вскоре, в том числе в волне национальных движений, исчез Советский Союз. Сегодня, уже в рамках Российской Федерации, опять можно говорить о нестабильности в сфере межнациональных отношений. Определенные ее признаки можно отметить и на территории, казалось бы, относительно благополучной в этом отношении Удмуртской Республики.

Вместе с тем, возможно, аналогии с современной ситуацией можно видеть и в прошлом. При обращении к менталитету удмуртского народа, среди прочего, принято подчеркивать его миролюбие, доброжелательность, стеснительность «до робости» (В.Е. Владыкин, Л.С. Христолюбова. Этнография удмуртов: Учебное пособие по краеведению. Ижевск, 1997. С. 24). Существует пословица: «Зуч — гондыр, бигер — кион, удмурт — сяла» («Русский — медведь, татарин — волк, удмурт — рябчик»). Архивные источники также называют удмуртов «по природе трусливыми и вместе с тем до глупости осторожными» (ГАКО. Ф.

21. Оп. 1. Д. 1806. Л. 279, 286–287 об.).

Но они же приводят примеры, опрокидывающие подобное мнение: удмурты прямыми действиями, зафиксированными в документах, могут неожиданно (или вполне ожидаемо?) громко заявить о себе.

Так, 28 августа 1860 года нарушилась достаточно размеренная предреформенная жизнь нашего края. В этот день жители трех волостей (Большенорьинской и Бурановской волостей Сарапульского уезда и Ильинской волости Елабужского уезда), собранные сельскими старостами и выборными «под видом понятых», общей численностью более семисот человек окружили деревню Агрыз, вошли в нее «большой толпой» и произвели самосуд над тринадцатью ее жителями, обвиняя их в воровстве лошадей и скота.

Первоначально, правда, пытались действовать «официально»: имело место обращение к агрызскому волостному голове о сборе понятых. Однако почти сразу десятиники и сотник, которые должны были выполнить это поручение, стали избиваться. Раздавались угрозы повесить следственно-го пристава «на елке», крики, что надо бить богатых: они выдадут воров.

Один из предводителей, житель де-

ревни Кваскашур Данило Алексеев (Кондрашка), утверждал, что имеется бумага от начальства на избиение татар. Согласно свидетельству агрызского волостного головы А. Абдул-Латыпова, попадавших на улице татар «жестоко избили и оставили в более опасном положении, чем они найдены при свидетельстве г[осподами] земским исправником и окружным начальником, так как к поправлению их здоровья были приняты тотчас всевозможные домашние меры и средства».

Имели место и случаи откровенного грабежа. В частности, согласно показаниям А. Нигматуллина, его, возвращавшегося из лавки домой, избили, а затем некий удмурт Наум из деревни Багряш сорвал с его головы тюбетейку и забрал кредитный билет в два рубля серебром. Поводом к выступлению (или последней каплей, переполнившей чашу терпения) стала кража лошади у одного из удмуртов Ильинской волости. За последнюю агрызец Абдулманан Абдулханов (Карга) взял выкуп в восемь рублей серебром, но лошадь не вернул. Позже выступившие удмурты насчитали от сорока до семидесяти человек, которых, по примеру событий более чем двадцатилетней давности, следовало выселить.

В 1834–1835 годах с подачи адъютанта великого князя Михаила Павловича гвардии полковника И.М. Бакунина шло следствие «о покражах и грабежах татарами в окрестностях Ижевского завода». В июне 1834 года в присутствии специально откомандированного из Вятки чиновника Эрна, а также дворянских заседателей Сарапульского земского суда Дунаева и Назарьева сход Даниловской волости, к которой принадлежали на тот момент татарские деревни Агрыз, Ижбобья и Ижбайки, постановил «удалить из жительства со всеми семействами» сто тридцать девять человек. Значительная их часть действительно была отдана в рекрутчину либо выслана в Сибирь.

Эти события трансформировались в публицистике тех лет в «грабеж среди белого дня» несколькими татарами Агрызской волости многолюдной удмуртской деревни (Н. Пислегин, В. Чураков. «Контактные зоны удмуртов и татар». История татар с древнейших времен в VII томах. Т. VI. Формирование татарской нации. XIX – начало XX веков. Казань, 2013. С. 638). Прошло следствие, был вынесен мирской приговор. Этнически однородное общество Агрызской волости согласилось на ссылку лишь трех человек, расстаться с которыми было наименее болезненно.

Этого было явно недостаточно для вла-

сти и возмущившихся соседей татар, поэтому в марте 1862 года был составлен новый приговор «об удалении из общества» восемнадцати его членов. Вятская палата государственных имуществ представила к высылке еще десять человек.

По мнению сарапульского земского исправника Н. Рассихина, причиной «развития воровства между татарами агрызскими» стал недостаток земли: чуть более двух десятин пашенных и полутора десятин сенокосных угодий на ревизскую душу. Для разрешения проблемы он предлагал половину населения Агрыза выселить «на особо отведенные пустопорожные места», в татарских деревнях Агрыз, Ижбобья и Ижбайке, а также в уездном городе Сарапуле отвести специальные места для закладки скота.

Н. Рассихин также отмечал, что помимо Агрызской волости кражи скота были распространены и в других пограничных волостях уезда – Тойкинской, Нылгижикьинской и Соколовской, кроме того, кражами лошадей занимались удмурты деревни Чужьялово Веньинской волости, находящейся «в лесах» в двенадцати верстах от Ижевского завода. Упомянутый выше Кондрашка, помимо отмеченных действий, обвинялся еще и в изнасиловании (ГАКО. Ф. 576. Оп. 1. Д. 90. Л. 1-1 об., 3-8 об., 23-25, 36-36 об., 73, 98-99; ЦГА УР. Ф. 241. Оп. 1. Д. 633. Л. 8-18 об., с. 148–149).

Сведения «образованных» современников, отраженные, в частности, в статистических описаниях Вятской губернии середины XIX века, часто неприглядно обрисовывают нерусские народы края, в том числе, – и татар. Отмечается склонность последних к тяжбам, воровству, мошенничеству и обману, хищничество, страсть к конокрадству, мстительность при внешнем раболепии, пронырливость и тому подобное; примечаются влечение к «мелкой» торговле, иногда к ремеслу, роскоши («удобству жизни»), «негрубой» пище и нелюбовь к хлебопашеству. «Положительных» свойств отмечается меньше: внешний облик и способности, близкие к русским, трезвость, неприятие разврата, рукоприкладства по отношению к женщине, стремление к чистоте, а также благодущие, гостеприимство и общительность (Н.В. Пислегин. «Некоторые заметки о татарах «удмуртских» уездов Вятской губернии в дореволюционную эпоху». Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Сборник статей. Выпуск 2. Казань, 2011. С. 98).

С одной стороны, несомненен субъективный фактор в даче таких характеристик – чиновники, миссионеры, учителя и прочие начинают озабочиваться «бре-

менем белого человека». С другой, – здесь мы солидарны с А. Каппелером, – высокий уровень гигиены и, шире, социально-культурной организации (пусть даже в особой форме, например, так называемой грамотности «по-татарски»: староарабское письмо) способствовали значительному приросту населения. Это, однако, усугубляло малоземелье и приводило к более значительной, чем у других народов, имущественной (и поведенческой) поляризации (А. Kappeler. Russlands erste Nationalitäten. Das Zarenreich und die Völker der Mittleren Wolga vom 16. bis 19. Jahrhundert. Köln-Wien, 1982. S. 425, 444, 454). На одном полюсе были люди с делинквентным поведением, на другом – «торгующие татары» и купцы.

В свете вышесказанного отметим, что подобные случаи конфликтов, в которых можно увидеть национальную подоплеку, в Удмуртском Прикамье накануне и в эпоху Великих реформ имели место. Те же татары около 1861 года учинили «буйство» против русских удельных крестьян в Елабужском уезде, а в 1846-м сарапульский городской голова Чернов обозвал ратмана М. Варачева «черемисином». Когда же последний привлек к засвидетельствованию конфликта сторонних лиц, уже в присутствии свидетелей Чернов «с озарностью соскочил со стула, подошел к нему, сказал, что он повторяет ему, что он хуже черемисина» (НА РТ. Ф. 986. Оп. 1. Д. 560; ЦГА УР. Ф. 237. Оп. 1. Д. 210. Л. 3-3 об.). Налицо то, что мы сегодня называем бытовым национализмом. Вместе с тем, не меньшее «буйство» могли учинить между собой жители соседних деревень с одинаковым этно-сословным статусом, например, в борьбе за покос (Н.В. Пислегин. Удмуртское крестьянство и власть: конец XVIII – первая половина XIX веков. Ижевск, 2010. С. 104–106).

Сопоставимые и, возможно, даже более обширные масштабы в сравнении с агрызскими событиями 1860 года приобрел конфликт, произошедший 1 августа 1853 года между жителями демидовского Камбарского завода Осинского уезда Пермской губернии и удельными крестьянами деревни Масляный Мыс Бирского уезда Оренбургской губернии. В этот день, согласно донесению удельной конторы, более семисот камбаряков, вооруженных «топорами, копьями, дрекольями и железными вилами», вторглись в удельную деревню, «во всех домах» разбили оконные рамы, сбили замки в чу-

ланах, амбарах и сундуках, ограбили «все имение», испортили телеги, колеса и «прочие земледельческие орудия», во многих избах разбили печи, трубы, в одном даже раскололи икону. Кроме того, было убито много скота и птицы и «прибиты» попавшиеся «под горячую руку» удельные крестьяне.

О произошедшем доложили Николаю I, который приказал «командировать на место штаб-офицера Корпуса жандармов, строжайше о том исследовать, отыскать настоящую причину такого неслыханного буйства и не было ли к оному подстрекателей, виновных судить военным судом». В реальности масштабы «буйства» оказались меньшими, однако следствие, произведенное вначале жандармским полковником Станкевичем, а затем Воткинским военным судом, продлилось несколько лет. Истоки этого конфликта опять же лежали в экономической сфере: удельные крестьяне вырубали лес, совершали потравы, вывозили приготовленное сено с лугов на реке Буй, некогда принадлежавших им. Камбаряки, получив наряд заводской конторы («дабы все, имеющие свои покосные участки [у] деревни Масляного Мыса, ехали и убирали сено вместе»), самоорганизовались и пошли громить удельных крестьян («чтобы они впредь не изъясляли притязания на их луга»). Подобный конфликт между ними впервые произошел еще в августе 1820 года (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 6841. Л. 2, 5-9, 15-17).

Современная этническая ситуация в нашем крае в целом, несмотря на достаточно часто встречающиеся проявления «бытового национализма», выглядит спокойной. Удмурты, татары, русские и многие другие народы и народности, говоря словами клише, умеют жить рядом друг с другом. В истории взаимоотношений между народами имели место события, подобные вышеописанным. Однако логичнее в них видеть, в первую очередь, проблемы социально-экономического порядка, которые общественное сознание (древнейшая дихотомия «мы – они»), а также, весьма вероятно, отдельные представители элит (либо контр-элит) пытались (пытаются) перевести в иное, межнациональное (в середине XIX века, возможно, этно-сословное) русло. Все это разбавлено действиями и лицами откровенно уголовного (криминального и тому подобное) характера. Обращение же к этническому менталитету необходимо осуществлять максимально широко.

РЕЦЕНЗИИ

Надежда ЛЕКОМЦЕВА

ученый,
филолог,
г. Ижевск

*Киясовский ромашковый край.
Учебно-методическое пособие
по профильно-филологической
подготовке старшеклассников.
Авторы-составители
Т.Н. Петрова, Н.В. Лекомцева.
Ижевск: Удмуртия, 2013.*

ПАНОРАМА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ РАЙОНА

Весной 2013 года в издательстве «Удмуртия» вышло учебно-методическое пособие под поэтическим названием «Киясовский ромашковый край», авторы-составители Т.Н. Петрова и Н.В. Лекомцева. На примере литературной жизни одного из двадцати пяти районов Удмуртии разворачивается идея возможности организации профильно-филологической подготовки старшеклассников на региональном материале, взятом вкупе с творчеством писателей России и мира. В сборнике панорама литературной жизни Киясовского района Удмуртской Республики охватывает почти столетний период. Художественное творчество региональных писателей представлено в фокусе жизни всей страны, освещены периоды ликвидации безграмотности среди удмуртского населения из глубинки усилиями русских учителей-просветителей; акцентировано внимание на судьбах участников Великой Отечественной войны, работников тыла; отражено движение писателей-«семидесятников» с их стилистикой в духе «тихой лирики» и другое.

Помимо затрагиваемых в классической литературе общечеловеческих проблем, в сочинениях местных авторов отразились специфические для Прикамского региона явления. В частности, произошедшие здесь важные исторические события (жестокие последствия колчаковского мятежа в период гражданской войны) и эпохальные социальные преобразования в обществе (колхозное строительство 30-х годов; негативные последствия «перестройки» 80-х, по высказыванию писателя П. Куликова, «расколовшей мир» и повернувшей социум к диким нравам капитализма), а также специфика сложившихся в XIX-XX столетиях дружеских межнациональных взаимоотношений русского и удмуртского народов; своеобразие социокультурного противостояния города и села в эпоху современной урбанизации, когда, по словам тонкого лирика Л. Лагуновой, «от рекламы – оскомины, и тоска – от людской суеты», и другое.

Отбирая материалы для этой книги, создатели сборника ориентировались на имена авторов – уроженцев Киясовского

района или творческих людей, давно проживающих в данной местности и публикующих свои сочинения в республиканских изданиях. Обязательным условием было наличие у авторов значимых в художественно-эстетическом плане произведений, которые тематически, проблемно, жанрово-стилистически, сюжетно, пообразно могут быть соотнесены с рекомендованными для изучения в 9–11 классах общеобразовательной школы произведениями отечественной и зарубежной классики.

Сборник «Киясовский ромашковый край» имеет трехчастную структуру. Первый раздел «Писатели Киясовского района» включает развернутые биографии тринадцати киясовских писателей, их фотопортреты, краткие библиографические списки со сведениями об их творчестве. Здесь же помещены рекомендованные для изучения на элективных курсах в 9–11 классе отдельные произведения этих авторов (стихи, рассказы, главы повестей, поэмы).

В данном разделе можно найти материалы об известных прозаиках Удмуртии А.П. Макарове, П.В. Куликове, Н.Ф. Долгове и лириках Киясовского района Г.М. Камашеве, В.И. Бубякине, Е.Н. Большаковой, А.В. Кунгурове, Н.Д. Шатровой, Ю.П. Баранове, Л.А. Лагуновой, М.Н. Санникове. Несколько страниц отведено эпической поэме прибалтийского поэта и художника В.И. Карманова, уроженца этих мест, и лирической прозе одаренной школьницы из Ермолаевской школы Е. Никифоровой. В разделе приведены примеры нотномызыкального сопровождения некоторых лирических текстов в интерпретации композиторов С. Трофимова, Н. Уткина, Г. Кузнецова, А. Сутягина, А. Кунгурова. Эта часть издания выстроена как малая литературная энциклопедия и как учебник-хрестоматия.

В объемном втором разделе «Всегда с тобой, моя земля!»: литературно-критические отзывы и сочинения учащихся о творчестве киясовских писателей» помещены аналитические материалы с интерпретацией отдельных произведений киясовских авторов, осуществленные преподавателями-словесниками Т.Н. Петровой, Н.В. Лекомцевой, Н.С. Мерзляковой, В.М. Бурлаковой, и отклики учащихся Ермолаевской школы на творчество местных писателей.

Составители сборника нашли также уместным включить в этот раздел отрывок из письма Р. Рождественского Г. Камашеву с оценкой творчества начинающего удмуртского поэта и обозначением перспектив его поэтического самосовершенствования. В издании акцентируется внимание на об-

разе лирического героя в его поэтическом собрании «Мынам шудбуре» (1976), на художественном мастерстве автора, уделяется внимание теоретико-литературным и лингвостилистическим аспектам творчества писателя, музыкальности и живописности его слога, а также исследуется возможность мотивного анализа для соотнесения его творчества с русской и зарубежной поэзией, в частности, с лирикой Ф.И. Тютчева и Ш. Петефи.

«Котьку тонэн чош, музьеме» («Всегда с тобой, моя земля») – в этой крылатой фразе заключена основная мысль всего творчества Г. Камашева. Не менее проникновенный лирический слог представлен и в поэзии В. Бубякина. В его стихах важное место уделяется звукописи и формам передачи эмоционального настроения лирического героя.

В двуязычном сборнике «Тузалчик кузя» (1999) собраны стихи, сюжетно-лирические зарисовки о современниках, элегии, басни. В стихотворении «В одном ряду» поэт высказал свое сокровенное пожелание:

Никто не скажет, что язык мой сух,
На нем пишу я песни и стихи,
Их земляки мои читают вслух,
Их распевают в селах пастухи.

Пейзажно-лирические мотивы преобладают и в творчестве русского поэта-песенника А. Кунгурова. Пожалуй, именно этому автору, безгранично влюбленному в родные просторы и чутко воспринимающему многообразие звуков, красок, форм природы, удалось в своих пейзажных стихах запечатлеть ментальную сущность мировидения жителей своего района. Автор не мыслит окрестный ландшафт без нарядного белоснежного цветка с золотым сердечком – ромашки, этого подлинного символа России. В воображении поэта белокипенное ромашковое поле, ромашковая излучина преобразуются в чудесный ромашковый браслет либо в нарядный венец. И даже само ощущение прочного человеческого счастья, по мысли поэта, обретает одновременно терпко-нежный ромашковый аромат (отсюда и проистекает метафора «ромашковое счастье»).

А. Кунгуров глубоко осмысливает темы природы, любви, окружающего мира. Каждое слово в его стихах преобразуется в некий символ. Сегодня по праву можно сказать, что всем своим творчеством поэт А. Кунгуров реализовал свое поэтическое кредо: «...я хочу о том, о чем душа сумеет, / В словах и песнях красоту родного края передать».

В творчестве Л. Лагуновой колоритные пейзажные зарисовки соседствуют с интимной лирикой. В них много страстно-

сти, драматизма. В стихах Л. Лагуновой обнаруживается активное ролевое начало. Мотив сновидений позволяет романтизировать образ героини и саму ситуацию, в которой она оказывается. Героиня активно перемещается в пространстве и времени.

Содержание стихов Л. Лагуновой с ролевым началом соотносится с балладным творчеством В.А. Жуковского, русской романсовой лирикой XIX столетия и поэзией французских трубадуров. В философских стихах сельской поэтессы обнаруживается много общего с сонетной лирикой В. Шекспира: в них говорится о мироздании, о сущности духовного облика человека, поэтесса размышляет о добре и зле, и все это сопровождается меткими афоризмами. «Старайся всех понять, старайся всех простить», – наставляет она своих близких друзей. Определяя свое собственное творческое и жизненное предназначение, она пишет: «Раз я названа Любовью – буду жизнь любить».

Для поэтической речи Л. Лагуновой характерны богатые метафоры, сравнения, неожиданные ассоциации: «заря – совершенное Солнца творение», «сердце – маленькая скрипка», «слезы-дорожки», «ночь – ворона кобылица», «туман над прудом – шелковая грива», «глаза собачьи – дальняя планета»...

Сердцем своим откликаясь на «исповедь песен» В. Высоцкого, Л. Лагунова посвящает памяти рано ушедшего из жизни российского барда свои собственные стихи.

Определенная камерность характерна для интимной лирики Е. Большаковой, в чьем творчестве горестные воспоминания об ушедшей любви занимают немалое место. В ее поэзии ощущаются мотивы, сходные с мотивами и темами классической русской лирики – произведений М. Лермонтова, А. Ахматовой, М. Цветаевой. Сама поэтесса неоднократно подчеркивала, что ей близка лирика С. Есенина и А. Блока. В стихах этих авторов она черпает поэтическое вдохновение, у них она учится подмечать красоту окружающего мира и нюансы душевного состояния человека. В стихотворении «Киясовскому району посвящаю» автор нашла удачный образ для изображения дочерней приверженности родному краю – это та самая «мелодия любви», которая включает в себя всю светозарность и многозвучие родной природы.

В стихах Н. Шатровой обнаруживается подспудное звучание некоего мощного многоголосого народного хора, исполняющего торжественные гимны и кантаты во славу России. И это ощущение не случайно, поскольку того требует сам жанр, в котором

творит киясовская поэтесса и общественный деятель Н. Шатрова. Высокопатетичным слогом она воспеваает родной удмуртский край: «То, что родиной зовется, / В сердце нашем на всю жизнь».

Безусловно, ее поэзия предназначена для хорового звучания. В стихах много специфических фраз и грамматических конструкций в форме призывов («Пусть будет вечным тихое журчание / Живой воды студеного ключа»), побуждений («Живи, село, судьбою беспечальною...»), заклинаний («Нельзя забыть начало биографии...»).

Н. Шатрова – автор песен о Киясове и окрестных деревнях – Кады-Салья, Кумырса. Смело раздвигая горизонты пространственного мышления своих земляков, автор на примере небольшой деревушки Кады-Салья утверждает планетарную значимость содружества селян: «Живет деревня на планете, / Живет она из века в век». Восхваляя свой край, в своих песнях-гимнах Н. Шатрова отображает мирозерцание сельских жителей Удмуртии.

Тема бескорыстного служения своему Отечеству красной нитью проходит сквозь все творчество поэта Ю. Баранова – будь то лирика батального жанра, пейзажного содержания, социальной тематики или философского плана. Первые стихи Ю. Баранов сочинил, служа в Приамурье. В его лирике этого периода запечатлена суровость армейских пограничных будней, дружеская поддержка в кругу сурового мужского братства, готовность солдата в любой момент сложить голову за Отчизну. В этих стихах жесткий ритм, суровый слог: в нужный час любой пограничник заставы, стоя «у последней черты, под прицелом, / Под безжалостным дулом ствола», должен суметь «стиснув зубы, достойно и гордо / Девять граммов свинцовых принять». Вместе с тем в солдатской лирике острее выражено чувство потребности в прекрасном. В поле зрения автора попадают меняющийся в зависимости от времени года холмистый пейзаж, надежно укрывающий пограничный дозор лиственный лес, одиноко стоящее оголенное деревце, горящий осенним пламенем пышный кустарник, изящный изгиб слегка прикрытой туманом пограничной реки, ночные сполохи на темном небе.

Несомненно, армейская школа на пограничном рубеже научила Ю. Баранова зорче вглядываться в окружающий мир, чутким ухом улавливать природные голоса. Живописуя словом предзимний, весенний или летний пейзажи, Ю. Баранов воспроизводит еще и многообразную звуковую картину: отдаленное эхо в прозрачном воздушном потоке оголенного леса, шорох осенних

листьев, барабанный стук дятла, журчание пробившегося из-под толщи снега ручья, звон весенней капли, жужжание майских пчел, сварливую возню грачей, бодрые шаги человека, смех детей, хрустальный звон родника, соловьию трель. «Я прочно верю в доброту людей», – это основной пафос лирики Ю. Баранова.

Ностальгия по прошлому – основная тема двуязычной поэмы «Бертон сюрес» («Возвращение») В. Карманова, уроженца деревни Старая Салья, ныне жителя Латвии. В написанной белым стихом автобиографической поэме он так говорит о своем жизненном пути: «Секыт-а, капчи-а, / Кузь-а, вакчи-а / Инмар сётэм сюресме / Мон но ортчи...» («Трудно ли, легко ли, / Длинно ли, коротко ли, / Богом предначертанный путь / И я прошел»). Символом тернистого пути автора выступает одиноко стоящая на месте бывшего старого дома древняя черемуха с терпким вкусом ягод, которые «вяжут горечью воспоминаний». Эпизоды поэмы вполне соотносимы с картинами военной действительности из произведений А. Твардовского, В. Лукаса, К. Симонова.

Повествуя о довоенном периоде своего ученичества в Пензенской художественной школе, поэт подчеркивает великую тягу к познанию сущности мироустройства: «Я тайны души, секреты дела / Художников всех времен / Познать пытался...». Его рукописная тетрадь с текстом произведения содержит графические рисунки к содержанию поэмы. Для наших современников поэма ценна фиксацией этнографических подробностей. Поэт описывает деревню довоенных времен. Он упоминает имена своих друзей детства, родственников, жителей окрестных деревень, не вернувшихся с войны.

Очень лично написан фрагмент поэмы, где говорится о начальной школе и первых учителях Е.П. Порываевой, А.К. Краснове, А.Т. Раеве – подлинных просветителей из сельской глубинки. Этот раздел поэмы насыщен культурологической информацией. В частности, по нему можно представить круг чтения детей 30-х годов прошлого столетия. Это и сказки о Бабе Яге, Змее Горыныче, Буратино, и русская классика – А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, и зарубежная литература – Д. Дефо, М. Сервантес.

Вся поэма проникнута пафосом гуманизма. Поэт подчеркивает: душа дана нам для того, чтобы стать человеком с большой буквы. По мнению автора, настоящим человеком можно стать только в кругу людей: «...Но живет Человек средь людей!».

В стихах М. Санникова представлен человек, взором своим устремленный в «рос-

сыпь звезд божественной Вселенной». Поэт является певцом православной культуры. В его стихах запечатлена вера в справедливое мироустройство по Божьему промыслу и в существование ограждающего каждого человека от тяжких бед доброго ангела-хранителя.

М. Санников утонченно описывает обряды православных праздников. В стихотворении «Березки, как хрустальные, в инее стоят...» представлен образ заступницы людской Девы Марии. В стихотворении о праздновании Введения Богородицы во храм, что традиционно ежегодно отмечается 4 декабря, сливаются три типа сюжетного повествования: эмпирическое, символическое и собственно лирическое.

Авторские описания насыщены солнечным светом, яркими картинками зимнего морозного дня. Они гармонируют с общим душевным настроением лирического героя – установкой на постижение любви и добра в мире, на внутреннее обновление и преобразование личности. Старославянская лексика и старинный грамматический строй в синтаксических конструкциях придают торжественно-символический ореол стихотворению. Соотносясь с мифологически-церковной основой повествования, в сюжете стихотворения М. Санникова возникает свой ассоциативный ряд с иконописной символикой.

Образ трехлетней Марии из библейского мифа и провидческое назначение Девы Марии возрождается в словесном обрамлении стихотворения: «Мария Дева девочкой-надеждой стала нам». Сверкающие под лучами солнца стройные березки-невесты с накидками из снежной фаты ассоциируются с иконописными девами, которые с зажженными свечами провожают юную Марию из родительского дома к храму, благословляя ее на путь спасения всего человечества.

Многообразны чувства, мысли, переживания лирического героя. Его до слез трогает красота окружающего мира («Божья благодать»), церковные песнопения, осознанная жертвенность юной девочки и ее родителей. Лирический герой передает свои ощущения: праведная, искренняя молитва очищает душу («зажгу свечу Владычице, душою обновлюсь»). Поэт нашел интересный образ: сгорающая свеча равносильна отказу от мирской суеты («свеча восковая тает, сгорает суета»).

Пытливый ум лирического героя М. Санникова будоражат и «галактик дальних Млечные пути», и красоты родной земли: золото опадающих осенних листьев, белокипенный наряд зимних деревьев, лунный отсвет на зеркале вод, серебристый говор

родников. Определяя свое поэтическое кредо, М. Санников приглашает своих читателей «глазами звезд на мир смотреть».

Проза писателей района представлена в издании произведениями трех авторов. Уроженец Киясовского района А. Макаров – один из старейших писателей Прикамья, участник двух войн. Повесть «Алюра» (Ижевск, 1961), посвященная событиям гражданской войны в Прикамье, – единственная книга автора, изданная на его родине в Удмуртии: автор официально числится в ряду писателей Пермского края (Писатели Пермской области: библиографический справочник. Составитель В.А. Богомолов. Пермь: Книга, 1996.). Именно потому данному произведению в издании уделяется солидное внимание.

В уста одного из своих героев А.П. Макаров вложил свою заветную мысль «о народе, который он любил глубоко и преданно за его вековые страдания, за бездонную и крылатую мудрость, за неодолимую силу и ни с чем другим на свете не сравнимую красоту». Автор нередко прибегает к художественным реминисценциям из фольклора, Библии и отечественной литературы – произведений Л. Толстого, Н. Некрасова, М. Горького, П. Бажова, М. Шолохова.

Член Союза писателей России П. Куликов – один из ведущих писателей-прозаиков Удмуртии, остро ставящий на страницах своих произведений проблемы неблагополучия в современном обществе. Отталкиваясь от авторского названия, проблематики и идеи повести «Пилиськем музьем» («Расколота земля»), в нашем издании мы проследили одну из подтекстных линий его произведения. «Музьем оскымон киосын луны кулэ» («Земной шар должен быть в надежных руках») – в этих словах четко сформулирован наказ писателя своим читателям-современникам.

Особое явление в художественном наследии писателей Удмуртии – юмористическая проза журналиста Н. Долгова. Как показывает подробный текстовый анализ структуры и содержания его коротких рассказов, они насыщены драматическим началом. Обильные диалоги, краткие повествова-

тельные переходы от одной фразы к другой, утонченный юмор роднят прозу Н. Долгова с творчеством А.П. Чехова.

Одиннадцатиклассница Ермолаевской школы Е. Никифорова сочиняет свои зарисовки на стыке прозаического и лирического жанров. Ее лирические миниатюры отличаются эмоциональным восприятием природы и социума. Рассказы школьницы наполнены неизбывной любовью к окружающему миру и к человеку.

Третий раздел книги – «Региональная литература в профильно-филологическом образовании учащихся» – включает теоретические материалы. Основу данного раздела составляет Программа элективного курса «Писатели Киясовского района» объемом тридцать четыре часа. Подробно расписываются цели и задачи курса, построенного на принципах взаимосвязанного изучения литератур народов мира. Творчество киясовских поэтов и прозаиков предлагается рассматривать в сочетании с русской, отечественной национальной и зарубежной литературой.

В качестве приложений к программе элективного курса даются разработки двух учебных занятий. Урок-интервью с редактором журнала «Кенеш», автором крупных прозаических произведений П.В. Куликовым, позволяет проникнуть в художественную мастерскую писателя. На уроке интегрированного типа по литературе, краеведению и немецкому языку речь идет о многовековой культуре возделывания хлебной нивы удмуртами, русскими и немцами.

В целом вся система работы по предложенной программе элективного курса должна подвести учащихся к осознанию неразрывного единства культуры нашего региона с художественными достижениями словесного искусства всей страны и мира. Так, в сочинениях киясовских писателей обнаруживаются разнообразные мотивы, созвучные высокой классике: прославление Отечества, подлинное уважение к человеку труда, безоговорочное осуждение любых войн и смертоубийства, восхищение красотами родной природы, пристальное внимание к духовному миру личности.

Наталья СУРНИНА

педагог,
публицист,
г. Ижевск

«НУЖНО СЕЯТЬ ОЧИ...»

О стихотворении Велимира Хлебникова «Одиноким лицедей»

Стихотворение Велимира Хлебникова «Одиноким лицедей» представляет собой духовное завещание поэта, отражает его взгляд на предназначение поэта и содержит сквозную, на протяжении всего стихотворения, полемику со взглядами А.С. Пушкина.

Одиноким лицедей

И пока над Царским Селом
Лилось пенье и слезы Ахматовой,
Я, моток волшебницы разматывая,
Как сонный труп, влачился по пустыне,
Где умирала невозможность,
Усталый лицедей,
Шагая напролом.
А между тем курчавое чело
Подземного быка в пещерах темных
Кроваво чавкало и кушало людей
В дыму угроз нескромных.
И волей месяца окутан,
Как в сонный плащ, вечерний странник
Во сне над пропастями прыгал
И шел с утеса на утес.
Слепой, я шел, пока
Меня свободы ветер двигал
И бил косым дождем.
И бычью голову я снял с могучих мяс и кости
И у стены поставил.
Как воин истины я его потрясал над миром:
Смотрите, вот она!
Вот то курчавое чело,
Которому пылали раньше толпы!

И с ужасом
Я понял, что я никем не видим,
Что нужно сеять очи,
Что должен сеятель очей идти!
Конец 1921 – начало 1922

«Пенье и слезы Ахматовой»

Над Царским Селом в этот период лились пенье и Анненского, и Гумилева, и сама Ахматова восклицает: «Здесь столько лир повешено на ветки». В цикле «Царскосельские строки» она пишет:

И можно плакать. Царскосельский воздух
Был создан, чтобы песни повторять.

Заметим, что сама поэтесса пишет о «песнях» (не стихах) и слезах.

В царскосельских парках на ветки повешены лиры и Кюхельбекера, и Дельвига. Повторять такие песни – достойно.

Стихотворения Ахматовой 1921 года с указанием места – это: «О, жизнь без завтрашнего дня!», «Кое-как удалось разлучиться...», «А, ты думал – я тоже такая...», «Пусть голоса органа снова грянут...», «Чугунная ограда, сосновая кровать...», «Пророчишь, горькая, и руки уронила...», «Пока не свалюсь под забором...». Они глубоко исследуют и талантливо отображают мир чувств, как, быть может, никто в богатейшей русской поэзии до Ахматовой. Вспомним хотя бы несколько из этих потрясающих строк.

Будь же проклят. Ни стоном, ни взглядом
Окаянной души не коснусь,
Но клянусь тебе ангельским садом,

Чудотворной иконой клянусь
И ночей наших пламенным чадом —
Я к тебе никогда не вернусь...

Враг мой вечный, пора научиться
Вам кого-нибудь вправду любить...
То словно брат. Молчишь, сердит.
Но если встретимся глазами —
В огне расплавится гранит.

Почему Хлебников упоминает поэзию Ахматовой? Быть может, потому, что она — из самых талантливых. Хлебников оценил дарование Ахматовой, когда еще не написаны ни «Реквием», ни работы о Пушкине и Данте, ни «Поэма без героя». Быть может, потому, что именно она открыто декларирует в творчестве того периода пушкинское отношение к поэзии и читателям. В известном сонете «Поэту» Пушкин провозглашает:

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум...
...ты сам свой высший суд.

...Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости

колеблет твой треножник.

Продолжение пушкинской традиции наиболее ярко в творчестве Ахматовой этих лет. Есть прямое указание на пушкинские традиции взаимоотношений с современниками: у Пушкина для народа нужно лишь «ярмо с гремушками», и у Ахматовой слава (то есть современные читатели) будет «погремушкой над ухом трещать».

У Пушкина есть стихотворение «Царское Село», в котором знаменитые парки — «волшебные места, где я живу душой». Оба поэта словно одними глазами смотрят на Царское Село: у Пушкина — «липовые сени», «берег озера», «тихий скат холмов», «ковры густых лугов», «светлая долина», «тихое озеро»; у Ахматовой — клумба в парке, «у берега серебряная ива», яркие воды.

В этот период у Ахматовой появляются стихи, в которых указано место создания: Бежецк, Петербург. Почему же в стихотворении «Одинокий лицедей» ее пенье льется, по мнению Хлебникова, над Царским Селом? Там в свое время лились песни Пушкина. Это место, где они оба учились, мечтали, творили — Пушкин и Ахматова.

В первых строчках стихотворения используется указание на время: «пока». Слово это говорит об одновременности действий, об одновременности творческой реализации двух поэтов: Хлебникова и Ахматовой. Только живут и реализуются они как поэты и «граждане мира» совершенно по-разному. «Пока» Ахматова льет слезы и песни, герой стихотворения Хлебникова «разматывает» (по клубку, данному Ариадной) самые сложные вопросы, борясь с чудови-

щем — Минотавром, и приходит к решению о необходимости «сеять», не смотря ни на какие препятствия и испытания.

Вопреки общераспространенному мнению, поэзия Ахматовой не была аполитична, любой внимательный читатель это знает. Гениальные стихи о внутреннем мире любящей женщины для многих заслоняют в памяти гражданские стихи Ахматовой, а этот ее вклад бесценен. На все самые важные исторические события своего времени Анна Андреевна откликнулась стихами, ставшими классическими, вызывающими трепет в душе, например, о фашистском нашествии в стихотворении «Мужество»:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова.
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем.
Навеки!

Колоссальным вкладом в русскую литературу стали поэмы Ахматовой «Поэма без героя» и «Реквием», отразившие период Первой мировой войны, в художественных образах запечатлевшие эпоху «серебряного века» и страшный период «ежовщины». Но все это будет впоследствии, когда Хлебникова уже не будет. Он не узнает Ахматову такой, а в конце 1921 года, когда он пишет свое поэтическое завещание «Одинокий лицедей», лирика Ахматовой посвящена встречам и разлукам, драматизму любви — ненависти, оплакиванию ушедшей любви и воспеванию высокого напряжения этого чувства. Сам же Велимир Хлебников в «царскосельский период» творчества Ахматовой уже отчетливо осознал задачу — «сеять очи». «Пока»... Время призывало к свершению:

А между тем курчавое чело
Подземного быка в пещерах темных
Кроваво чавкало и кушало людей
В дыму угроз нескромных...

Часть 2. Сеятели

Стихотворение «Одинокий лицедей» по месту в творчестве автора можно сравнить со стихотворением «Памятник» в творчестве Пушкина: то же подведение итогов, определение своего места в современной поэзии. Только у Пушкина это не строго оригинальное стихотворение. Античный источник («Ergi monumentum» Горация) и последующие русские стихи М. Ломоносова, Г. Державина давали возможность

Chasse-neige.
Рисунок Аси Корепановой. г. Москва

«спрятаться» за культурно-историческую ссылку, хотя у Пушкина есть указания на современность («В мой жестокий век прославил я свободу...»), на российские реалии (тунгус, калмык, а не аффейские берега, как у Горация). Самое главное не это, конечно. В стихотворении Пушкина гордо, звучно определено место автора в истории, политике, культуре, поэзии, античные аллюзии только придают веса этим оценкам.

В стихотворении Хлебникова совсем иной итог творчества: я никем не видим! Его стихотворения этих же лет на эту же тему еще более определенно и с болью констатируют положение поэта в обществе и его оценку. В стихотворении «Вши тупо молились мне...» поэт пишет:

Мой белый божественный мозг
Я отдал, Россия, тебе:
Будь мною, будь Хлебниковым.
Свай вбивал в ум народа и оси,
Сделал я свайную хату
«Мы – будетляне».
Все это делал как нищий,
Как вор, всюду проклятый людьми.

Об этом же пишет поэт в стихотворении 1914 года:

Сегодня снова я пойду
Туда, на жизнь, на торг, на рынок,
И войско песен поведу
С прибоем рынка в поединок!

Как видно, довольно близко пушкинскому восприятию положение поэта среди толпы, которая, смеясь, «в детской резвости» разрушает святыни, ценя горшок для каши выше бесценных статуй. Подобная мысль выражена в стихотворении «Детуся! Если устали...», написанном в 1922 году – последнем году жизни Хлебникова. Здесь он, подобно Пушкину, определяет божественный характер явления поэта: «сорвался с облака» (кстати, в другом стихотворении, «Я не знаю...», он пишет: «Я не знаю, Земля кружится или нет, / Это зависит, уложится ли в строчку слово...»).

Хлебников называет главными чертами своими, увиденными современниками, непохожесть («не этот»), поэт окружен не только непониманием, но и нелюбовью, отрицанием («нелюбим»):

Я ведь такой же, сорвался я с облака,
Много мне зла причиняли
За то, что не этот,
Всегда нелюдим,
Везде нелюбим.

Как видим, никакого державного звона в самоопределениях поэта нет; эти итоги горьки, но от избранной дороги они поэта не уведут: надо «сеять очи»!

Связь с евангельской притчей о сеятеле сразу всплывает в памяти читателя, пусть метафора и слишком необычна (и от этого свежа, ярка!) – сеять очи. Евангельская притча, как известно, состоит из двух частей: в первой используются простые, доступные неискушенным слушателям, не фарисеям и книжникам, трудовые бытовые реалии: сеятель вышел в поле, зерно при дороге поклевали птицы, на каменистой почве зерно увяло, всходы в зарослях были заглушены сорняками, и только зерно, упавшее на добрую землю, принесло плод. В евангелии простые, житейские, понятные слушателям действия («Вышел сеятель сеять семя, и упало оно...») служат опорой для понимания слова духовного, семени прорастающего или утраченного духовного знания. Затем Учитель разъясняет смысл иносказания: зерно – вера, место при дороге – сердце не разумеющего слова Божиего, птицы – лукавый, похищающий посеянное в сердце; почва – сознание человека, который не имеет в себе корня и непостоянен; посеянное в тернии означает того человека, для кого обольщения богатства и заботы заглушают Слово.

Почему столь подробно Учитель раскрывает смысл иносказания, и так достаточно

прозрачный? Он отделяет множество народа от своих учеников, которым дано понимание: «И, приступив, ученики сказали Ему: для чего говоришь притчами? Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано. ...Ваши же блаженны очи, что видят, и уши ваши, что слышат, ибо истинно говорю вам, что многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышали, и не слышали».

Хлебников использовал для создания метафоры «сеять очи» не просто евангельский образ, известный и понятный, который уже заключает в себе для читателя указание на смысл: сеять очи значит нести духовное просвещение. Притчи дают возможность обрести особое зрение и слух, для нас в данном случае важно особое зрение: очи. Возвращение духовного зрения. Учитель творил притчами, отворяя духовные очи. И в пушкинском «Пророке» звучит тема прозрения, обретения духовного зрения: томящегося жаждой путника превращают в пророка, лишая обычных человеческих глаз, заменяя их.

Известно, что Пушкин поставил строки из евангелия эпиграфом к своему стихотворению, явно отсылая читателя к притче о сеятеле: «Изыде сеятель сеяти семена своя...». Автор дает безрадостную картину духовного просвещения народов: сеятель вышел рано, он одинок, «благие мысли и труды» напрасны, стадам свобода не нужна, их «должно резать или стричь», им нужны «ярмо с гремушками да бич», а не зерна духовной пищи. Сближает героев Пушкина и Хлебникова одиночество в миссии и непонимание их трудов.

Обращается к евангельской притче и Некрасов, используя тему почвы и семян в несколько ином духе: это посев «разумного, доброго, вечного». Горько сетуя на отсутствие всходов у «сеятеля знания на ниву народную», автор предлагает причины этого: бесплодная почва, худые семена, робость сердца сеятеля, слабость его сил. Близость с иносказательными моментами евангельской притчи очевидна. Но в отличие от Пушкина завершает свое стихотворение Некрасов, как известно, призывом: «Сейте!». Именно такая позиция близка высказанной Хлебниковым: с ужасом оглядевшись кругом, герой не теряет намеренья «сеять». И герой Некрасова призывает к неустанному духовному труду «умелых, с бодрыми лицами», подобных ученикам Христа, наделенных особым зрением и знанием.

Итак, евангельская притча, стихотворения Пушкина и Некрасова позволяют нам построить ряд аллюзий в стихотворении

Хлебникова: сеятель духовного знания, сеятель ненужной свободы, сеятель знания. В стихотворении Хлебникова к этой плеяде присоединяется сеятель очей.

Часть 3. Очи

Почему созданная Хлебниковым метафора «сеять очи» содержит множественное число? Задумаемся над этим, вспомнив, как много в античной литературе, православной книжности, славянской мифологии усыпанных глазами существ, а ведь Хлебников прекрасно знал мифологию.

В античных мифах немало многоглазых героев. Аргус – имя нескольких персонажей греческих мифов, наиболее известным из которых был стоокий пастух, отличавшийся необычайной бдительностью. Чудо-глазами было усыпано тело Аргуса. Тысячеглазый Аргус Панофт из рода титанов был верным стражем Геи. Гера узнала, что плеяда Майя родила Зевсу бога Гермия и что ночью похитит Зевс Плеяд-титанид, и тогда она послала к Атланту на Чудо-гору Аргуса. Взглянул Аргус на Атланта тысячами глаз, будто все звездное небо заглянуло в душу Атланта и замерцало в нем. А глаза все глядят и глядят, входят в него лучами, заволаживают, манят. И такую тоску по звездам заронили они в Атланте, и такую отвагу, что рванулось сердце титана: взбежать на небо, сорвать звезды, усеять ими Чудо-гору. Тогда всей яростной мощью рванул атлант скалу, и обломилась вершина Олимпа...

Океанида Каллироэ увидела сына Медузы Хризаора по прозвищу Золотой Лук. Родила Каллироэ ему дочь – Чудо-деву Ехидну. Называли ее Владычицей змей, ибо все живое привораживала она взглядом. Были ее глаза не людскими, не звериными и не птичьими, а такими, о которых говорят: «Вот бы мне такие глаза!». Кто преодолет чары титаниды? И предстал перед Чудо-девой в светлое утро Аргус. Посмотрела на него Ехидна и спросила в удивлении: «Ты ли это, Аргус? Где же твои сияющие звезды? Тусклый и блеклый стоишь ты, испещренный мрачными зрачками, словно весь источенный гусеницами. Это ли твои золотые ресницы?...».

Поставила Гера многоглазого Аргуса стражем речной нимфы Ио, обратив ее в полудеву-полутелку, чтоб не могла она родить Зевсу полубога-героя. И повелел тогда Зевс богу Гермия отсечь голову многоглазому Аргусу. Хитер Гермий, лукав. Только он знал среди небожителей песни обманчивых снов, так как мог спускаться в Царство Ночи. Но и Аргус был жестоким обманщиком. Пел Гермий, и стал засыпать многоглазый Аргус. Глаз за глазом закрывались на

его теле, и Гермий отсек голову уснувшему Аргусу. Отлетела голова, и открылись на мгновение на всем теле звездного титана глаза, чудно вспыхнули и стали, тускнея, гаснуть. Но не дала им совсем угаснуть Гера: вдруг явилась со стаей белых павлинов, сорвала глаза с обезглавленного тела, подозвала любимого белого павлина и рассыпала по его хвосту чудесные глаза...

По Гесиоду и Ферекиду, у Аргуса было четыре глаза, и он никогда не спал. По Овидию, у него было сто глаз. Согласно Нонну, Гера поставила его стражем превращенной в корову Ио. Аргус привязал превращенную в корову Ио к оливе в роще Микен. Гермес убил его ударом камня, или, усыпив его игрой на флейте, отрубил ему голову. Гера либо превратила его в павлина, либо разукрасила его глазами павлиний хвост. Считается, что первоначально многоглазый Аргус означал звездное небо.

Поднялись победители-боги Кронида с почвы земли на твердь неба и ступили на небесную дорогу. Стала тогда титанида Гера небесной богиней, а звездным стражем-хранителем стал над ней всевидящий титан Аргус Панофт, сверкая на краю темного неба. Чудо-глазами было усыпано тело Аргуса. И тысячи тысяч земных глаз смотрели с земли на небо, на его глаза и дивились чудной тайне их мерцания. Титаны протягивали руки к этим огненным цветам, чтобы сорвать их с неба и приколоть к груди гор: забыли они, что Аргус тоже титан. Бывало, к вечеру, после заката ложился огромный Аргус над морем на хребет гор, и видели корабли издали в открытом море, как мерцает его тело, словно звезды праматери Ночи. Взмахнет он усыпанной глазами рукой по небу, и кажется, что посыпались с неба дождем звездные ресницы...

Их трех носителей имени Аргус (стоокий пастух, старый пес Одиссея, сын Арестора из Иолка, с помощью богини Афины построивший корабль «Арго», на котором Ясон отплыл за золотым руном) больше всего привлекал художников стоокий пастырь, хотя, изображая его, точный подсчет глаз не соблюдали. Самая знаменитая из картин на эту тему – «Меркурий и Аргус» П.П. Рубенса.

Православная традиция также знает примеры многоглазых существ. Херувимы – второй по иерархии ангельский чин. Библия содержит несколько различных описаний херувимов. У херувимов в Скинии и в Храме по одному лику (Исх. 25:20) и по два крыла (Исх. 25:20, 3Цар. 6:24, 27). Пророк Иезекииль в своем видении (Иез. 1:5) описывает херувимов несколько иначе: это человекоподобные существа с четырьмя

крыльями (два подняты вверх и касаются друг друга, а два опущены вниз и закрывают тело), четырьмя ногами, подобными бычьим, но сверкающими, «как блестящая медь», четырьмя руками под каждым из четырех крыльев и четырьмя лицами: человека и льва с правой стороны, быка и орла – с левой. Возле каждого из них – по колесу. Все тела херувимов – и спина, и руки, и крылья, а также колеса покрыты глазами. Способ передвижения – шествие и полет.

Хлебникова отличал интерес к фольклору, к славянской стилизации, архаической лексике. «В «Девьем боге» я хотел взять славянское чистое начало в его золотой липовости и нитями, протянутыми от Волги в Грецию», – пишет поэт, поясняя читателям свой замысел поэмы. Исследователи называют мировоззрение Хлебникова мифопоэтическим. Он проявлял глубокий интерес к славянской и восточной архаике, что давало ему возможность постижения глубокой народной традиции.

Отыскивая примеры многоглазых героев мифов, в «Словаре славянской мифологии» мы обнаружили, что многоглазыми представлялись древним славянам вампиры: в мифологии южных славян вампир – один из самых зловредных духов, голова у него непомерно большая, со множеством глаз.

Другой герой славянской мифологии – Хавала (Ховала) – дух с двенадцатью глазами: когда он идет по деревне, они освещают ее подобно зареву пожара. Он представлялся нашим далеким предкам олицетворением многоочитой молнии, которой дали имя Ховалы (от «ховать» – прятать, хоронить), потому что она прячется в темной туче. Вспомним, что тождественный этому духу Вий носит на своих всепожигающих очах повязку. «Поднялся Ховала из теплой риги, поднял тяжелые веки и, ныряя в тяжелых склоненных колосьях, засветил свои двенадцать каменных глаз и полыхал. И полыхал Ховала, раскаляя душное небо. Казалось, там – пожар, там разломится небо на части и покончится белый свет». Об этом пишет в своей книге «К Морю-Океану» известный мастер стилизации и тонкий знаток славянской мифологии А. Ремизов.

Интересный пример дивных глаз, обладающих притягательной силой, приводит в книге «Четыре музыкальных Христа» Блаженный Иоанн. У Моцарта современники замечали его дивные глаза. «Говорили: в Моцарте нет ничего, кроме гения и огромных, сияющих неземным светом, богодухновенных огненных очей. Глаза его как море, глаза его как небо. Глаза Моцарта больше самого Моцарта – глаза самого божества. Вглядываясь в них, можно про-

честь историю всего человечества. В них отражаются спектры всех времен и эпох. Его глаза как две пренебесные чаши. «У него не два, а тысячи глаз», – делится в переписке один из его ближайших друзей. Глаза многоочитой колесницы Отчей...».

Многоглазые герои есть у Маяковского, который, как известно, высоко ценил творчество Хлебникова, называл Хлебникова поэтом для поэтов, «поэтом для производителя»: «Во имя сохранения правильной литературной перспективы считаю долгом черным по белому напечатать, что... считали его и считаем одним из наших поэтических учителей и великолепнейшим и честнейшим рыцарем в нашей поэтической борьбе». В поэме Маяковского «Облако в штанах» есть поистине «хлебниковский» образ – «стоглазое зарево»:

На лице обгорающем
из трещины губ
обугленный поцелуишко
броситься вырос.
Мама!
Петь не могу.
У церковки сердца занимается клирос!
Обгорелые фигурки слов и чисел
из черепа,
как дети из горящего здания.
Так страх
схватиться за небо
высил
горящие руки «Лузитании».
Трясущимся людям
в квартирное тихо
стоглазое зарево рвется с пристани.
Крик последний, –
ты хоть
о том, что горю, в столетия выстони!

В стихотворениях Хлебникова разных лет можно найти множество примеров многоочитых героев, у него наделены глазами и боги, и неодушевленные предметы, и реки, и леса. Достаточно привести примеры: «стрела глаз юный пьет», «дворец с безумными глазами», «Волга! Волга! Ты ли глаза-трупы возводишь на меня?», «Жгучи свободы глаза», «Окруженный Волгой глаз». Поистине: все смотрит на нас, и мы смотрим на все.

Живые существа имеют живые глаза, автор использует самые необычные эпитеты: «свирепоокие кони», «живая и быстроглазая ракушка», «черно-синие глаза у буйволиц за черною решеткою ресниц, откуда лились лучи материнства и на теленка, и на людей». Разумеется, люди прежде всего характеризуются очами:

Но я хочу, чтобы луч звезды
Целовал луч моего глаза...
Мои сейчас вещеобразно

Разверзлись зеницы...
Мы горящими глазами,
Товарищ и друг,
Мы горящими глазами
Им ответим...

Вы под заботами природы-тети
Здесь, тихоглазая, цветете...
Я в глубь смотрел, смущенный и цекавый,
В глубь пламени мерцающих зениц...
И снежными глазами...
На серебряной ложке протянутых глаз...
Где вечер в очах
Серебряных слез...
В чаше глаз приказанье проснуться...
Девушки, те, что шагают
Сапогами черных глаз
По цветам моего сердца...
Если устали глаза быть широкими...
Городские очи радуя
Золотым письмом полотен...
Печальнооких жен
С медлительной походкой...

Велимир Хлебников целое стихотворение посвятил глазам Лермонтова – «На родине красивой смерти...». Создавая облик богов, Хлебников прежде всего показывает читателю их очи:

Лук в руке, с стрелой наготове,
Осторожно вытянут вперед,
Подобно оку бога в сновидении...
В светло-серые лучи
Полевой глаз огородится:
Это брызнули ключи
Синевы у Богородицы...
Твои глаза, старинный боже,
Глядят в расщелинах стены...
Глаза нездешние расширил,
В них голубого света сад...
Багровый, с зеленью злою
Взбешенных глаз в красных ресницах,
Бог пламени...

Глаза демонов также особенные: багровые, словно налитые кровью, они написаны весьма выразительно:

Они, как полумесяц, блещут на небеси,
Змеей из серы вынырнув удушливого чада,
Купают в красном пламени заплаканное чадо
И сквозь чертеж неясной морды
Блеснут багровыми порой очами черта.

Из приведенных примеров ясно, что очи в стихотворении Хлебникова имеют значение «духовные очи», духовное зрение. Назвать их просто «глазами» нельзя, это не раскроет мысль поэта о необходимости «сеять» духовно развитых людей, к ним обращаться, их отыскивать, с ними вместе идти. Поэтому это слово использовано автором во множественном числе: единомышленников будет все больше, добрый посев, как в евангельской притче, даст стократный всход.

Часть 4. «С утеса на утес»

Для осуществления такой трудной, поистине титанической задачи – сеять очи – нужен и герой – титан. В стихотворении Хлебникова именно таким представляет себя тот, кто вышел сеять очи. Он прыгает с утеса на утес, с горы на гору: гигант, герой мифов, великан народных сказок, воплощающий могущество и силу, необходимые для победы.

И волей месяца окутан,
Как в сонный плащ, вечерний странник
Во сне над пропастями прыгал
И шел с утеса на утес.

У меня в памяти возникает лермонтовский Демон, которому подвластно многое в отличие от простых смертных:

И над вершинами Кавказа
Изгнанник рая пролетал:
Под ним Казбек, как грань алмаза,
Снегами вечными сиял,
И, глубоко внизу чернея,
Как трещина, жилище змея,
Вился излучистый Дарьял.

Мы уже упоминали, что у Велимира Хлебникова есть стихотворение о глазах Лермонтова.

В строках стихотворения «Одинокий лицедей» есть и аллюзии на античные мифы о титанах. Согласно Гесиоду и Эсхилу, отличительные черты титанов – правдивость и прямота; титаны нравственно стойки, верны данному слову, непреклонны в борьбе, их правда нерушима, им чуждо коварство, они могучи, сверхсильны.

Титаны служили выражением самых свободолюбивых и высоких требований мятежного человеческого духа. Таков и лицедей Хлебникова, призванный «сеять очи».

Часть 5. Клубок волшебницы

Герою, обладающему титаническими силами, нужно поле деятельности. Как указали Илье Муромцу калики перехожие, куда применить полученную от них силу богатырскую: не поле пахать с отцом, а защищать землю Русскую, – так и одинокому лицедею автор дает нить Ариадны для верного направления движения.

В мифе о Минотавре есть героиня, которая дала мировой литературе глубокую новую тему: рассказ о трагической судьбе любящей женщины, о внутренней борьбе между любовью и долгом. Ее имя Ариадна. Эта тема вдохновила разных творцов: известны античные скульптуры и рельефы, мозаики, картина Тициана «Вакх и Ариадна», полотна Тинторетто, несколько вариантов «Ариадны» Родена, опера «Ариадна» Монтеверди и Генделя, «Ариадна и Вакх» Маре, «Ариадна на Наксосу» Штрауса.

Быть может, эти строки – возврат к «пению и слезам» Ахматовой? Хлебников подобно героине античного мифа испытывает борьбу между любовью и долгом, он тоже делает свой выбор, как Ариадна, – это не легко, многие современники не видят проблемы, но его выбор – долг.

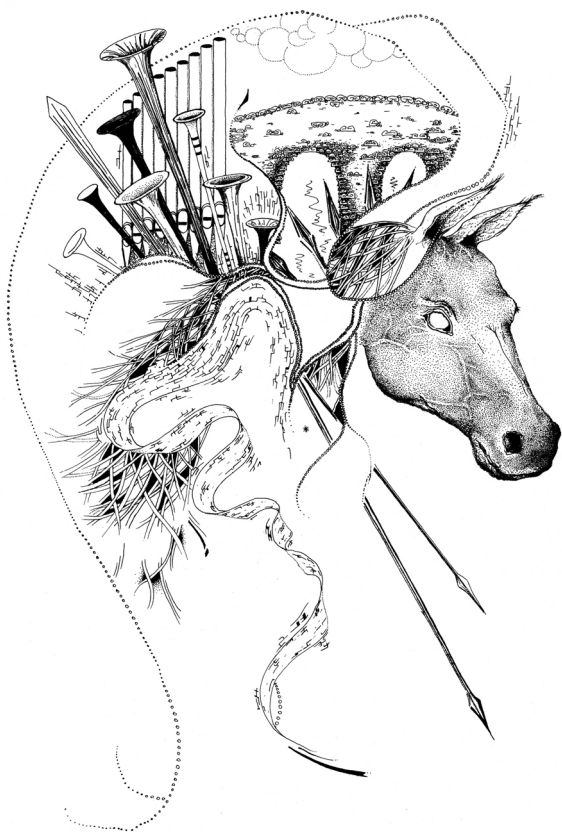
«Я, моток волшебницы разматывая...». Под нитью Ариадны подразумевается все то, что помогает ориентироваться в трудных ситуациях, находить выход из них: Ариадна помогла лицдею понять, что «нужно сеять очи», даже если ты никем не видим. Ариадна помогла, потому что она не только влюбленная в Тезея женщина, но и ведунья, в стихотворении названная «волшебницей». Она дала нить, когда предстояла схватка с чудовищем, кроме того, дала для борьбы меч – ведь только клубка недостаточно, нужно еще и средство для борьбы. Поняв благодаря Ариадне направление движения, герой получает от нее и средство для решения трудной задачи сеять очи.

Часть 6. Минотавр

Герой стихотворения Хлебникова – Минотавр, мощное существо, пожиратель, но в стихотворении это роль, герой просто лицедей, надевший маску. Сняв голову быка, чтобы крикнуть всему человечеству, он с ужасом видит, что никто его не слышит и даже не слушает. Первоначальное название стихотворения «Усталый лицедей», видимо, не отражало идею автора, он заменил его на «Одинокий лицедей»: возможно, герой не устал нести истину людям, хотя и несет ее один?..

Кроме уже названного, стихотворение имело еще одно отброшенное заглавие – «Бедный лицедей». Кто в стихотворении «усталый», «бедный» лицедей? Герой, который сеет напрасно, одиноко? Он актерствует, изображает дело. Не верит в него? Толпа ждет зрелищ, он актер – все идет по правилам театра, все разыгрывается как пьеса, это не жизнь, а театр. Бычью голову герой снял с себя и поставил у стены. Как реквизит. Как театральный костюм. Он играл Минотавра и закончил роль? Потому что он лицедей? Он показал всем, чему они поклонялись, показал, что это маска, это идол и что не следует ему поклоняться. Чтобы не быть лицедем, надо сеять не понарошку, изображая на площади, а в поле, не ломать комедию, а трудиться, пахать.

Минотавр – чудовище с человеческим телом и бычьей головой (у Хлебникова «И бычью голову я снял...»), обреченное в одиночестве скитаться («Одинокий лицедей»!) по бесконечным коридорам кноссского лабиринта в ожидании человеческих жертв.

Secular fame.

Рисунок Аси Корепановой. г. Москва

У Хлебникова «курчавое чело подземного быка в пещерах темных» «кроваво чавкало и кушало людей».

Матерью Минотавра была супруга критского царя Миноса Пасифая, а отцом – священный белый бык, в которого она влюбилась. Чтобы укрыть Минотавра от взоров и пересудов общественности, Минос поручил знаменитому мастеру Дедалу построить лабиринт и запер в нем Минотавра. Минос отдавал ему на съедение афинских юношей и девушек, которых ему был обязан присылать царь Эгей в наказание за то, что на афинских играх убил сына Миноса. О популярности мифа свидетельствует огромное число античных произведений искусства (около трехсот ваз с изображением боя Тесея с Минотавром, множество статуй), роман Гудмундссона «Богиня и бык», балеты «Минотавр» Картера и Блумдаля, работы Матисса и Пикассо.

В стихотворении Хлебникова лицедей – воин истины. Все боялись Минотавра: он побил, он как Тесей. Но его подвиг не востребован: он никем не видим. А ведь следует выполнять свое божественное пред-

назначение: сеять очи. Что ж, пусть оценят не те, что сейчас, а другие – с очами, те, которые придут позднее.

Герой Пушкина вышел сеять рано, может быть, народы не были готовы, ведь сеял напрасно: людям нужны лишь ярмо да бич. По Пушкину, нужен не сеятель, а пастух! Причем стокий!

По Хлебникову, да, очи – то есть духовное зрение – есть далеко не у всех, а только у единомышленников. Сеять – значит, самому их выращивать, не из-под ярма брать рабов по крови! У Хлебникова – сеять! – даже если рано, даже если невидим, даже если осознал это «с ужасом». И очи надо не устанно сеять, а не пасти тех, у кого их еще нет, пусть даже лицедей, как и сеятель из пушкинского стихотворения, видит, что их «не разбудит чести клич».

Часть 7. Пророк или лицедей?

Герои стихотворений «Пророк» А. Пушкина и «Одиноким лицедей» В. Хлебникова проходят через преображение. Для обоих это труднейшее дело: стать из обычной личности пророком, стать из лицедея спасителем людей. Перерождение обоих героев – кровавая процедура: такова битва с Минотавром, таково сотворение пророка.

Шестикрылый серафим в стихотворении Пушкина у будущего пророка язык вырвал, вложил жало змеи кровавой десницей «в уста замершие», «грудь рассек мечом» и уголь «во грудь отверстую водвинул». В конце своего пересотворения герой лежит как мертвец. В стихотворении Хлебникова герою нужно убить не себя, а Минотавра – чудовище в себе. И хотя кровь как будто не его, а пожирателя людей, но битва и у него отнимает все силы: он лежит «как сонный труп». Этот оксюморон заставляет задуматься: спит труп? Быть может, спит живой, но совершенно обессиленный до полусмерти от усталости?

Оба стихотворения сближает смысл и цель преображения героев – оба призваны на служение: будущий пророк у Пушкина был «духовной жаждою томим», лицедей «влачился по пустыне» «как воин истины». Но призвание у них разное: у одного – жечь, у другого – сеять.

Вот мы и размотали «волшебный клубок» стихотворения Велимира Хлебникова «Одиноким лицедей», пройдя с его героями по лабиринту идей и образов. Сняв маски («бычью голову... с мяс»), освободившись от гнета чудовищ мысли и химер искусства, вместе с величайшим поэтом мы обретаем свет путеводный: «Нужно сеять очи»!

ДЕБЮТ

Алексей МОРОВ

кандидат педагогических
и филологических наук,
проректор МВЕУ по науке и
инновациям,
г. Ижевск

«И ВНОВЬ СТИХИ О ЖИЗНИ И РАЗЛУКЕ...»

Стихотворения

* * *

У нашей страсти свой характер звука –
Где даже рельсы струнами гудят.
Я и лечу на голос... из разлуки
На час вперед часы перевода.

И наша радость непонятна многим:
Отвергнув быт рутинно-городской,
Мы свой «фольксваген» бросим у дороги,
И побежим лосиною тропой,

И в золоте березовом утонем,
Бросая в небо лиственный салют.
Я буду целовать твои ладони,
А ты прошепчешь: «Я тебя люблю».

Мы счастливы – безудержно и жадно,
Захлебываясь тем, что мы вдвоем...
А в паспорте лежит билет обратно.
Из песни в жизнь. На верхнем боковом.

* * *

Бывают встречи вне привычных схем,
До сладкого забвенья, до инфаркта –
Как мы с тобой общаемся де-факто...
Друг другу – вместо роз и хризантем –

Почти великолепные стихи
На девственно-нетронутые темы.
Мы для сердец находим груз, и тем мы
По-новому воздушны и легки.

И каждый день на новых этажах
Я звук твоих шагов пишу с натуры.
Порыв не ищет статуса «де-юре»,
Зато горит, собой не дорожа.

А мы вдыхаем этот сладкий дым –
Как тлен, как плен, как плед, согревший руки...
И вновь стихи о жизни и разлуке,
В которых мы не вместе догорим.

Люшер

Забудьте, мадам, прошу вас,
Про красный английский эль.
Я сладкий, но все же ужас,
Я добрый, но все же змей.

Тяните, мадам, неспешно
Зеленый китайский чай.
Спокойно уходит в нежность
Прорвавшееся «прощай».

Над серой купелью буден
Разводит судьба мосты.
Мы можем – но мы не будем,
Замрем у своей черты.

С нас спросят еще, поверьте,
По этим и тем долгам.
Мой кофе – чернее смерти...
Спасибо за все, мадам.

Прошу, не надо песен о любви.
Не обещай принадлежать и помнить.
Учти – слова пускают в сердце корни
И нежатся в отравленной крови.

Пока возможно просто жить – живи
Без сладостных цепей и блеска молний.
Мой мир на полчаса собой наполни
И все – не надо песен о любви.

Найди нейтральный тон на пару фраз,
Нейтральный бар с приличным капучино
И посмотри, как искренне и чинно
Мы будем непохожими на нас,
А вечер состоится в этот раз
Без всякой роковой первопричины.

Полураспад

«Зимовье Зверей» распались,
но стали гораздо ближе.
Я снова учу на память
практически только Ницше.
И в буднях приму за данность
лишь хруст поминальных крошек.
Прошу вас запомнить, дамы, –
я искренне был хорошим.
Я искренне был. Примите
мой дар – он честней и выше.
Эпоха моих открытий
прошла. И я следом вышел.

Терпи

Христос терпел – и нам велел.
Терпи, страна,
Свой запредельный беспредел
Сквозь времена.

В тяжелой иль святой воде
Крещеным быть?
Терпи, сама себе надев
Кольцо судьбы.

Бегут года, цари бегут –
Не в этом суть.
Мечами пишут на снегу
Твою красу.

И каждый колос знает, он
Всех зим сильнее.
Растет до космоса «Протон»
С твоих полей.

Пронзать эфир сигналом SOS
Повремени,
Терпи, как завещал Христос, –
И вместе с ним.

Накормите меня, пожалуйста,
Словом новым и небывалым, и
Чтобы смыслами, как кинжалами,
Это Слово могло пронзать.
Чтобы жило вождем и воином,
Неизвестных страстей исполненным,
И непонятым, и непознанным,
Незаписанным к вам в тетрадь.

Те, которые настоящие,
Вымирают, увы, как ящеры,
Ровным строем играют в ящики,
Оставляя лишь след и тень.
Эхо мечется между стенами
От Высоцкого до Есенина,
Опадает веселой пеною
У гранитных чужих колен.

Над порогами и погостами
Я дышу беспощадной гордостью,
И живой воды полугорсточку
Напрямую вливаю в кровь,
И не жду ничего хорошего.
Входит Слово. Оно – о, Боже мой! –
Пересыпано серым крошечком
От низвергнутых им миров.

Я такое мечтал попробовать,
Угловатое и суровое,
Зато ясное, чистокровное,
Сразу видно – ему в стихи.
Дай мне руку, входи, лучистое,
Мы пойдем в небесах бесчинствовать
И пространство тревожить смыслами –
Самой грозною из стихий.

Уходит лето

Уходит лето. Режу тишиной
Постылые вуали диалогов,
И недотрога-память понемногу
К ногам ложится желтою листвою.

И музы в откровенных декольте
Вокруг роятся – выбирай любую...
Я в эту осень всех перецелую:
Любовь – дорога от мечты к мечте.

Опять в душе покровский перезвон,
В ладонь ложится лиственное пламя,
Но мир не замечает колебаний
Плюс-минус жизнь, плюс-минус полутон.

И стает, улетающей в закат,
Растает эхо нового куплета,
И в этой тишине уходит лето,
Не обернувшись, как и мы, назад.

ДЕБЮТ

Ирина МАКАРЫЧЕВА

психолог,
проректор по развитию,
руководитель Института
практической психологии МВЕУ,
г. Ижевск

«ЛЮБИТЬ ЗАЖМУРИВШИСЬ, НЕ ОТКРЫВАЯ ГЛАЗ...»

Стихотворения

Рифмованное молчание

Мы говорим о пустяках,
Прессуя мили между нами.
В ненужных и пустых словах
Мы прячем все, что не сказали.

Несказанность зависла в проводах,
Запуталась средь сот мобильной связи.
«Уж минус пять, и иней на ветвях...».
«У нас жара, спасают только вековые вязы...».

Несказанностью полнится эфир.
Послать бы к черту эти расстоянья,
Взлететь, взорваться, чтобы сотни миль
Исчезли вдруг, забыв законы мирозданья.

Рифмованное утро

Выходные, дорога, сцепление, газ.
Вдохнуть, выдохнуть, ждать, обнять.
Любить зажмурившись, не открывая глаз,
Не дышать, не спать, не мечтать.

Промозглый мир – с утра наоборот.
Я не дышу по-прежнему. И в легких – лед.
Рассвет, улыбка... Поцелуй все разорвет.
Отдает сердце лишь на миг и вновь уснет.

В тумане сером «мы» не мы. И не понять:
Куда шагать? где истина? где поворот?
Ни на мгновение не верить и не ждать,
Открыть глаза в тот мир, где не наоборот.

«Больной, который был волной...». Стихотворение А. Введенского.
Рисунок Наси Ганиевой. г. Глазов.

Театр в стиле нуар

Свет ночника и бархатные шторы,
Дуэльный зал и мысль за мысль.
Навязанными жизнями зашорены,
Мы бьемся насмерть из последних сил.

Мы бьемся насмерть, не считаясь с ранами.
Удар! Где побольней наверняка.
Мы не уходим с поля боя. Рано нам.
Еще в атаку просится рука.

Мы на арене в роли гладиаторов,
Где оглушает ненависти туш.
Нам люди – словно топливо реакторов
Уродливых и черных наших душ.

Кто победитель? кто умрет? Решать не нам.
Театр уродов обречен быть непустым.
Трибуны, верные своим немым богам,
Бесшумно нам поаплодируют. Двоим.

Рифмованный серый дождь

Когда слова – обыденность и данность,
Стальными тучами окутавшие нас,
Холодная душа захлопывает ставни,
Как заколачивают рамы в Хлебный Спас.

Нам осень пишет письма косо в строчки,
Расчерчивая стекла, постукивая в такт.
Вагонный вторит блюз: «спокойной ночи».
И сердце ставит росчерк на контракт.

Спокойное «пока» – как сумеречное утро,
Прошедшее без перспективы на тепло.
Я ничего не жду, и день не тороплю я.
– «Ты мне нужна...». А у меня – зеро.

Рифмованный страх

Скажи, что я нужна, важна,
Как солнце днем, в ночи луна,
Как звук струны в глухой тиши,
Как рифма для измученной души.

В войне за ночь, прохладу и рассвет
Мне никогда не выиграть. И нет
Страшнее ничего,
Чем в этом одиночестве забвение твое.

Мне говорят: смирись, забудь, живи!
Ведь в мире тесно, мир забит.
Тебе остался только уголок
И женский век, который короток.

А я боюсь. Страх рушит все мосты
И расставляет черные кресты,
Перекрывая все пути вперед,
Где нет тебя и где никто не ждет.

Позови!

Я к тебе через сотни верст,
Я к тебе через тысячи лет –
Точно так миллионы звезд
Посылают друг другу привет.
Я кометой сквозь все дожди
Пролечу, оставляя след,
Я тебе крикну: «Подожди!
Вдруг наступит и наш рассвет?».
Через тернии пронесусь,
Черных дыр разорву темноту.
Я сумею! Я снова вернусь,
Стану солнцем в холодном аду,
Научусь согревать наш дом
И беречь наш мир неземной.
Только, милый, прошу об одном –
Позови и останься со мной.

ДЕБЮТ

Спартак КАЛИНИН

поэт-песенник,
творческий центр
Ярослава Калинина,
г. Киров

«А В ДУШЕ И ЛЮБОВЬ, И МОЛИТВА...»

Стихотворения

Последнее...

Я рожден из случайных цветов –
Черно-белый и одиночество.
Под прицел православных крестов
Сердце встало в попытке пророчества.

Не убит, а оставлен один –
Против неба проиграна битва.
Я люблю – да, увы, не любим,
Но из уст – не проклятье: молитва.

Чудотворность непрожитых дней –
Вещи сны, только слишком нечетки,
И в руке эти сны – словно четки,
С каждым счетом реальность ясней.

Мне не переродиться в стихах
И до неба мне не достучаться –
Черно-белая пропасть абзаца
Между нами легла на весах.

Но из сердца не крик, а мольба.
Я любим, да любить разучился,
И любовь твоя слишком слаба,
Чтобы я от тоски излечился.

Сам убью этот будничный сплин,
Перерезав пророчествам глотки.
Без тебя этот век слишком длинн,
А с тобой – невозможно короткий.

Но пока черно-белый маршрут,
Впереди с одиночеством битва.
А в душе – и любовь, и молитва,
И желание в вечность нырнуть.

* * *

За пару стоящих и вымученных строк
По трупам рифм ведет дорога в Вечность.
Продольность мысли, слова поперечность
Убили Запад, чтоб родить Восток.

И дни ныряют в эту пустоту,
Но нет в ней дна, а хочется разбиться.
И верить хочется – паденье только снится.
И эту мысль хватаем на лету.

А счастье было...

А счастье было так возможно
И в этой жизни, в этом мире...
Мы в однокомнатной квартире
С тобою жили осторожно.

В открытость форточки курили,
И перемешивали чайность,
И понимали: все случайность –
И снег, и смех, и грех, и крылья...

Ты робко клавиши коснулась,
Я злонамеренно не спился,
Но, упиваясь звуком, вбилась
Кривым гвоздем в тени сутулость.

И быть счастливыми не сложно –
На полке ключ, на небе звезды...
Но однокомнатные гнезда
Молчат о чем-то осторожно.

Перезагрузка

Перезагрузка... Любишь невпопад.
Вокруг зима. И я мотаюсь где-то.
Рисуешь будущее больше наугад
И почему-то только синим цветом.

На белый лист – густую неба синь,
Из туч безумно синих – ливень синий,
На миражи белеющих пустынь –
Прозрачный светло-синий иней.

Перезагрузка... А вокруг зима –
И не осталось больше синей краски –
Забеливает лица, имена,
Рассказывает ледяные сказки.

А ты не слушай – в сказках все вранье,
Растают – подвернется случай –
Под страстным и неистовым огнем,
Умрут бесславно, быстро и беззвучно.

Вокруг зима. О лете смотришь сны,
А после снов невыносимо грустно,
И чувства синевой воспалены.
Люби сейчас. Потом – перезагрузка.

Мир таков

Все сложно. Мир таков. И мы
Спешим во всем не разобраться.
Живем мы ко всему с прохладцей
И консервируем умы.

И мы спешим... На раз рискуем
Успеть прожить короткий день –
Попробуй солнце не задень,
Когда сдавила тело сбруя.

На раз рискуем – жизнь не в масть,
Не тот разброс крапленых судеб.
Мы во Христе или Иуде
Спешим кто в рай, кто в ад попасть.

Не тот разброс, не та раздача.
Но нескрываемый итог
Рождает в нас с тобой восторг,
И мы смеемся чуть не плача.

Освободившись от оков
Столетних правил, корчась в муках,
Живем не в музыке, а в звуках,
Спешим... Все сложно... Мир таков.

Старый Новый год

Все возвращается к одной исходной точке.
Опять рассвет, и старый Новый год,
И только видимость, что жизнь вокруг идет,
И только кажется, что я постарше дочки.

Все те же дни, все та же суета
И те же поиски заветного ответа,
Все те же страхи белого листа,
Все та же смелость первого куплета.

И так не верится, что бесконечен мир,
И представляется, что, может быть, конечен.
Но снова расставание за встречей
И многолюдность вымерших квартир.

Да и она, дарующая страсть,
Щадящая своею нелюбовью,
Как в прошлой жизни, – села к изголовью,
Чтобы мгновенье в сотый раз украсть.

Все та же видимость, что жизнь вокруг течет,
И только я меняюсь без остатка,
Чтоб сохранить устойчивость порядка, –
Все возвращается, как старый Новый год.

* * *

Не могло иного приключиться –
Этот мир не вечен под луною.
На столе под скатертью льняною
Ты хранишь открытки, письма, лица.

Заполночь за окнами сгустится,
И тоскливо сердце замирает.
Время... Время боль не забирает,
Оттого ночами и не спится.

В тихом огоньке настольной лампы,
Тыщу лет как вышедшей из моды,
Ты опять пролистываешь годы
По конвертам и почтовым штампам.

А рассвет неслышно постучится,
Отвлекут до вечера заботы...
И потом опять окликнет кто-то,
И польется прошлое водицей.

Геннадий ПАВЛИХИН

доктор технических наук,
профессор МГТУ имени Н.Э. Баумана,
г. Москва

«ЭТО БЫЛО НЕДАВНО, ЭТО БЫЛО ДАВНО...»

Документальная повесть*

Часть третья

25 августа на собрании студентов первого курса было объявлено, что вследствие недостаточного количества мест в общежитии института все первокурсники, за исключением девушек, в течение первого года будут жить в загородном общежитии, а после успешного окончания первого курса будут переведены в московское.

Загородное общежитие находилось в сорока километрах от Москвы рядом с Казанской железной дорогой. Конечно, надо было рано вставать и тратить больше времени на дорогу. Но были и преимущества: общежитие было построено в сосновом лесу, в нем была библиотека и читальный зал, который работал круглосуточно.

Уже в те годы Иван видел, как много жителей Подмосковья работают в Москве. Утром были заполнены электрички, идущие в сторону Москвы, а вечером – наоборот. Как-то раз Иван, возвращаясь из института, вышел в тамбур покурить и увидел мужчину лет сорока пяти. Тот был заметно навеселе, и ему очень хотелось поговорить. Мимо них прошел хорошо одетый мужчина с портфелем, и попутчик Ивана заметил:

– Начальник, наверное, и получает хорошо. А вот мне пришлось продать корову, чтобы заплатить и на работу поступить.

Иван спросил, что же это за работа такая. Оказалось, мужчина работал носильщиком на вокзале. И он рассказал Ивану об особенностях этой профессии. Оказалось, что у носильщиков очень маленький официальный план по выручке, который они быстро выполняют, а в оставшееся время всю выручку оставляют себе. Иван удивился и, вспомнив о проданной корове, спросил:

– А сейчас вы, наверное, можете купить небольшое стадо?

Мужчина расплылся в улыбке и ответил, что, когда понадобится, он его обязательно купит.

Через три года Иван будет хорошо представлять себе основные места подработки студентов в Москве и знать, что наиболее высокооплачиваемая работа – в камерах хранения на вокзалах.

После первого дня занятий группу, в которой учился Иван, направили в колхоз убирать картофель. Картина была удручаю-

* Начало документальной повести Геннадия Павлихина «Это было недавно, это было давно...» читайте в четвертом номере журнала «Италмас» за прошлый год.

щей. Почти все колхозные здания были ветхими. Как в них зимовал скот, как хранился собранный урожай, было совершенно непонятно. Шел второй, может быть, третий год знаменитой сельскохозяйственной «реформы» — объединения нескольких колхозов или совхозов в один. Управление ими резко ухудшилось, выросло число приписок.

Однажды днем Иван пошел в правление, чтобы подписать документы на выдачу молока для студенческой бригады. Там он случайно услышал, как управляющий отделением совхоза по телефону докладывал в районный комитет партии сводку о сборе картофеля. Доклад значительно отличался от реальности: цифры были завышены практически в полтора раза и по урожайности, и по площади. Вечером того же дня Иван встретил в деревне управляющего, который был слегка навеселе, и спросил у него:

— А вы не боитесь давать райкому приукрашенную информацию?

Ответ его ошеломил:

— Милый, да через два-три месяца мне спишут любые потери. Но если я не буду сейчас докладывать о выполнении и невыполнении плана, меня снимут с работы.

Спустя три года студенты начнут проходить практику на промышленных предприятиях оборонного комплекса. Они увидят жесткую технологическую и административную дисциплину, разительно отличающуюся от ситуации в сельском хозяйстве. После этого никто из них не задаст вопроса, почему в стране не хватает продуктов питания, почему сельский житель всяческими правдами и неправдами старается уехать в город.

В день приезда в деревню студенты разместились в одной избе, организовали чай, а потом отправились по грибы. Иван держался рядом с Виктором Савиным — парнем, который после службы в армии три года отработал на заводе авиационных двигателей.

Они насобирали грибов, и было видно, что Виктор знает в них толк. Когда они встретили своих, то увидели, что в общей корзине рядом с хорошими грибами лежало немало поганок и даже мухоморов: некоторые студенты впервые в жизни оказались грибниками. Пришлось Ивану с Виктором перебирать всю добычу.

Когда группа вернулась в деревню, оказалось, что никто не знает, как готовить грибы. Иван вспомнил, что мама перед жаркой предварительно их отваривала. Они с Виктором почистили грибы и поставили варить на костре. Через двадцать минут из ведра стал доноситься чудесный

аромат. К этому времени девушки нашли большую сковороду и растительное масло. Вскоре ужин был готов, и восторгу едоков не было предела. Они предложили Ивану и Виктору ежедневно собирать и готовить грибы на всю студенческую бригаду.

Когда студенты вернулись в Москву, то оказалось, что занятия начнутся только через неделю. Иван решил подработать, чтобы обновить хотя бы часть своего гардероба. Вместе с одноклассником Андреем они приехали на овощную базу. Через два часа их позвал к себе мужчина: надо погрузить овощи в его грузовик. Оказалось, что у хозяина машины есть палатка на рынке в Люберцах. Приехав на рынок, ребята разгрузили грузовик и обещали, что завтра снова приедут. На следующий день хозяин предложил парням поторговать овощами и фруктами. Когда «шеф» отошел, Андрей сказал Ивану, что стоять у лотка и зазывать покупателей — не для их интеллекта. Иван ответил, что интеллект здесь не при чем, просто они честно и добросовестно должны выполнить работу: ведь для поиска другой у них просто нет времени.

Они вывезли свой лоток на рынок и начали продавать товар. При этом Андрей явно испытывал стеснение, и Иван старался использовать его как подручного. На заработанные за несколько дней деньги Иван купил нейлоновую рубашку и несколько пар модных носков.

Через неделю все производственники приступили к занятиям. За время, проведенное на сельхозработах, студенты перезнакомились, и теперь группа представляла собой монолитный коллектив. К тому же, большинство студентов группы жили в общежитии и много времени проводили вместе. Иван внимательно присматривался к коллегам по группе, замечая, что далеко не все настроены на серьезное и глубокое изучение дисциплин. Хотя еще на вступительных экзаменах Иван понял, что окружающие его люди по интеллекту и потенциалу гораздо выше бывших сослуживцев по армии. В вузы был большой конкурс, который выигрывали самые сильные выпускники школ. Большинство студентов, поступивших в МИАТ, не только понимали это, но и старались соответствовать своему новому статусу.

Первые два месяца учебы дались студентам-производственникам нелегко — сказывался многолетний перерыв в учебе. Надо было научиться записывать лекции, временно выполнять домашние задания и, самое главное, защищать их перед преподавателями. Особенно «неприятным» предметом считалась начертательная гео-

метрии. На занятии почти все студенты понимали алгоритм заданий, предлагаемых преподавателем, однако как только они начинали самостоятельно решать задачи, возникали трудности.

После первого месяца занятий Иван, как обычно, поехал на воскресенье к родителям. Он попросил, чтобы его никто не беспокоил в течение суток, и, сидя один в комнате, начал решать задачи по начертательной геометрии. Первую задачу он решил в течение полутора часов, вторую – в течение часа, третью – за пятьдесят минут, четвертую – за сорок... Решив за день больше двадцати задач, он понял, что наконец-то освоил практическую часть начертательной геометрии.

Постепенно студенты-производственники втянулись в ритм учебной жизни, понимая, что это только начало: дальше будет не легче. Вот и старшекурсники говорили, что первые два-три года будут самыми напряженными. Вчерашние школьники могли после работы на предприятии ежедневно учиться не более четырех часов (а учебный план был одинаков для всех) – режим для производственников был заметно облегчен, оставалось время для анализа учебного процесса. Студенты первого курса понимали необходимость изучения математики, физики, химии, материаловедения и так далее. Но они не понимали необходимости штудировать многочисленные произведения Ленина, ни одно из которых не являлось актуальным для того времени.

В декабре у Ивана истекал годичный срок кандидата в члены КПСС. Для вступления в члены партии ему были необходимы две рекомендации. Он написал письмо с просьбой дать ему рекомендацию в свое бывшее военное училище, но ответа не получил, и поехал сам.

Через два часа после приезда он имел на руках рекомендации заведующего кафедрой и одного из преподавателей. В оставшиеся до отхода поезда несколько часов он зашел к своему бывшему сослуживцу Петру Дворову, который учился на первом курсе местного политехнического института. Петр ему обрадовался и сразу же направился в кухню готовить угощение. Иван, увидев на столе хозяина половину ватманского листа с чертежами и многочисленными правками, стал расставлять на нем посуду. Вошедший в комнату Петр опешил и стал объяснять Ивану, что эту работу ему завтра нужно будет защищать перед преподавателем. Иван еще раз внимательно осмотрел чертеж и сказал:

– Петр, мне было бы стыдно показать этот лист своим коллегам-студентам, не го-

воря уж о преподавателях. Ни один из преподавателей не станет со мной разговаривать, увидев такую работу.

– Да я уже защитил несколько подобных листов! – парировал Петр.

В поезде Иван думал о том, что именно строгие требования к качеству знаний и определяют имидж института.

Первую экзаменационную сессию Иван неожиданно даже для себя сдал на отлично. При этом он не ставил себе целью получать только отличные оценки. Последним экзаменом сессии была химия. Доцент И.В. Бродов поставил ему «отлично». Когда он взял зачетку Ивана и увидел там одни пятерки, то публично поздравил студента.

Отличной успеваемости Ивана больше всего радовался его отец, который заявил сыну, что отныне он за него спокоен. Иван понимал, что такое проявление отцовской гордости – повод постоянно и напряженно трудиться.

Зимние каникулы Иван проводил у родителей. Однажды в гостях у своей сестры он узнал, что они с мужем вот уже несколько лет выписывают журнал «Новый мир», в ноябрьском номере которого за 1962 год была опубликована повесть А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Сестра рассказала ему, что это практически первое литературное произведение о заключенных, осужденных по 58-й статье, что автор является участником Великой Отечественной войны, что он более десяти лет провел в советских тюрьмах и лагерях, будучи осужденным по этой самой статье.

Вечером того же дня Иван начал читать взятый у сестры журнал. Самое главное впечатление от этой повести состояло в том, что это было первое упоминание в печати советских людей, попавших в плен не по своей воле. В послевоенные годы в средствах массовой информации, на экранах кинотеатров, в книгах, на уроках в школах регулярно вспоминали события Великой Отечественной войны. С благодарностью вспоминали погибших на войне, прославляли живых ее участников, но ни слова не говорили о нескольких миллионах советских людей, побывавших в германском плену. Не говорили в течение длительного времени, как будто они и не существовали. И в течение многих лет эти люди жили и работали «с опущенными глазами». И хотя большинство советских военнопленных было реабилитировано в 1957 году, официальная печать по-прежнему о них нигде не упоминала. И вот теперь, наконец, целая повесть была посвящена именно этим людям. Это был прорыв. Многие советские семьи, родственники которых находились в германском плену,

наконец-то прочитали правду об отношении к военнопленным в нашей стране. По мнению Ивана, в этом и состояла главная заслуга писателя А.И. Солженицына.

В первые зимние каникулы Иван, не привыкший в армии сидеть без дела, решил поработать, о чем потом долго жалел. Он устроился грузчиком на хлебозавод. Основной работой была разгрузка мешков с мукой, масса которых составляла семьдесят килограммов. Уже через полтора часа такой работы Иван чувствовал невероятную усталость. Домой он практически приползал и около часа лежал на полу, приходя в себя. Особенно тяжело приходилось, когда мешок сползал с плеч и падал на землю: никто из членов бригады не предлагал помощи. Четверо грузчиков в возрасте около сорока лет были озлобленными, недовольными жизнью людьми и между собой практически не общались.

Рядом с ним работал грузчиком Николай Дмитриевич – бывший бригадир слесарей-сборщиков, в бригаде которого Иван работал после окончания техникума. Почему тот оказался на тяжелой неквалифицированной работе, Иван не понимал, а сам Николай Дмитриевич уклонялся от обсуждения этой темы. Он был единственным, кто всегда приходил Ивану на помощь в нестандартных ситуациях. Видимо, Николай Дмитриевич не забыл их совместное участие в «итальянской забастовке». На пятый день такой работы отец вернулся домой раньше обычного и, увидев Ивана, лежащего без сил, потребовал от него прекратить никому не нужные «подвиги».

В последующие студенческие годы Иван неоднократно подрабатывал грузчиком и перед устройством на работу всегда узнавал вес перемещаемых грузов и расстояние, на которое их надо переместить.

До ухода в армию Иван совершенно не употреблял спиртного, он понимал, что интенсивные занятия спортом не совместимы ни с курением, ни с употреблением алкоголя. Во время каникул в субботу к родителям пришла сестра с мужем, и мужчины крепко выпили. На следующий день около десяти утра вновь пришел муж сестры. Иван удивился столь раннему визиту. К его удивлению зять принес с собой бутылку водки. Отец расставил рюмки, и они с зятем выпили, недоуменно глядя на Ивана, который читал газету. Когда зять вновь наполнил рюмки и предложил Ивану выпить с ними, тот честно заявил: он может выпить, но на следующий день никакая сила не может заставить его повторить этот процесс. Обрадованный отец заметил, что впервые встречает мужика, которого с утра не тянет опох-

мелиться, и что он этим очень доволен.

Во втором семестре произошло приятное для Ивана событие. В учебный план первого курса входила работа в мастерских. На первом занятии в мастерских кафедры «Технология материалов» студенты знакомились с токарным станком. Переодевшись в халаты, они начали изучать методическое пособие, а Иван встал за станок и приступил к вытачиванию детали. Когда он закончил работу, преподаватель объявил, что надо сдать зачет по итогам сегодняшнего занятия. Так как у Ивана в тетради не было нарисовано ни одной схемы, ему поставили «три».

Через два часа Иван проходил мимо кафедры «Технология материалов» и прочитал на двери фамилии профессоров, учебниками которых пользовался во время обучения в техникуме. Зайдя в кабинет, он увидел одного из профессоров и, сам не зная почему, решил у него спросить: почему на занятиях в мастерских надо перерисовывать в тетрадь кинематическую схему станка, с которой можно ознакомиться в многочисленных учебниках и справочниках? И добавил: лучше за это время научиться работать на станке. А потом стал объяснять удивленному профессору, как надо вытачивать сферу. Профессор с удивлением выслушал студента-первокурсника и затем спросил:

– Молодой человек, где вы получили такие хорошие практические познания о работе на станках?

Услышав, что Иван научился этому в авиационно-металлургическом техникуме города N., профессор оглянулся по сторонам и сказал:

– Я вам ставлю зачет. И, пожалуйста, больше не приходите в мастерские – вас там нечему учить...

Ивану было очень приятно услышать высокую оценку своего родного техникума.

Второй семестр студенты начали более уверенно. У большинства из них уже сформировались навыки по конспектированию лекций, подготовке к семинарам, защите лабораторных работ. Они не обсуждали между собой отношения к учебе, но реализовывали явно различные подходы к учебному процессу. Были студенты, в том числе Иван, которые учились, чтобы получить хорошие знания. Были студенты, которые учились для получения диплома. Было несколько человек, абсолютно безразличных к своему будущему.

В группе Ивана учился Андрей, для которого важно было только одно: сдать экзамен или зачет. Его нахрапистость особенно проявлялась во время лабораторных работ, на которых студенты изучали методиче-

ские указания, выполняли эксперименты и расчеты, оформляли их в виде отчета и шли к преподавателю для его защиты. Андрей всегда напрашивался в подгруппу с сильными студентами, так как имел слабые знания. Однажды он «втиснулся» в подгруппу Ивана и удивил его своим «методологическим» подходом. Как только подгруппы начали лабораторную работу, он заявил: давайте составлять отчет, нечего читать. Когда ему стали объяснять, что без изучения методических материалов нет смысла говорить об отчете, он продолжал настаивать на своем. Естественно, что никто не поддавался на его «методологические» особенности, поэтому и на лабораторных занятиях, и на семинарах этот студент всегда выполнял роль статиста.

Были студенты, которые уже на первом курсе начинали заниматься научной работой на кафедрах фундаментальных наук, но таких было немного. Большинство из них понимало, что без освоения цикла этих наук им пока не стоит пытаться заниматься научной работой по своей специальности. Были и такие, кого интересовали определенные разделы физики, математики, начертательной геометрии. Интересно, что среди них были и не самые сильные по успеваемости студенты.

Некоторые студенты занимались спортом, но не все выдерживали большие учебные нагрузки и занятия спортом, большинство довольно быстро заканчивало свои спортивные увлечения.

Много студентов-производственников приехало учиться из других городов, поэтому в свободное время они посещали музеи, выставки, кинотеатры. Огромное впечатление произвел фильм «Живые и мертвые», снятый по роману Константина Симонова. Впервые в истории советского кинематографа война была показана без всяких прикрас. После просмотра фильма каждый понимал, каких жертв потребовала война от советского народа и какой ценой была одержана наша Победа. Посмотрев фильм, Иван вспомнил: когда он начал службу в Советской Армии в 1960 году, их командир взвода старший лейтенант Игорь Сергеевич Соколов и на тактических, и на политических занятиях приводил конкретные примеры из романа «Живые и мертвые», опубликованного в журнале «Новый мир». Он приводил примеры из романа на каждом занятии. Было ясно, что для него этот роман является «военной энциклопедией».

Со второго семестра студенты более активно начали участвовать в общественной работе. В те времена было три ее основных направления: партийная, комсомольская и

профсоюзная. На факультете обучалось более пятидесяти студентов – кандидатов и членов КПСС. Поэтому на каждом курсе избирали парторга. Наиболее широкая сфера деятельности была у комсомольской организации, поэтому в каждой группе избирали комсорга и его заместителя, работали курсовые и факультетские бюро, а также комитет комсомола института. Сфера интересов комсомольской организации была очень широкой: проведение учебных смотров, организация субботников и подписки на газеты и журналы, культурно-массовая и спортивная работа. Студенты занимались общественной работой по различным причинам. Одних, как правило, наиболее успевающих, уговорили студенты группы, другие пытались проверить себя в этой деятельности, были и такие, которые решили делать карьеру.

Один из студентов курса рассказал нескольким однокурсникам в конце первого года обучения, что его целью является стать заместителем секретаря комитета комсомола института. Все студенты и аспиранты понимали, что это высокая должность и не каждый в состоянии ее добиться. Этот студент мало контактировал со своими однокурсниками, был по потенциалу гораздо ниже многих из них, учился в основном на тройки, но он очень хорошо умел работать с людьми: правильно говорил, умело слушал обращающихся к нему людей, обладал харизмой. Заместителем секретаря комитета комсомола института он все-таки стал, но это было пределом его карьеры: чувствовалось несоответствие его потенциала занимаемому положению. Вот и в последующем в производственной деятельности он не добился каких-либо заметных успехов.

Наиболее непонятной общественной деятельностью для большинства студентов института являлась работа в профсоюзной организации. Некоторые студенты критически относились к таким своим коллегам потому, что в этой организации имелись деньги. Конечно, очень небольшие деньги, предназначенные, в основном, для оказания материальной помощи студентам и приобретения необходимого для студенческих общежитий, но именно деньги являлись причиной скептического отношения основной массы студентов к своим «профсоюзным деятелям».

В целом работа общественных организаций на факультете положительно оценивалась всеми студентами и аспирантами, и каждый из них понимал, что такая работа требует времени. Надо сказать, что на любой общественной работе студенты и аспиранты приобретали навыки администри-

рования, что позволяло им впоследствии сравнительно быстро адаптироваться в производственном коллективе.

В те годы пытались реализовать непонятно кем придуманный девиз «Каждый студент должен заниматься общественной работой». Это было абсурдным: на всех «общественных должностей» не хватало. Эти же требования некоторые ретивые общественные деятели пытались распространить и на студентов, занимающихся в кружках художественной самодеятельности. Иван всегда с уважением относился к таким студентам. Это были, как правило, увлеченные люди, отдававшие много времени своим увлечениям. Было нелепо и нечестно пытаться привлекать их к общественной работе.

Начиная со второго курса, производственники и школьники стали заниматься в одних потоках, и, естественно, между ними началось общение. Складывалось оно непросто. Дело в том, что большинство студентов были москвичами и проживали в своих семьях, остальная часть жила в общежитиях, приехав на обучение из различных регионов страны. Между этими категориями студентов на первых порах существовало заметное различие, в первую очередь, – в области культуры. Москвичи посещали музеи, выставки и театры с раннего возраста, а люди, живущие в разных регионах России, широкого доступа к культурным сокровищам не имели. (Иван впервые посетил театр, будучи студентом первого курса. Это был спектакль «Конармия» в постановке театра имени Вахтангова. Театр и сам спектакль произвели на Ивана сильное впечатление, позднее он при первой возможности старался выбраться в тот или иной театр). Однако через полгода не было практически никакого различия между этими двумя категориями студентов.

На втором курсе наряду с фундаментальными дисциплинами студенты начали изучать некоторые общетеchnические курсы. Было замечательно, что многие преподаватели старались увязать отдельные разделы своих курсов с будущей специальностью. Это вызывало у студентов дополнительный интерес.

За время учебы в институте студенты имели дело со многими преподавателями, но запомнились им впоследствии далеко не все. Несмотря на то, что многие студенты специальности «Ракетные двигатели» получали на экзаменах по математике не очень высокие оценки, все они уважали доцента Ивана Сергеевича Савелова. На своих лекциях он блестяще преподавал основные теоретические положения математики. При этом подавляющее

количество теоретических выкладок он подкреплял практическими расчетами понятных всем узлов и деталей, некоторые из которых относились к области их будущей специальности. Однажды, рассматривая на доске практический пример использования сложной математической теоремы, Иван Сергеевич прекратил писать, отошел на середину аудитории и долго рассматривал написанные им формулы. Минут через пять он с облегчением сказал, что наконец-то нашел ошибку в вычислениях, приводимых в научной статье, которую он готовил к публикации.

Теоретическую механику в группе Ивана преподавала Лариса Петровна Титова. Если она переставала уважать какого-либо студента, то это было навсегда. Справедливости ради следует отметить, что в этом, как правило, были виноваты сами студенты. Если же она выявляла хорошего студента, то стремилась привлечь его к научной работе.

Одним из таких студентов оказался Иван. Лариса Петровна несколько раз давала ему решать задачи повышенной сложности и часто просила показать их решение на доске для всей группы. Наконец она решила, что ему надо заниматься научной работой под руководством заведующего кафедрой теоретической механики профессора В.В. Доброва – известного специалиста в области расчета траекторий полетов космических кораблей. И однажды в конце второго курса решительно повела Ивана к Доброву в кабинет. К сожалению, визит не был подготовлен. Зато именно во время этой встречи Иван понял, что профессора – люди с обычными человеческими потребностями. Дело было в конце мая. Лариса Петровна привела Ивана к профессору без предупреждения в пятницу около четырнадцати часов, когда он собирался покинуть свой кабинет и ехать на дачу. Он прямо об этом заявил, предложив перенести встречу на следующий семестр. Иван согласился, однако больше они не встречались: со следующего семестра он стал заниматься научной работой на своей кафедре.

Наиболее критически студенты относились к преподавателям общественных наук. Качество их работы в те времена учащиеся обычно оценивали по ответам на каверзные, но по сути справедливые вопросы. На первом курсе в группе Ивана семинар по истории КПСС проводил молодой преподаватель, который мог объективно ответить на любой злободневный вопрос. При этом он не обходил острых углов, откровенно говорил о существующих недостатках. В третьем семестре на семинар пришел новый

преподаватель, который рассказал, что его предшественника пригласили на работу в аппарат ЦК КПСС. Все студенты были довольны, что в главном штабе коммунистической партии работают толковые люди.

Но бывали и другие преподаватели, один из которых запомнился Ивану на всю жизнь. Он начал читать лекции и проводить семинары по истории КПСС в их группе в третьем семестре. В перерыве одного из семинаров, который начинался в половине седьмого и проводился один раз в две недели, Иван вышел покурить и оказался рядом с преподавателем. Они обсудили очередную «выходку» первого секретаря ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева, причем мнения их совпали. После перерыва преподаватель неожиданно обратился к группе со следующими словами:

– Я долго работал в аппарате ЦК КПСС и пришел преподавать в МИАРТ, предполагая, что буду иметь дело с глубоко порядочными молодыми людьми. Однако среди вас находятся неблагодарные люди, которые позволяют себе критиковать действия руководителя страны Н.С. Хрущева.

И, обратившись к Ивану, попросил его встать и покинуть аудиторию. Иван вышел из аудитории и услышал, как преподаватель говорил:

– Наверное, он еще и комсомолец...

Однорूपники промолчали, что он является членом КПСС.

Этот семинар состоялся 30 сентября 1964 года. Следующие два дня Иван гадал, куда его вызовут – в Комитет государственной безопасности или в партком. Это были напряженные для него дни. Кроме того, Иван никогда не забывал военную судьбу своего отца. 14 октября 1964 года, накануне очередного семинара, Иван стал гадать, пойдут ли его сегодня на семинар или нет. После обеда появилось сообщение, что Н.С. Хрущев освобожден от всех своих должностей. «Окрыленный» такой новостью, Иван пошел на семинар. Преподаватель истории КПСС вошел в аудиторию и сказал, что он двенадцать лет проработал в аппарате ЦК КПСС и сейчас расскажет, каким негодяем является Н.С. Хрущев. От изумления и гнева Иван долго не мог прийти в себя...

Но такие преподаватели были единичны. Большинство из них пользовалось огромным уважением студентов и аспирантов.

На втором курсе Иван начал изучать сопротивление материалов. Лекции им читал пожилой, но очень энергичный профессор А.П. Лихов. Он всегда старался объяснить сложные явления, возникавшие при нагружении конструкций, простейшими при-

мерами из жизни. На его лекции ходили практически все студенты. Объяснялось это просто: значимостью курса и оригинальным изложением лектором изучаемого материала.

В те годы в Советском Союзе начал развиваться культ фигурного катания. Советские фигуристы начали занимать призовые места на чемпионатах Европы и мира. В общежитии репортажи с чемпионатов смотрели по телевизору, установленному в Красном уголке (во всех советских общежитиях были такие комнаты, в которых проходили различные официальные торжественные мероприятия). В марте 1965 года Иван вместе с товарищами смотрел чемпионат Европы из Австрии: произвольную программу в одиночном катании показывали мужчины. Во время представления судей называли фамилию профессора Лихова. Через пять дней, когда А.П. Лихов вошел в аудиторию, студенты встретили его аплодисментами и просили рассказать о судействе в фигурном катании, о наших спортсменах. В перерыве никто не вышел из аудитории, все с интересом слушали рассказ.

Ивану, как и многим другим студентам, нравилось общаться с преподавателями в неформальной обстановке. В конце второго семестра он досрочно выполнил домашнее задание по гидравлике и пошел искать своего преподавателя И.В. Макеева. Иван нашел преподавателя в лаборатории, тот был в спортивной майке и что-то окрашивал. Игорь Васильевич объяснил ему, что закончил монтаж новой экспериментальной установки, стал рассказывать про ее основные функции и планируемые испытания. После полуторачасового общения Иван понял: решение большинства научно-технических задач начинается с проектирования и монтажа установки для проведения экспериментальных исследований.

В институте было немало преподавателей с широким кругом интересов, выходящих за рамки их служебных обязанностей. Изучая на первом курсе черчение, студенты имели десять часов практических занятий по техническому рисованию. Посреди аудитории размещали разные геометрические фигуры, и студенты на листах ватмана рисовали их. Будущий инженер должен был уметь делать эскизы различных деталей и узлов. Занятия проводил О.И. Савосин – представительный мужчина, явно любивший свое дело. Каково же было изумление студентов, когда через несколько лет они увидели Олега Ивановича в нескольких фильмах. Он играл характерные эпизодические роли, но игра его была яркой и запоминающейся.

В 1965 году страна впервые широко отмечала 20-летие со дня победы советского народа в Великой Отечественной войне. Впервые после 1948 года 9 мая было объявлено выходным днем, в Москве и многих других городах были проведены военные парады, учреждена медаль «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», которой наградили всех участников войны и ветеранов труда.

Ивана всегда удивляла сдержанность этих людей в рассказах о тех событиях, участниками которых они были. Он не раз сидел за столом с друзьями своих родителей. Все эти друзья участвовали в войне. За столом они обсуждали успехи детей, производственные события, урожаи на огороде и в саду, новые кинофильмы, но мужчины никогда не говорили о войне.

За два месяца до окончания второго курса объявили о формировании студенческого строительного отряда (ССО) численностью двести человек, который во время летних каникул поедет на строительство химического комбината в Смоленскую область. Командиром отряда утвердили аспиранта Александра Круглова, а комиссаром – Ивана. МИАРТ имел хорошую традицию – ежегодно проводить смотры художественной самодеятельности факультетов. В эти годы в стране зарождался КВН. Иван подбирал участвующих в самодеятельности ребят и девчат с курса, чтобы задействовать их в концертах на месте дислокации студенческого строительного отряда.

Перед отъездом в Смоленск Иван зашел к декану факультета профессору М.Г. Крылову. Напутствие декана было кратким: «Ты должен привезти в Москву столько же студентов, сколько уедет с тобой».

Основной задачей ССО было проведение работ по изоляции крыш нескольких очень больших зданий, а также укладка тротуаров на территории комбината. Ребята с азартом взялись за работу. Но спустя два дня выяснилось, что комбинат плохо подготовился к приему отряда: не хватало материалов, не было механизированных средств. Но студенты не унывали. В отряде нашлись люди, хорошо владеющие плотницким, столярным и слесарным делом.

Через две недели после приезда вечером Иван вместе с группой художественной самодеятельности поехал в расположенный в пятнадцати километрах от них колхоз. В деревенском клубе собралось много местных жителей, на концерте присутствовал и директор колхоза. Он был растроган выступлением и стал объяснять Ивану, что, к сожалению, у него нет наличных денег, чтобы расплатиться. Иван объяснил, что они

оказывают колхозникам шефскую помощь. Председатель на этом не успокоился. «Артистам» привезли сорокалитровый бидон парного молока и свежий хлеб. Ребята домой вернулись в очень хорошем настроении, каждый понимал, что для людей, живущих в такой глуши, студенческий концерт действительно является праздником. С тех пор они еженедельно выезжали в ближайшие деревни для проведения концертов.

В начале сентября в Кремлевском Дворце съездов проводился слет ССО, организованный Центральным комитетом ВЛКСМ. Была официальная часть, где рассматривались итоги работы ССО, а после перерыва состоялся концерт с участием ведущих артистов эстрады. Иван получил два приглашения билетов на этот слет и пригласил однокурсницу Елену. Они впервые увидели на сцене начинающих певцов Эдуарда Хиля, Иосифа Кобзона, молодую, но уже известную Эдиту Пьеху. Посещение слета сблизило Ивана с девушкой, которая с гордостью рассказывала подругам и родным, как побывала в Кремлевском Дворце съездов.

На первой неделе занятий на третьем курсе Иван пошел на свою кафедру и попросил доцента Алексея Викторовича Чернова привлечь его к научной работе. Алексей Викторович с удовольствием взялся ему помочь. Через неделю Иван начал заниматься научной деятельностью под руководством аспиранта Василия Суворова.

Жизнь Ивана становилась все насыщеннее и интереснее. Два-три раза в неделю он встречался с Еленой, они ходили в музеи, на выставки, в кинотеатры. По воскресеньям Елена приглашала Ивана в гости, и он с удовольствием общался с ее родителями, сестрой и ее мужем. (Когда Лена впервые приехала в гости к родителям Ивана, она тоже довольно быстро нашла общий язык и с ними, и с его сестрами).

Два-три раза в неделю Иван проводил время за научной работой. В течение полутора часов с аспирантом Василием они проводили эксперимент, в процессе которого через нагретый пористый материал пропускалась вода, после чего Иван обрабатывал результаты эксперимента для определения значения коэффициента теплопередачи пористого материала. Расчеты требовали большой точности, Иван проводил их на счетной машине «Рейнметалл» германского производства. Проводимое аспирантом исследование являлось составной частью научно-исследовательской работы кафедры, выполняемой по заказу промышленного предприятия. Через три месяца успешной работы Иван был оформлен на половину ставки лаборанта.

Материальное положение основной массы студентов было в то время одинаково невысоким. Тем не менее, большое количество студентов жило только на стипендию. Кстати говоря, в МИАЭТ она была 45 рублей в месяц, тогда как в большинстве других вузов – 35 рублей.

С начала 1960-х годов в репортажах о космосе упоминались два безымянных лица – Главный конструктор космических кораблей и Главный теоретик. Вся страна гадала, кто же эти люди. В апреле 1966 года скончался Сергей Павлович Королёв. Тогда все узнали, кто скрывался за именем Главного конструктора. Чуть позже из печати стало известно, что Главным теоретиком космоса является Президент АН СССР Мстислав Всеволодович Келдыш.

Вскоре состоялся 18-й съезд КПСС, на котором была изменена структура высшего руководства партии. Вместо Президиума ЦК КПСС было учреждено Политбюро ЦК КПСС, а первый секретарь Леонид Ильич Брежнев стал именоваться Генеральным секретарем ЦК КПСС. Иван, как и большинство населения страны, понимал, что это не просто смена названий, а мероприятия, повышающие руководящую роль КПСС в советском государстве – стране непостроенного социализма.

В апреле 1966 года Иван впервые принял участие в студенческой научной конференции кафедры, выступив с докладом о теплообмене в пористых материалах. На конференции было сделано восемь докладов, и Иван наглядно увидел необходимость уметь правильно представлять результаты своих исследований и обоснованно отвечать на вопросы.

По окончании третьего курса, приехав домой, Иван решил поработать два месяца на заводе металлоконструкций, где он работал до службы в армии. Его приняли инженером конструкторского отдела. Наравне со штатными сотрудниками ему приходилось проектировать опоры зданий и линий электропередач. При этом все прочностные расчеты выполнял проектный институт, который передавал заводу схемы расположения рассчитанных опор. Конструкторы рассчитывали геометрические размеры проектируемых опор, которые изготавливали на этом же заводе.

Однажды начальник отдела попросил Ивана зайти к нему. В кабинете он спросил:

– Ну что, студент, сможешь рассчитать прочность балок при воздействии на них снеговой нагрузки?

Через полтора часа Иван отдал расчеты начальнику отдела, и тот рассказал ему, что до этого он просил выполнить этот расчет

трех инженеров и каждый из них отказался. Иван прекрасно понимал, что эти три сотрудника не являются плохими инженерами, их беда заключалась в том, что они никогда не проводили практические расчеты на прочность и не имели представления, где найти необходимые справочные материалы. Тогда он сделал для себя вывод: при изучении нового курса необходимо не только его хорошо освоить, но и знать перечень основных справочных материалов, необходимых для проведения конкретных расчетов.

Во время работы на заводе Ивану пришлось столкнуться с косностью сравнительно молодого руководителя – заместителя директора завода, с которым он был знаком с детских лет. Завод относился к министерству энергетики и электрификации СССР, и руководителям завода приходилось участвовать во многих совещаниях по вопросам производства электроэнергии. Однажды заместитель директора завода Вадим Александрович Обморшев рассказал Ивану, что он участвовал в заседании технического совета министерства, на котором академик АН СССР, главный конструктор первой в мире атомной электростанции Н.А. Доллежал рассказывал о перспективах строительства АЭС в нашей стране, призывая производителей скорее приступить к этому делу. Но, по словам В.А. Обморшева, они «поставили» академика на место, задав вопрос о стоимости производства электроэнергии на АЭС, которая в то время была заметно больше, чем на ГРЭС и ГЭС. Ивана возмутило такое отношение, и он в резкой форме сказал заместителю директора, что тот абсолютно не понимает перспективы развития ядерной энергетики, как, впрочем, и любой другой техники, ведь даже человеку без высшего образования известно, что на этапе освоения новой технологии или оборудования стоимость продукции всегда выше, чем в последующем.

Спустя более сорока лет во время одного из редких приездов на родину Иван встретил бывшего заместителя директора завода, который был уже на пенсии. К его чести, он не забыл их последнюю встречу и сказал, что четыре десятилетия назад Иван был прав в своей оценке роли ядерной энергетики, которая все шире внедряется практически во всех промышленно развитых странах. Действительно, к 2009 году в России работали одиннадцать АЭС, на которых производили 16,7 % электроэнергии страны. Кроме того, российские специалисты строили новые АЭС в нескольких зарубежных странах.

С сентября 1967 года учебный план спе-

циальности, которой обучался Иван, заметно изменился. Появилось большое количество специальных дисциплин. При этом заметно увеличился интерес к ним ребят, которые фундаментальные и инженерные дисциплины, как правило, сдавали на тройки. Теперь многие из них получали на экзаменах отличные оценки.

На четвертом курсе появился еще один предмет – «Основы научного коммунизма». К этому времени о строительстве коммунизма в Советском Союзе старались не упоминать, но курс, введенный при Н.С. Хрущеве, остался и вызывал у студентов насмешки. Иван работал секретарем партийного бюро курса, по принятому тогда негласному этикету ему надо было посещать все лекции своей группы по общественно-политическим дисциплинам. Он был единственным студентом на курсе их факультета, который посетил все лекции по основам научного коммунизма.

Изучение специальных дисциплин на кафедре начиналось с курса «Теория ракетных двигателей», который читал доцент Алексей Викторович Чернов. Он очень интересно преподносил материал, в общении с ним не чувствовалось большой разницы между студентом и преподавателем. Алексей Викторович общался со студентами как со взрослыми людьми. Множество студентов старших курсов ходило к нему на консультации по самым различным вопросам.

В то время большинство материалов по разработке, изготовлению, испытаниям и эксплуатации ракетных двигателей, как и в целом ракетной техники, в Советском Союзе было закрыто и практически не публиковалось в открытой печати. Поэтому многое приходилось изучать по зарубежным материалам. В частности, в СССР издавался американский переводной ежемесячный журнал «Ракетная техника», и уже на третьем курсе многие студенты регулярно читали этот журнал.

К тому времени Иван уже «работал» в трех библиотеках Москвы: в библиотеке политехнического музея, научно-технической публичной библиотеке и в библиотеке имени Ленина. Он особенно любил работать в «ленинке» – там был очень большой библиотечный фонд, и сама обстановка читального зала располагала к творческой деятельности.

На пятом курсе Иван выполнял курсовой проект и в течение двух дней никак не мог рассчитать специальную конструкцию сопла ракетного двигателя. Отчаявшись, он пошел просить помощи у Алексея Викторовича Чернова. Тот сразу попросил назвать книгу, которой пользовался Иван. Ус-

лышав ответ, он заметил:

– Вы прекрасно знаете, что существуют как хорошие, так и плохие студенты. Те же сравнения можно использовать и в других «слоях общества».

И дал другую методику расчета сопла, с помощью которой Иван за несколько часов выполнил необходимые расчеты.

Среди преподавателей кафедры была одна единственная женщина – Людмила Михайловна, которую студенты знали и уважали за то, что она была куратором с большой буквы. Она многим помогла практическими жизненными советами, приглашая студентов курируемой группы к себе домой на чаепития. При этом она готовила стол только вместе с ребятами, объясняя, что современный молодой человек должен уметь выполнять любую домашнюю работу, в том числе – приготовление еды.

Наряду с учебными делами студенты активно обсуждали события в стране. В январе 1967 года было начато строительство Волжского автомобильного завода (ВАЗа) в городе Тольятти. До этого времени легковые автомобили в нашей стране производили на Горьковском автомобильном заводе (автомобиль «Волга»), Московском заводе малолитражных автомобилей («Москвич») и Запорожском автомобильном заводе («Запорожец»). При этом ежегодный суммарный выпуск всех указанных автомобилей не превышал ста пятидесяти тысяч. Годовой выпуск на ВАЗе должен был составлять шестьсот тысяч автомобилей. Впервые в нашей стране заговорили о централизованных службах сервиса, продаже автомобильных частей, строительстве новых и ремонте существующих дорог.

В марте 1967 года в Советском Союзе была введена пятидневная рабочая неделя вместо существующей шестидневки. Особенно важным это было для женщин с их постоянной нехваткой времени на домашние дела, родители могли больше внимания уделять своим детям. И все большее количество городских жителей стали приобретать садово-дачные участки.

В 1967 году в Москве был открыт мемориал «Могила неизвестного солдата» в Александровском саду. В этом же году в Волгограде было завершено строительство монумента «Родина-мать». Группа Ивана уже на второй день после открытия побывала в Александровском саду. Мемориал был данью памяти многочисленным солдатам, сержантам и офицерам, о захоронении которых не было ничего известно ни их однополчанам, ни их родственникам.

В весеннем семестре группа выполняла курсовой проект по дисциплине «Проекти-

рование ракет». На предложение руководителя выполнить нестандартный проект Иван с удовольствием согласился. Ему было поручено восстановить пневмогидравлическую схему одной из ракет, находящихся в демонстрационном зале, и он с удовольствием три раза в неделю обследовал эту ракету, пытаясь найти или мысленно представить продолжение многочисленных трубопроводов, узлов, деталей и прочего. К удивлению Ивана, через две недели ему стали помогать аспиранты и молодые преподаватели, так как они отчетливо понимали необходимость восстановления утерянной пневмогидравлической схемы этой ракеты. За три месяца, проведенные Иваном в демонстрационном зале, он практически понял принцип проектирования ракет и узнал очень многое о системах управления, стабилизации и многом другом.

После окончания четвертого курса группа, в которой учился Иван, поехала в Сибирь на технологическую практику. Она проходила на заводе по производству жидкостных ракетных двигателей второй ступени. Студентов поразили современные технологии и оборудование, на котором производили двигатели. При этом соблюдалась высокая технологическая дисциплина, малейшие изменения в процессе изготовления согласовывались с разработчиками. Практика продолжалась восемь недель. Студенты подробно ознакомились с основными технологическими процессами на предприятии. По окончании практики все участвующие в ней должны были представить основы проектирования, изготовления и испытаний ракетных двигателей.

После практики Иван торопился домой, чтобы поработать вожатым в пионерском лагере. Вместе с тремя другими студентами он решил лететь в Москву на самолете. Для Ивана это было первое в жизни авиационное путешествие, и он с интересом присматривался к обстановке. Через час полета, когда стюардессы начали разносить фруктовую и минеральную воду в маленьких стаканчиках, похожих на рюмки, они с соседом по креслу Алексеем решили разыграть своего одноклассника Андрея. Заметив в проходе стюардессу с подносом, ребята спросили Андрея, что он будет пить – коньяк или водку. Андрей, поглядев на поднос, сказал, что он выпил бы коньячку. Когда стюардесса обратилась к нему, Андрей попросил коньяка. Друзьям долго пришлось выслушивать наставление о том, что в советских самолетах спиртных напитков не употребляют.

Через день после возвращения в Москву Иван поехал в пионерский лагерь.

Эта была новая для него сфера деятельности – работа с подростками. Иван довольно быстро установил контакт с пионерами отряда. Самым трудным оказалось уложить детей спать после обеда. И через несколько дней он решился на педагогический эксперимент. Когда мальчики укладывались в кровати, Иван просил их не шуметь, ложился спать и накрывал голову простыней. В первый раз несколько «тихонь» пытались поднять шум, но их осадил самый хулиганистый мальчик, который всем и объяснил, что нельзя шуметь, когда спит Ваня.

Иван был в пионерском лагере уже в третий раз, но теперь в качестве вожатого. И еще раз оценил огромную воспитательную работу, проводимую для пионеров. Ребятам приучали к дисциплине, к участию в художественной самодеятельности, активным занятиям спортом, пешим походам, для них организовывали встречи с интересными людьми, показ кинофильмов. Это было хорошее времяпрепровождение.

К сожалению, трехмесячное отсутствие Ивана в Москве сказалось на отношениях с Еленой. Они расстались, хотя зимой уже договаривались о свадьбе. Иван очень сожалел об их разрыве. На вопросы родственников и друзей о причинах разрыва Иван отвечал, что это произошло по его вине. Через несколько месяцев Елена вышла замуж.

Занятия на пятом курсе начались 25 сентября. Сразу же стали обсуждаться возможные места будущей работы. Иван хотел распределиться в один из научно-исследовательских институтов Министерства обороны. Он прекрасно понимал, что основными «потребителями» ракетной техники являются военные, они же активно разрабатывают новые ее образцы и технологии изготовления.

Осенью 1967 года страна жила ожиданием знаменательного юбилея – 50-летия Великой октябрьской социалистической революции. В октябре была учреждена новая государственная награда – орден Октябрьской революции, этот орден был по статусу вторым после ордена Ленина. Состоялись массовые награждения. Соотношение между представителями всех социальных слоев общества выдерживалось строго. Такое требование было трудно соблюдать в академии наук, проектных институтах, ведь в их штате было мало рабочих. И все же юбилей в стране прошел на высоком организационном уровне. Иван с друзьями сходил на демонстрацию 7 ноября, вечером с Ленинских гор полюбовался праздничным салютом.

На пятом году обучения давали в основном курсы по специальности. Запомнился Ивану и его сокурсникам доцент Алексей

Георгиевич Киселев, читавший лекции по курсу «Специальная технология». В течение шести лекций он излагал свою будущую докторскую диссертацию, сумев втиснуть ее содержание в рамки учебной программы. Далеко не каждый преподаватель излагал студентам свои научные разработки, но именно такие преподаватели как Алексей Георгиевич формировали будущих инженеров и научных работников.

Ивану и его коллегам по группе запомнился доцент Степан Владимирович Рубин, который читал лекции по курсу прочности элементов ракетной техники в условиях повышенных температур. Большинство студентов понимало, что его курс основан на результатах множества исследований, проводимых самим Степаном Владимировичем. Интересные лекции читали профессора, длительное время работавшие в КБ, НИИ, Министерствах. Они владели большим объемом информации, на их лекциях раскрывалась история создания ракетной техники в Советском Союзе.

На пятом курсе Иван вместе с Павлом, старостой их группы, выполнял нестандартный курсовой проект по дисциплине «Проектирование ракетных двигателей». С согласия их руководителя Алексея Викторовича Чернова они проектировали и рассчитывали ракетный двигатель с использованием плексиглаза в качестве горючего. У них образовался прекрасный тандем: Павел выполнял в основном проектные работы, а Иван – расчетно-теоретические. Они подготовили заявку на изобретение. И только когда стали проводить патентный поиск, выяснили, что многие из предложенных ими «новых» решений уже зарегистрированы как авторские свидетельства.

В сентябре 1967 года Ивана избрали членом факультетского бюро ВЛКСМ, его портрет был помещен на студенческую Доску почета МИАРТ, что было признанием его отличной учебы и активной общественной работы. На заседаниях бюро ВЛКСМ факультета рассматривали различные вопросы: о текущей успеваемости, о работе студенческого научно-технического общества, о ходе подготовки к проведению демонстрации 7 ноября, о подготовке к проведению смотра художественной самодеятельности факультета, о работе студенческой организации ДОСААФ (Добровольная организация содействия армии, авиации и флоту), об улучшении изучения социально-политических дисциплин и многие другие.

Практически на любом заседании бюро ВЛКСМ рассматривали персональные дела, в том числе – о плохой успеваемости студентов, о неудовлетворительной посе-

щаемости лекций. В некоторых случаях факультетское бюро комсомола ходатайствовало перед деканатом об отчислении конкретного студента за плохую успеваемость. Это значительно повышало авторитет комсомольской организации. Но бывали и сложные персональные дела. В те годы немалое число родственников писало жалобы в партийные организации, которые были обязаны разобраться, например, в семейных делах мужа и жены, в которых они сами не могли разобраться в течение нескольких лет. В некоторых случаях таким же образом поступали и молодые люди, обращаясь в комсомольские организации.

В апреле 1968 года Иван улетел в Красноярский край для ознакомления с местом дислокации и фронтом предстоящих работ студенческого строительного отряда, командиром которого он был утвержден два месяца назад. Поездка произвела на Ивана сильное впечатление. Он впервые побывал в тайге, увидел незавершенную железную дорогу, которую их отряду предстояло достроить. Один из участков дороги проходил между скалами желтоватого цвета. Это был знаменитый саянский мрамор. На обратном пути в Красноярск командиров отрядов завезли на Красноярскую ГЭС, строительство которой подходило к финишу. Иван поднялся на вершину плотины, высота которой составляла более ста метров. Оттуда открывался живописный вид на Енисей, на тайгу и горы.

Но и любясь живописными картинами, Иван постоянно мысленно готовился к защите курсового проекта. Защита была назначена на следующий день после возвращения в Москву. Однако вечером в день прилета пришел Павел и поздравил Ивана с отличной оценкой по курсовому проекту. Оказалось, несколько дней назад состоялась конференция студенческого научно-технического общества кафедры, на которой Павел рассказал об их проекте. Жюри конференции признало эту работу лучшей и решило поставить обоим авторам отличные оценки.

В мае 1968-го Иван наглядно столкнулся с ролью партийной организации в решении кадровых вопросов. К этому времени деканат собрал заявки кафедр на дипломников, рекомендуемых для работы в МИАРТ. Иван не планировал оставаться работать на кафедре, однако неожиданно за две недели до государственного распределения его пригласили к заведующему и сказали, что после защиты дипломного проекта он рекомендуется для работы на кафедре. И добавили: это мнение и кафедры, и партийной организации факультета. На возраже-

ние Ивана, что он не является москвичом, ему ответили: раз его родители живут в Московской области, то по существующему положению он может работать в Москве. Выяснилось также, что обе выдвинутые кафедрой кандидатуры были отклонены партийной организацией факультета.

Иван с радостью принял это предложение, и спустя две недели его официально распределили на кафедру двигателей летательных аппаратов МИАРТ. Через несколько дней его будущий научный руководитель рассказал ему об основных направлениях их научной деятельности и выдал первое задание – подготовить обзор публикаций по особенностям течения жидкостей в капиллярных каналах. Иван активно приступил к работе, одновременно продолжая готовиться к поездке в Сибирь.

Через два дня после завершения экзаменационной сессии отряд численностью более ста человек выехал в Красноярский край. Всего в этот регион выехало около пяти сот студентов и аспирантов МИАРТ. Поездка продолжалась более двух суток, поэтому члены отряда успели познакомиться друг с другом. Основной состав отряда составляли студенты второго курса, но были и более старшие ребята, которые имели опыт работы в студенческих строительных отрядах. Именно из таких студентов формировали бригадиров. Работать приходилось много, но никто не роптал, и все с удовольствием и интересом осваивали новые рабочие специальности.

Иван впервые видел некоторые рабочие профессии. После первой пробной эксплуатации железной дороги полотно начинает съезжать в сторону. Особенно это характерно для полотна, грунт которого имеет большую пористость и склонен к размыванию. Тогда железнодорожные пути начинают рихтовать. Бригада рихтовщиков, как правило, состоит из тридцати женщин и одного мужчины. По пятнадцать женщин на каждом рельсе под командой бригадира-мужчины ломами начинают передвигать полотно в нужную сторону. Это была сверхтяжелая работа. Но, как выяснил Иван, другой работы невозможно было найти женщинам из ближайших деревень и поселков, и они соглашались на любую.

За два месяца пребывания в регионе Иван заметил, что большинство руководителей и в строительно-монтажных поездках, и в тресте очень молоды. Значительная часть из них приехала из европейской части страны и быстро продвигалась по служебной лестнице, получая бесценный опыт реальной практической работы.

В те годы в студенческие строительные

отряды направляли по несколько трудно-воспитуемых, считая, что в труде и общении со студентами они могут исправиться. В отряде Ивана были трое таких рабочих и один трудный подросток. Все они пользовались уважением. Рабочие же поехали со студенческим отрядом с единственной целью – заработать денег. После возвращения в Москву члены отряда периодически встречались, но никогда на эти встречи не приходил Георгий – один из тех трех рабочих. Его друзья рассказывали, что он насовсем уехал из Москвы. Спустя несколько месяцев Георгий вечером приехал в общежитие к Ивану и рассказал свою историю.

После возвращения из Красноярского края на заводе, где работал Георгий, организовали экскурсию в Волгоград для посещения открытого в 1967 году монумента «Родина-мать», посвященного Сталинградской битве. Этот монумент и полученная во время экскурсии информация настолько потрясли Георгия, что он уволился с работы и уехал работать в Волгоград, чтобы обслуживать туристов, прибывающих в город. Кроме того, он с интересом начал изучать новые материалы о битве под Сталинградом, обогащая таким образом экспозицию музея. Он заверил, что отныне всю свою жизнь посвятит этому интересному делу. Георгию было немногим более тридцати лет, и Иван спросил его, не собирается ли тот жениться. Ответ его изумил: «Мне вначале надо стать хорошим специалистом в моей новой профессии, а уже затем думать о женитьбе».

В сентябре 1968 года студенты-пятикурсники проходили преддипломную практику. Как правило, практика проходила на тех предприятиях, куда они были распределены. Практически все из них уже во время практики приступили к выполнению дипломного проекта. Иван проходил преддипломную практику на кафедре, и уже на второй день ему предложили оформиться на ставку лаборанта, участвуя в подготовке и проведении лабораторных работ. Иван, конечно, согласился. Позже он узнал, что на кафедре появилась вакансия лаборанта, и для того, чтобы эту ставку не сократили в конце года, ему и предложили ее занять, поскольку он хорошо зарекомендовал себя за время предыдущей работы на кафедре. С учетом стипендии зарплаты Ивана в течение четырех месяцев была больше его будущего заработка в качестве инженера (ежемесячная зарплата молодого специалиста в те годы составляла сто рублей). Однако наряду с зарплатой увеличился и объем работ.

В течение рабочего дня Иван выполнял

обязанности лаборанта, а по вечерам работал над дипломным проектом. И именно это обстоятельство ускорило его решение о женитьбе. С мая он встречался с девушкой по имени Людмила, которая ему очень нравилась. Как истинный кавалер, по вечерам он провожал ее домой, возвращаясь в общежитие после одиннадцати часов вечера. А потом надо было еще садиться за письменный стол для работы над дипломным проектом. В октябре Иван сделал Людмиле предложение, и в январе 1969 года, за полтора месяца до защиты дипломного проекта, они поженились.

После женитьбы Иван переехал жить к Людмиле и начал думать о возможности приобретения квартиры в ближайшее время. Дело в том, что в квартире проживали две полные семьи, а также брат и сестра Людмилы. Отношения были хорошими, но все равно теснота сказывалась. Надо было думать о будущем.

Иван выполнял очень интересный проект, посвященный алгоритму управления ракетным двигателем, начиная с момента его включения и до полного выключения. Для этого он использовал систему уравнений, описывающих поведение большого количества элементов и систем двигателя. Входящие в уравнения постоянные величины он брал из результатов холодных испытаний двигателей на предприятии-разработчике.

В начале февраля 1969 года Иван защитил дипломный проект. Вечером его новые родственники организовали чаепитие и тепло поздравили бывшего студента с получением звания инженера.

Утром следующего дня он поехал в общежитие к своим друзьям в предчувствии, что они вчера хорошо повеселились, как это принято в студенческих общежитиях. И предчувствие его не обмануло. Поднявшись на четвертый этаж, он увидел двух своих друзей, которые, как и он, вчера защитили дипломные проекты. Оба они мыли окна и полы на лестничной площадке. Оказалось, что вчера после приличного возлияния они организовали тренировку

по тушению пожара в общежитии. С этой целью компания сорвала огнетушители примерно с десяти противопожарных стендов и поливала ими стены и окна на лестничной площадке четвертого этажа.

Через час за чаем друзья согласились, что все должно быть в меру. За чаем Александр, один из друзей Ивана, который должен был ехать на работу в Воронеж, признался, что у него нет денег на билет: он купил себе новый костюм. Решили пойти этажом выше в комнату, в которой проживал Вячеслав Дудин, их одноклассник. Этот парень отличался редкостной тупостью в науках, он постоянно списывал и вечно просил помочь ему выполнить домашние задания. Но он был небедным студентом, уже около года работая в камере хранения Ярославского вокзала. Ребята справедливо рассчитывали, что Вячеслав не забыл их помощь в течение шести лет и одолжит займы на два дня тридцать рублей. Иван рассчитывал, что они с женой в течение дня найдут эту сумму и отдадут Вячеславу. Однако Вячеслав, вынув из кармана деньги, сказал, что у него всего-навсего шестьдесят рублей, а до зарплаты еще десять дней. Поэтому, извините: он не может помочь.

На следующий день Иван привез Александру необходимую сумму, и через день группа поехала провожать друга на Ярославский вокзал. Приехали туда значительно раньше, и выпускник из их группы Юрий предложил пойти в камеры хранения и сказать Вячеславу, не стесняясь, кто он на самом деле. Иван, зная взрывной характер Юрия, пошел с ним. Они подошли к одному из окон, которое обслуживал мужчина лет тридцати, и спросили, где им найти Вячеслава Дудина. Мужчина ответил, что тот сегодня не работает и почему-то еще спросил, зачем им понадобился Вячеслав. Юрий ему рассказал эту историю и объяснил, что они пришли его побить. В ответ мужчина попросил ребят: если они еще раз решатся навестить Вячеслава, то пусть обязательно заранее оповестят его об этом. И дал свой телефон со словами: «Я с удовольствием поучаствую в этом деле...».

Печатается в сокращении.

Алексей ИЛЬИН

художник,
преподаватель УдГУ,
г. Ижевск

«ВЫ, КАК СУДЬИ, НАРИСУЙТЕ НАШИ СУДЬБЫ...»*

С книгой. Художник Алексей Ильин.

* Строки взяты из стихотворения Булата Окуджавы.

Цветок папоротника. Художник Алексей Ильин. г Ижевск.

Памятник Надежде Дуровой в Сарапуле. (Фрагмент).
Автор скульптурной композиции народный художник России Владимир Суровцев.

Птица. Подвеска из кости, найденная
на раскопках Кушманского городища
в Удмуртии.